

№ 4 (37)
2016

ВЕСТНИК

Дальневосточного
юридического института
МВД России

Выходит с 2001 г.
Периодичность –
четыре раза в год

Учредитель и издатель –
Дальневосточный
юридический институт
Министерства внутренних
дел Российской Федерации

Редакционная коллегия:

Главный редактор
М.А. Тулиглович,
канд. юрид. наук, доцент

Заместитель
главного редактора
А.Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь
А.А. Осадчий

Члены редколлегии:

Е.Ю. Антонова,
д-р юрид. наук, доцент;

И.М. Антонов,
канд. юрид. наук, доцент;

Д.А. Баринов,
канд. юрид. наук, доцент;

А.С. Бахта,
д-р юрид. наук, профессор
(г. Москва);

В.Н. Бойко,
д-р юрид. наук, профессор;

Н.Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, профессор;

Л.Н. Древаль,
д-р юрид. наук, профессор;

Н.Н. Егоров,
д-р юрид. наук, профессор
(г. Москва);

И.С. Еремина,
д-р пед. наук,

канд. юрид. наук, доцент;

В.В. Кульгин,
д-р юрид. наук, профессор;

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история права и государства

Кульгин В.В. Проблемы исследования древнерусского права / 5
Салтыков К.Г., Ищенко О.А. Особенности терминологизации
общеупотребительной лексики в юриспруденции / 12

Конституционное право. Муниципальное право

Гамалей С.Ю., Гамалей А.А. Создание законодательных (пред-
ставительных) органов государственной власти в Дальневосточном
регионе / 18

Нежинская К.С., Рыбак А.А. Правовые основы государственной
идеологии в России / 25

Уголовный процесс

Шурухнов Н.Г., Румянцева М.О. Уголовно-процессуальные усло-
вия (требования), обеспечивающие законность, обоснованность
и своевременность рассмотрения сообщения о преступлении / 32

Загвоздкин Н.Н. Следственный комитет Российской Федерации:
современное состояние и перспективы развития / 41

Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право

Антонова Е.Ю. Совершение преступления в состоянии опьянения
как обстоятельство, отягчающее наказание / 50

Игнатов А.Н. О насилии, его видах и их уголовно-правовом отра-
жении / 59

Волков К.А. Двадцать лет Уголовному кодексу России: итоги
и перспективы развития / 66

Курсаев А.В. Квалификация невыплаты заработной платы, пен-
сий, стипендий, пособий и иных выплат (статья 145¹ УК РФ)
с учетом мотива совершения преступления / 73

Забелов А.Ю. Юридическая природа провокации преступления / 78

Яхимович С.Ю. Влияние хунхузничества на деятельность Китай-
ско-Восточной железной дороги (1920–1930-е гг.) / 82

Тюфяков Н.А. Развитие института изменения вида исправительно-
го учреждения в российском уголовно-исполнительном праве / 88

Административное право. Административный процесс

Бойко В.Н., Симакина И.А. К вопросу о соотношении терминов
«профилактика правонарушений», предупреждение правонаруше-
ний» и «меры административного предупреждения» / 98

Елфимова Е.В., Никонова Ю.Ш. Некоторые проблемы, возника-
ющие при возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью
граждан административным правонарушением в области безопас-
ности дорожного движения / 103

Н.Е. Мерецкий,
д-р юрид. наук, профессор;
И.В. Никитенко,
д-р юрид. наук, доцент;
С.В. Сунрун,
канд. юрид. наук, доцент;
С.Ю. Ударцев,
канд. юрид. наук, доцент
(г. Краснодар);
Н.А. Шабельникова,
д-р ист. наук, профессор
(г. Владивосток)

Редактор
Е.Ю. Колобанова
Корректор
Н.Б. Хохлова

**Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций на
соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук**

*Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство
ПИ № ФС77-37942
от 5 ноября 2009 г.*

Публикуемые материалы
отражают точку зрения автора,
которая может не совпадать
с мнением редколлегии.
Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 22.12.2016.
Бум. офис. Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 23,02.
Тираж 300 экз. Заказ № 52.
Цена свободная.
Подписной индекс 83731.

Дальневосточный юридический
институт МВД России.
Редакционно-издательский
отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15.

Электронный адрес редакции:
e-mail: redactor80@gmail.com;
vestnikdvui@yandex.ru
Тел. (4212) 46-52-17
Тел./факс: (4212) 46-52-06

© ФГКОУ ВО ДВЮИ
МВД России, 2016

Степанов А.В. Понятие категории «компетенция»: теоретико-правовой анализ / **108**

Кузнецов А.В. Организация деятельности сотрудников ГИБДД по выявлению административных правонарушений путем фиксации специальными техническими средствами / **115**

Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность.
Оперативно-розыскная деятельность

Ялышев С.А. О путях повышения эффективности расследования преступлений / **120**

Пугачёв И.Н., Маркелов Г.Я., Забавина А.Ю. Значение науки геоинформатики в раскрытии и расследовании преступлений (технико-криминалистический аспект) / **126**

Прутовых В.В. Медико-юридическая характеристика терминов «телесное повреждение» и «вред здоровью» / **132**

Кулешов Р.В. Судебные экспертизы, назначаемые для установления мотивов преступных посягательств экстремистской и террористической направленности: результаты анализа судебно-следственной практики / **139**

Веснина С.Н., Неустроева А.В. О современных аспектах организации взаимодействия следователя с оперативными подразделениями по установлению местонахождения лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда / **146**

Серебрянникова М.В. Криминалистическая характеристика новых потенциально опасных психоактивных веществ / **151**

Черепанов Г.Г., Абакумов О.Б. Оперативно-розыскная профилактика как составная часть предупреждения правонарушений: история, современное состояние и перспективы развития / **160**

Черкашин А.В. Некоторые проблемы правового регулирования деятельности подразделений уголовного розыска по выявлению насильственных преступлений сексуального характера в отношении малолетних / **166**

Финансовое право. Налоговое право

Древаль Л.Н. О соотношении публичного и частного интересов в финансово-правовом регулировании / **173**

Богуславская Н.А. Об определении дохода, полученного от предпринимательской деятельности при применении специальных налоговых режимов / **180**

Полякова С.А. К вопросу о банковских правонарушениях / **186**

Якубец А.А. О наблюдательном совете территории опережающего социально-экономического развития / **192**

Информация для авторов / 198

№ 4 (37)
2016

VESTNIK

of Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russia

Published since 2001.
Quarterly

Founder and publisher -
Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russia

Editorial board:

Editor-in-Chief
M.A. Tuliglovich,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;

Deputy Editor-in-Chief
A.N. Deryuga,
Doctor of Law, Associate Professor

Executive Secretary
A.A. Osadchy

Editorial staff:
E.Yu. Antonova,
Doctor of Law, Associate Professor;

I.M. Antonov,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;

D.A. Barinov,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;

A.S. Bakhta,
Doctor of Law, Professor
(Moscow);

V.N. Boiko,
Doctor of Law, Professor;

N.N. Deryuga,
Doctor of Law, Professor;

L.N. Dreval,
Doctor of Law, Professor;

N.N. Egorov,
Doctor of Law, Professor
(Moscow);

I.S. Eremina,
Doctor of Pedagogy,
kandidat nauk, degree in Law ,
Associate Professor;

V.V. Kuligin,
Doctor of Law, Professor;

CONTENTS

Theory and history of law and state

Kulygin V.V. Problems of research of old Russian law / 5

Saltykov K.G., Ishchenko O.A. Features of terminological common vocabulary in law / 12

Constitutional law. Municipal law

Gamaley S.Yu., Gamaley A.A. Creating a legislative (representative) bodies of state power in the Far East / 18

Nezhinskaya K.S., Rybak A.A. The legal basis of state ideology in Russia / 25

Criminal procedure

Shurukhnov N.G., Rummyantseva M.O. Criminal procedure conditions (requirements) providing legality, validity and timeliness of consideration messages on a crime / 32

Zagvozdkin N.N. The Investigative committee of the Russian Federation: current state and prospects of development / 41

Criminal law and criminology. Criminal-executive law

Antonova E.Yu. Committing a crime in a state of intoxication as the aggravating circumstance / 50

Ignatov A.N. On violence, its types and their criminal-legal presentation / 59

Volkov K.A. Twenty years Criminal code of Russia: results and prospects / 66

Kursaev A.V. Qualification-payment of wages, pensions, stipends, allowances and other payments (article 145¹ of the criminal code) subject to the motive of the crime / 73

Zabelov A.Yu. Legal essence provocation to crimes / 78

Yakhimovich S.Yu. Influence khunkhuznichestva on activity Chinese East railroad (1920–1930th) / 82

Tiufiakov N.A. Development of institute of change the type of correctional institutions in the Russian penal-correctional law / 88

Administrative law. Administrative procedure

Boyko V.N., Simakina I.A. By the question of the relationship of the term «crime prevention», «prevent offenses» and «administrative measures warnings» / 98

Elfimova E.V., Nikonova Yu.Sh. Some problems arising in the reparation of harm caused to life and health of citizens administrative offence in the field of road safety / 103

Stepanov A.V. Concept of the category «competence»: theoretical and legal analyses/ 108

N.E. Meretsky,
Doctor of Law, Professor;
I.V. Nikitenko,
Doctor of Law, Associate Professor;
S.V. Suprun,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;
S.Yu. Udartsev,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor
(Krasnodar);
N.A. Shabelnikova,
Doctor of History, Professor
(Vladivostok)

Managing editor
E.Yu. Kolobanova
Proofreader
N.B. Khokhlova

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of theses on competition of a scientific degree of candidate of science and of a doctor of science should be published

The edition is registered in the Federal Service for communication, informational technologies and media control: Registration certificate ПИ № ФС77-37942 of November, 5, 2009.

The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view. Manuscripts are not returned.

Signed for press on 22.12.2016.
Format 60x84 1/8. Size 23,02 printer sheets. Circulation 300 copies. Order № 52.
Free price.
Subscription index 83731.

Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russia. Editorial office.
Printing House.
15, Kazarmenny pereulok,
Khabarovsk, 680020

E-mail: redactor80@gmail.com;
vestnikdvui@yandex.ru
tel. (4212) 46-52-17
tel./fax: (4212) 46-52-06

© Far Eastern Law Institute of the
Ministry of Internal Affairs of the
Russia, 2016

Kuznetsov A.V. Organization of activity of traffic police officers on the identification of administrative offences by fixing the special technical means / **115**

Criminalistics. Forensic expert activity. Operative search activity

Yalyshev S.A. About ways of increase of efficiency of investigation of crimes / **120**

Pugachev I.N., Markelov G.Ya., Zabavina A.Yu. The importance of science geoinformatics in the detection and investigation of crimes (technical-criminalistic aspect) / **126**

Prutoviyh V.V. Medico-legal characteristic of the terms «injury» and «damage» / **132**

Kuleshov R.V. Forensic examination, appointed to establish the motives of criminal attacks by extremist and terrorist orientation: results of analysis of investigative and judicial practice / **139**

Vesnina S.N., Neustroeva A.V. On the modern aspects of the organization of interaction investigators operational units to locate fugitives from bodies of inquiry, investigation and trial / **146**

Serebryannikova M.V. Criminalistic characteristic of the new potentially dangerous psychoactive substances / **151**

Cherepanov G.G., Abakumov O.B. Operational-investigative prevention as a component of offences warning: history, modern state and development prospects / **160**

Cherkashin A.V. Some problems of legal regulation of activity of divisions of criminal investigation to identify violent sexual offenses against minors / **166**

Financial law. Tax law

Dreval L.N. About the ratio of public and private interests in financial and legal regulation / **173**

Boguslavskaya N.A. Determination of income derived from business activities in the application of special tax regimes / **180**

Polyakova S.A. To the question of bank offenses / **186**

Yakubets A.A. On the supervisory board of areas of advancing socio-economic development / **192**

Information for authors / 198

УДК 340.15

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ПРАВА

Владимир Владимирович Кулыгин, директор Дальневосточного института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции доктор юридических наук, профессор

E-mail: valandil@mail.ru

Статья посвящена проблемам комплексного многоаспектного подхода к историко-правовым исследованиям. Так, постулируется, что узкодогматический взгляд на процессы правовогенеза не позволяет увидеть древнее, и древнерусское в частности, право во всем его многообразии и культурном единстве с другими цивилизационными феноменами.

Ключевые слова: метод историко-правовых исследований; правовогенез; древнерусское право; историко-юридические феномены; историческая тополлингвистика.

PROBLEMS OF RESEARCH OF OLD RUSSIAN LAW

Vladimir Vladimirovich Kulygin, head of the Far East Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice Doctor of Law, Professor

The article is devoted to the problems of an integrated multifaceted approach to historical and legal research. In particular, it is postulated that the narrow dogmatic view on the processes of law genesis (pravogenez) does not allow seeing ancient and Old Russian law in all its diversity and cultural unity with other civilized phenomena.

Keywords: method of historical and legal research; law genesis (pravogenez); Old Russian law; historical and legal phenomena; topolinguistics.

Общеизвестен и не вызывает сомнений тезис о том, что истинное понимание настоящего и успешное строительство будущего своей страны и своего народа требует изучения истории собственной страны и своих предков [21, с. 11]. Поэтому одна из важнейших культурных и социальных задач истории как науки состоит именно в том, чтобы давать обществу *настоящее* (выделено нами – В.К.) знание его собственного и чужого прошлого, без которого немислимо и надлежащее понимание современности. Более того, «незнание прошлого не только вредит познанию настоящего, но ставит под угрозу всякую попытку действовать в настоящем» [6, с. 25].

К сожалению, столетия идеологического, религиозного, духовного, а очень часто и военного противостояния России и Запада не лучшим образом сказались на состоянии отечественной исторической науки. До недавнего времени наша история была полем проигранных сражений. И, к еще большему сожалению, велась эта война, в прямом и переносном смысле, на нашей территории, начиная с XVIII в., когда усилиями пришедших немцев, плохо знавших русский язык, но ставших первыми русскими академиками, в результате тенденциозного толкования текстов русских летописей была сфабрикована концепция «заморского» (читай шведского) происхождения русской государственности. В академической российской исторической науке эта теория по-прежнему продолжает доминировать, что наглядно демонстрирует новый Историко-культурный

стандарт. В разделе первом этого документа, представляющего собой составную часть Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории, указано, что «в ходе расселения славян по Восточноевропейской равнине в VI–VIII вв., являвшего собой завершающий этап так называемого Великого переселения народов – грандиозного миграционного движения, охватившего в I тыс. н.э. Европейский континент, сложилась восточная ветвь славянства... В течение IX–X столетий все восточные славяне, а также ряд финноязычных народов, обитавших на Восточноевропейской равнине, были объединены под единой княжеской властью, под главенством одной династии, варяжской (скандинавской) по происхождению (династия Рюриковичей). Сложилось государство, получившее название Русь или «Русская земля», со столицей в Киеве»*. При всех достоинствах и патриотическом пафосе нового Историко-культурного стандарта именно в части древней русской истории он воспроизводит концептуальные основы «норманнизма», себя исчерпавшего даже на Западе в 60-е гг. XX в. Подобной же позиции придерживаются авторы большей части вузовских учебников по отечественной истории и истории отечественного государства и права.

В свое время Бисмарк утверждал, что *войну с Францией 1870–71 гг. фактически выиграли сельские учителя истории* (выделено нами – В.К.). Победа пришла тогда к Германии, по мнению Бисмарка, потому, что немецкие учителя не стеснялись идеализировать своих предков, в то время как история Франции подавалась в немецких школах как некий набор анекдотов из интимной жизни французской элиты. В конечном счете это и определило неизмеримо более высокий боевой дух немецкой армии и ее нацеленность на победу**.

Таким образом, хотим мы того или нет, история – это поле непрерывных идеологических сражений, и история права в этом смысле – не исключение. Однако последняя как дочерняя по отношению к истории вообще наука зависит не только от самих исторических фактов, но и от их интерпретации и не может сама по себе ответить на вопросы, на которые не может ответить ее мать Клио. Например, если славяне начали расселяться по Восточноевропейской равнине в VI в., то где они были до этого? Действительно ли летописных варягов следует отождествлять со скандинавами – викингами? И даже если да, то кто их призвал и почему в норвежских сагах земли восточных славян называли Гардарики – страной городов? Для специалиста, занимающегося изучением истории древнерусского права на уровне только письменных юридических источников, ответа на эти вопросы нет. Поэтому утверждение, например, о том, что «договоры Руси с Византией – это первые из известных памятников русского права» [16, с. 4], не может вызвать никаких возражений. Сознательно и предельно упрощая современное состояние «классических» историко-правовых исследований, следует признать, что до 862 г. у нас не было государства, а до 907 г. – права. Но что-то же было? И возможно проблема заключается «всего лишь», говоря словами Алехо Карпентьера, в превратности метода?

Дело в том, что в исторической науке, в сравнении со многими другими социально-гуманитарными дисциплинами, научные факты, именно в силу специфики ее предмета, объективно более редки и труднодоступны, более подвержены фальсификации. В отличие от исследования процессов и явлений, протекающих в настоящем, познание фактов прошлого всегда является «непрямым». И поэтому труд ученого-историка, по словам М. Блока, весьма схож с работой следователя, восстанавливающего ретроспективную картину преступления [6, с. 30].

Еще более верна эта аналогия для юриста, взявшегося за исследование историко-правовой тематики. Юристы, изучающие историю права, работают в основном с юри-

* URL: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/book/istoriko-kul-turnyi-standart> (дата обращения: 21.05.2015).

** URL: <http://gidepark.ru/community/3632/content/934217> (дата обращения: 21.05.2015).

дическими текстами и занимаются их толкованием в лучших традициях правовой догматики. Но совершенно очевидно, что попытки постичь смысл правовых норм, отдаленных от исследователя иногда многими столетиями, опираясь только на текст законов, договоров, грамот и судебных актов, в которых они записаны, без учета конкретно-исторических условий, в которых эти нормы были рождены на свет человеческим умом, заведомо будут бесплодными, а выводы с высокой степенью вероятности ошибочными. Право действительно является мощным социальным регулятором. Но даже в идеальном правовом государстве оно – не единственный регулятор общественных отношений. В прошлом же, когда собственно правовое регулирование было не столь регламентированным многочисленными законами и подзаконными актами, веры предков и добрых обычаев хватало практически на все случаи жизни.

Стоит ли говорить о том, что эпоха господства обычного права по своей продолжительности значительно превосходит тот сравнительно небольшой отрезок времени, в котором закон приобрел свое нынешнее господствующее положение? Изначально обычай, который в современной юридической литературе именуется правовым, был имманентно частью определенной этнокультурной традиции, проистекающей из божественных заповедей, освященного веками завета предков или какого-либо события, нашедшего отражение в коллективной памяти народа как правильного, всеми признаваемого действия или, напротив, запрета. Запреты, или табу, имели архетипическую сакральную природу и теснейшим образом были связаны с представлениями человека о добре и зле, грехе, справедливости (например, в виде эквивалентного распределения), о борьбе Порядка и Хаоса. «Чем древнее право, – считал Э. Дюркгейм, – тем выше в нем доля уголовных запретов, тем в большей степени оно является уголовным» [14, с. 36]. Между прочим, один из таких запретов был нарушен еще в раю Евой, склонившей Адама похитить яблоко с древа познания. И на первых же страницах Библии повествуется о первом убийстве – Каином Авеля.

Из сказанного выше можно сделать достаточно очевидный вывод. Исследование истории древнего права, и уж тем более погружение в проблему истоков правогенеза, невозможно без изучения религиозно-мифологических систем и космологических представлений наших предков. «Развитие логической мысли цивилизованных народов время от времени отвергало истинность мифопоэтического творчества, и казалось, что его образы сохраняются только как риторические фигуры, как образы речи. Но потом возникали вопросы, перед которыми логика вставала в тупик», – отмечают авторы одного из исследований великих религий мира [17, с. 17]. Но если в отношении Западной Европы, Древнего Китая и Индии мы имеем возможность работать с достаточным количеством «свидетельских показаний» – письменных источников, то история древнерусского права, проблема правогенеза восточнославянского этноса *ab ovo* до времен, непосредственно предшествующих составлению «Русской Правды», – практически *terra incognita*, что легко подтверждается простым обзором большей части учебной литературы по истории отечественного государства и права. Однако это совершенно не значит, что наши далекие предки прозябали в дикости и невежестве.

Проблема заключается лишь в том, что и уже имеющиеся, и обнаруженные в относительно недавнее время источники, в которых отражена история становления и развития отечественного права, в силу разных причин, в том числе и той, о которой говорилось выше, – ограниченности и неприспособленности научного инструментария для изучения правовой жизни прошлых эпох, оказались не востребованными академической юридической наукой. Более того, многие из этих источников либо отвергаются априори, либо сознательно замалчиваются в силу, по меньшей мере, двух причин. Первая заключается в инерции самой исторической науки. Если начать переосмысливать официально принятые точки зрения на прошлое нашей страны, выяснится, что сотни работ лишены научной ценности и смысла. Вторая причина кроется в достаточно узком кругозоре немалого числа историков и юристов, которые профессионально, да и психо-

логически не готовы выйти за рамки привычной для них тематики и взглянуть на проблемы в свете множества новых фактов [23, с. 8–9].

В свое время С.С. Алексеев, говоря о новых подходах к праву, отмечал, что «очередная (после догматической юриспруденции) ступень в понимании права заключается в том, что предметом анализа становится вся правовая материя – правовая материя в целом, да притом без ее императивной привязки к юридическим нормам» [2, с. 94]. Поскольку же в долгую эпоху господства правового обычая вся правовая материя в целом была вкраплена, встроена в систему более общих этнокультурных стандартов и стереотипов поведения, основанных, в свою очередь, на системе религиозных дозволений и запретов, то есть все основания для включения в область историко-правовых исследований инструментария и информационной базы таких наук, как историческая этнология, этнопсихология, этнолингвистика, культурология права, аналитическая психология, юридическая антропология, сравнительно-историческое языкознание, религиоведение, правовая семиотика, русская историческая фольклористика, и ряда других.

Названные выше научные дисциплины имеют специфический предмет и свои частные методы познания явлений, относимых к предмету данной науки. Однако в не меньшей степени им присуща интегративность, в силу чего одни и те же объекты изучаются этими отраслями знания с привлечением научных данных смежных дисциплин. Их использование и анализ делают возможным комплексное, многоаспектное исследование историко-юридических феноменов с точки зрения их социальной, этнокультурной, психологической и религиозной природы. В самом деле, «если относиться к праву всего лишь как к господствующим нормам, процедурам и приемам, оно и вправду представляет мало интереса для историков общества. Теряют от этого не только юристы, но и историки и другие гуманитарии, которые таким образом лишаются одного из богатейших источников понимания своих собственных дисциплин» [5, с. 18]. Предлагаемый же подход позволяет преодолеть узкодогматический взгляд на правовые явления и, следовательно, делает возможным их изучение представителями других научных дисциплин «примирить» древнерусское право и раннюю отечественную историю. Полагаем, что он (подход) в одинаковой степени приемлем для изучения истории любой отрасли права.

Проиллюстрируем рассуждения о методе лишь одним фрагментом, который условно можно назвать тополилингвистическим. Постулируем, что санскрит является самым древним из известных нам индоевропейских языков. При этом именно славянские языки и санскрит имеют наибольший процент близкородственных слов по сравнению с остальными индоевропейскими языками. Как будет продемонстрировано ниже, это в полной мере относится и к правовой терминологии.

В принципе, сходство многих исконно русских слов с языком Ригvedы известно уже более двух столетий [1], но, как отмечал известный индийский санскритолог Д.П. Шастри, в русском языке и санскрите имеются не только сходные слова, у этих языков схожи структура слова, стиль и синтаксис, а также правила грамматики. Эту близость Д.П. Шастри иллюстрирует большим рядом примеров, после чего делает вывод, что в русском и санскрите «схожи не только синтаксис и порядок слов, но и сама выразительность и дух сохранены в этих языках в неизменном начальном виде» [8, с. 289]. Н.Р. Гусева, составив и проанализировав краткий свод совпадающих и сходных слов русского языка и санскрита, насчитывающий около 400 словоформ, отражающих основные бытовые, обрядовые и религиозные стороны жизни, пришла к выводу о том, что именно между славянами и арьями поддерживались наиболее тесные и длительные связи на территории Восточной Европы и ее Крайнего Севера [8, с. 32–33]. Несколько позже С.В. Жарникова предприняла опыт расшифровки через санскрит названий водоемов и иных географических объектов Русского Севера. Составленный ею список насчитывает 177 источников, имеющих корневую основу в санскрите [10, с. 15–18].

Достоин сожаления, что в «чистой» исторической науке значение топонимики часто недооценивается. Между тем в рамках системного единства территории, времени и языка топонимика выполняет важную функцию в формировании ментальной этнической картины мира, а географические названия являются такими же этномемориальными памятниками древних культур и цивилизаций, как археологические артефакты. Более того, «на данном этапе развития культурологической науки в совокупности с общественно-историческими и гуманитарными знаниями топонимика становится наиболее важным инструментом и ориентиром в исследовании этнических культур» [20, с. 25]. В этом смысле и Ямал, и Кайлас, и гору Судому в Псковской области необходимо отнести к своего рода «топонимическим мифам», аккумулирующим глубокий сакральный смысл, в последнем случае, имея в виду корневую основу, еще и правовой смысл. Таким образом, данные лингвистики и топонимики с очевидностью свидетельствуют о близости санскрита и русского языка и позволяют географически локализовать ареал их праединства в пределах современного Русского Севера.

Как отмечается в одном из источников, праславянская лексика уже в VI в. н.э. сохранила все основные понятия, относящиеся к суду и судопроизводству. В их числе такие термины, как суд, закон, право, правда и т.п. Она отражала также и систему представлений, связанных с правонарушением и наказанием за преступление [11, с. 63, 79]. Главным аргументом в пользу автохтонности восточнославянского права, его происхождения из общего культурно-языкового праславянского континуума являются результаты исследований в области этноправовой лингвистики, которые убедительно доказывают индоевропейское происхождение древнерусской правовой терминологии. Например, этимология слова «вече», звучащего почти одинаково на всех славянских языках, производно от имени богини священной речи Вач, которой в Ригведе, причем в первой, самой архаичной части ее, посвящен отдельный гимн [9].

То же самое и «закон». Казалось бы, совершенно очевидно, что это слово состоит из приставки «за» и корня «кон», означающего конец. Концами, как известно, в древнерусских городах называли районы, где селились определенные социальные или этнические группы: ремесленники, дружинники и княжеская челядь, заморские гости и т.д. Выход «за кон» означал вхождение на территорию, где действовали другие обычаи и правила поведения. Таким образом «кон» понимался сначала как родоплеменная общность или профессиональное товарищество, живущее по своим этическим и религиозным нормам, за пределами которого эти нормы прекращают свое действие или действуют иначе. Именно такое значение предела, края имеет санскритское слово «Kun» [13, с. 44]. Более поздний термин «преступление» также был образован из семантической конструкции «пере- ступить за, то есть через кон».

Еще более интересно происхождение и судьба одного из главных, а может быть, и центрального архетипа российской правовой ментальности – идеи Правды. Основу этой словоформы образует общеславянское «р҃авь» – «правь». В древнеславянской космологии «Правь» выступала в качестве всеобщего закона, управляющего миром. Прави – небесным законам Сварога – были подчинены Явь (мир явленный) и Навь (мир духовный, посмертный). Самым наглядным проявлением деления праславянами вселенной на Правь, Явь и Навь выступает известный збручский идол, описание которого хорошо известно историкам.

В свете сказанного очень важным представляется вывод, сделанный исследователями древнего славянского права В.В. Ивановым и В.Н. Топоровым, которые отмечали, что «р҃авь» имеет отношение к сфере упорядоченного, законоспособного, определяющего функционирование и самого мира (природный аспект), и отношений в обществе (социально-правовой аспект)». Из этого следует, что «специфика славянской традиции, по сравнению с другими, как раз и заключается в архаичной нерасчлененности понятий права, справедливости и закона... Право, правда, справедливость, как и воплощающий их закон, имеют божественное происхождение, исходят от Бога» [12, с. 235]. Действи-

тельно, выражения «Божья правда» и «Божий суд» достаточно часто встречаются в древнерусских нормативных актах. По мнению Т.В. Губаревой, «эти представления, составившие основу всей духовной культуры русской нации ... были сосредоточены в главном мировоззренческом концепте «святой правды», или «правды-истины» [7, с. 19-20]. В более узком значении правда понималась и как закон, и как суд, процесс установления истины. В этом смысле термин «правда» фактически тождественен санскритскому «*ṛaivada*» – от «*ṛaḡ*», «*ṛaḡi*» обозначающих борьбу, спор, и «*vada*» – обвинение, достижение чего-либо через силу [13, с. 82, 95]. Заметим, что в данном контексте легко понять изначальный смысл слов «борьба» и «бравада».

Помимо духовно-сакрального смысла «*ṛavṛ*» как архетипическая форма имеет еще и глубинное символическое значение, отраженное в народных представлениях о значениях правой и левой стороны. Согласно традиционным народным поверьям, за левым плечом у человека находится нечистая сила, а за правым – ангел-хранитель, смерть тоже всегда ступает за левым плечом человека в трех шагах от него. До настоящего времени у нас сохранился обычай трижды плевать через левое плечо, чтобы «не сглазить», а слово «левый» часто связано с аморальными или противоправными действиями: «пойти налево», «левый товар» и т.д. В индуизме правая и левая сторона также имеют свой сакральный смысл. «Любое достойное дело соотносится с правой стороной, потому что она связана со счастьем, удачей и благополучием, в то время как левая – с несчастьем и неблагополучием» [3, с. 193]. Основатель аналитической психологии Карл Густав Юнг в свое время пришел к достаточно неожиданному выводу, основанному на множестве наблюдений: «Слово «правый» часто обозначает в психологической терминологии сферу сознания, адаптации состояния правоты, тогда как слово «левый» – сферу неадаптированных подсознательных реакций, иногда даже что-то злое», – писал он [22, с. 213].

Наконец, существует достаточно очевидная связь между одним из фундаментальных концептов ведийской космогонии «*Rta*» – «рита» и существовавшей у славян формой клятвы, именуемой «рота». По мнению М.А. Исаева, ротой в Древней Руси называлась клятва, присяга, приносимая во время судебного разбирательства. Этот термин произведен от санскритского «*vzatam*» – правило, закон, обет и авестийского «*urvata*» – закон, вероучение. В комментариях Ригведы указывается на то, что «*Rta*» представляет собой космический закон, истину, порядок, согласно которому осуществляется круговращение Вселенной, регулярно приносятся жертвы богам, в мире царит справедливость [19, с. 146]. По мнению Э. Бенвениста, «*Rta*» является исходным представлением правового, а также религиозного и нравственного сознания индоевропейцев, это – «порядок, которому подчинены как устройство мира, движение светил, смена времен года и течение лет, так и отношения между богами и людьми и, наконец, сами человеческие отношения... Таким образом, это – религиозная и нравственная основа всего общества; без этого принципа все возвратилось бы к хаосу» [4, с. 299]. Производным от «*Rta*» является и древнерусский «ряд», послуживший морфемой для таких терминов, как «порядок» и «правопорядок». По мнению С.Г. Проскурина, «слово ряд относилось к правовым положениям заключенного соглашения и регулированию вопросов правового характера. Сказанное напрямую связывает ритуализацию (**ar/r*), т.е. действие, воплощенное в репрезентации космологического, этического и нравственного понимания мира, с правовой терминологией» [18].

Таким образом, даже столь краткий экскурс в область знаний, выходящих за пределы предмета собственно науки истории и истории права, позволяет сделать достаточно очевидный вывод о том, что задолго до летописного призвания Рюрика в Новгород наши далекие предки имели развитую систему правовых представлений, универсальную, восходящую к временам индоевропейского единства, юридическую терминологию. Значительная часть ее и в наше время образует основу таких фундаментальных юридических понятий, как «право», «порядок», «закон», «преступление» и других.

Завершая же рассуждения, следует заметить, что и иные направления исследований, например, в области фольклористики и былиноведения, могут быть не менее продуктивными в плане проникновения в глубины правогенеза и истоков формирующегося русского права [15].

Литература

1. Абельунг Ф.П. О сходстве санскритского языка с русским. СПб., 1811.
2. Алексеев С.С. Восхождение к праву: поиски и решения. М., 2001.
3. Альбедиль М.Ф. Индуизм: радость бытия. СПб., 2014.
4. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1970.
5. Берман Г.Дж. Западноевропейская традиция права: эпоха формирования. М., 1998.
6. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986.
7. Губарева Т.В. Язык и право. М., 2004.
8. Гусева Н.Р. Славяне и арьи. Путь богов и слов. М., 2002.
9. Елизаренкова Т.Я. Мир идей ариев Ригведы. URL: http://www.kirsoft.com.ru/freedom/KSNews_877.htm.
10. Жарникова С.В. Золотая нить. Вологда, 2003.
11. Иванов В.В., Топоров В.Н. Древнее славянское право: архаичные мифопоэтические основы и источники в свете языка // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.
12. Иванов В.В., Топоров В.Н. О языке древнего славянского права // Славянское языкознание: VIII международный съезд славистов. М., 1978.
13. Исаев М.А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов. М., 2001.
14. Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М., 1983.
15. Кульгин В.В. Архаика индоевропейского права в былинном эпосе Русского Севера и древнеславянской космологии // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2014. № 2 (27).
16. Маркунцов С.А. Древнейшее русское уголовное право: возникновение первичных уголовно-правовых запретов. М., 2012.
17. Померанц Г.С., Миркина З.А. Великие религии мира. М.; СПб., 2014.
18. Проскурин С.Г. Индоевропейские ритуалы и право. К вопросу о сетевом характере международного права // Критика и семиотика. 2009. Вып. 13.
19. Серяков М. Вселенский закон. Незримая ось мироздания. М., 2005.
20. Тарасов О.Ю. Топонимический аспект освоения Верхнего Приамурья. Хабаровск, 2012.
21. Тулупов В.Г. Русь Новгородская. М., 2009.
22. Юнг К.Г. Человек и его символы. М., 1997.
23. De Aenigmatе // О Тайне: сб. науч. тр. / сост. А.И. Фурсов. М., 2015.

УДК 340

ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Константин Геннадьевич Салтыков, доцент кафедры
кандидат юридических наук, доцент;
Олеся Алексеевна Ищенко, доцент кафедры кандидат
юридических наук, доцент
(Дальневосточный юридический институт МВД России)

E-mail: saltykov-konst@mail.ru
ishenkolesya@mail.ru

Статья посвящена анализу особенностей юридического языка, рассмотрены случаи, когда общеупотребляемые слова приобретают иной смысл в контексте юридической нормы, и сделан вывод о наблюдающемся взаимопроникновении специальной и общей лексики, что, несомненно, отражается на правоприменении.

Ключевые слова: юридический язык; практика языкового общения; толкование терминов; лексические единицы; судебная практика.

FEATURES OF TERMINOLOGICAL COMMON VOCABULARY IN LAW

Konstantin Gennadyevich Saltykov, chair associate professor
kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor;
Olesya Alekseevna Ishchenko, chair associate professor
kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor
(Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia)

The article analyzes the peculiarities of legal language, considered cases where common words have a different meaning in the context of legal norms and the conclusion about the interpenetration observed special and common vocabulary.

Keywords: legal language; the practice of linguistic communication; the interpretation of the terms; lexical items; litigation.

В результате многовековой практики создания, толкования и применения юридических норм сформировался юридический язык – особый стиль отражения и передачи информации, максимально отвечающий задаче нормативного регулирования общественных отношений. Нормы права, их части, понятия, юридические термины, представляющие данные понятия, имеют смысловое наполнение, требующее уяснения. Прибегая к толкованию, можно получить результат более определенный по сравнению с содержанием абстрактной нормы права, что делает возможным ее применение к конкретным фактам. Такое толкование можно считать достаточно определенным. Критерием истинности толкования нормы права как акта познания является практика, под которой понимается не только практическая, но в некоторых случаях и теоретическая деятельность (например, законотворчество и судопроизводство, сочетающие в себе известную долю теоретической деятельности и деятельности по организации общественных отношений). Однако в процессе толкования юридических терминов критерий, связанный с практической юридической деятельностью, оказывается недостаточным. Необходимо дополнительное верификационное показание, на который указывает А.Ф. Черданцев, – практика языкового общения [15, с. 128]. Указанный автор справедливо отмечает, что «нормы языка в конечном счете не что иное, как отражение речевой

практики, практики общения соответствующего народа. Именно практика речевого общения между людьми, протекающая в условиях общественно-производственной деятельности, свидетельствует о реальной возможности взаимопонимания». Отмечая исключительную важность лингво-юридического аспекта правопонимания, А.Ф. Черданцев указывает, что «нормы языка – это не только результат речевой практики, но человеческой практики в целом, опосредствуемой с помощью языка». Ключевая роль языка в процессе правопознания объясняется, по его мнению, тем, что «все естественные человеческие языки представляют собой классификацию человеческого опыта и содержанием деятельности общения с помощью языка в конечном счете всегда является опыт. Овладение языком есть овладение опытом» [15, с. 131]. Применительно к выявлению и исследованию предпосылок и особенностей интерпретационной вариативности юридической терминологии использование норм языка в качестве критерия правильности понимания смысла слов и выражений есть опосредованное использование опыта человеческой практики в различных сферах бытия.

Увеличение количества терминов различным образом влияет на язык: в одном случае термины оказывают влияние на формирование лексики специалистов определенных областей знаний, в другом случае специальная терминология активно проникает в общелитературный язык и оказывает влияние на него. Принципиальный характер в связи с этим приобретает вопрос о соотношении специального языка права и общелитературного языка.

В данном случае Х. Бергенхольц и С. Тарп допускают и обосновывают возможность нескольких вариантов взаимодействия языка для специальных целей и общелитературного языка: от периферийной роли специальной лексики до взаимопроникновения общей и специальной лексики и наоборот [16].

Существует мнение, что специальный язык, «обслуживающий» некоторую область знания, может быть атрибутирован как «самостоятельная функциональная разновидность общелитературного языка, стоящая в одном ряду с другими функциональными разновидностями» [4, с. 15]. На базе естественного национального литературного языка формируется самостоятельная функциональная подсистема со своим набором средств выражения специальных понятий, правилами их организации и оценки. Таким образом, специальный язык по отношению к общелитературному языку является более узким понятием, поскольку ему не свойственны все функции общелитературного языка, и одновременно более широким понятием по сравнению с общелитературным языком, так как специальный язык включает в себя оригинальную терминологию, которой именуются научные понятия, стоящие за пределами обычной непрофессиональной сферы общения [4, с. 10–11].

Н.Г. Михайловская обращает внимание на специальное назначение слов-терминов, имеющих сравнительно узкую сферу применения [9, с. 123–134], а В.П. Даниленко отмечает, что «при включении терминологии в лексику общелитературного языка теряется ее функциональная и собственно языковая специфика, утрачивается особый критерий ее оценки» [4, с. 7]. Основу коренного отличия лексики общелитературной и специальной упомянутые исследователи видят в особенностях системной организации той и другой.

Схожего мнения придерживается П. Тирсма, полагая, что для языка юриспруденции, как любого подъязыка, характерны: употребление слов в строго определенном смысле, использование определенных грамматических конструкций, наличие лексических, синтаксических и семантических ограничений, а также отклонений от норм грамматики, что является неприемлемым для общелитературного языка [18]. Наряду с этим ученый отмечает отличие общелитературного языка от языка юриспруденции за счет существования в последнем клишированных фраз и выражений. Нормативный характер языка юриспруденции подчеркивается и в работах других зарубежных исследователей [17, р. 735–741].

Вместе с тем некоторые отечественные ученые Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин [2, с. 65], Ф.П. Филин [13] полагают, что в русский язык как в единую систему систем входят все разновидности русской речи: литературный язык, язык науки и техники, разговорно-просторечная и литературно-разговорная формы языка, территориально-социальные диалекты. Область пересечения включает такие слова и выражения, которые традиционно называются общеупотребительными и не сопровождаются функциональными пометами в справочниках языка для специальных целей.

Проследим это на примере правового регулирования трудовой деятельности, которая является важнейшей составляющей деятельности общества. Именно труд как реализация интеллектуальных и физических способностей позволяет удовлетворять материальные и духовные потребности человека.

Современное развитие средств производства в подавляющих случаях осуществления трудовой деятельности диктует взаимодействие, интеграцию деятельности членов человеческого общества.

Как справедливо отмечают В.А. Каменецкий и В.П. Патрикеев, современные сложные процессы производства потребительных стоимостей, которые могут происходить только в узком диапазоне благоприятного сочетания внутренних и внешних факторов, являются частным случаем развития целесообразной деятельности человека и могут осуществляться только при наличии единства интересов участников процесса производства и единого центра управления этим процессом [6, с. 74].

Трудовые отношения как составляющая общественных отношений находятся в постоянном развитии, результаты которого в конечном итоге влияют на уровень удовлетворения материальных и духовных потребностей в обществе, что непосредственно обеспечивает его стабильность.

В качестве коренной причины развития общественного и соответственного трудового взаимодействия социологией признается наличие общественных противоречий [8], порождающих конфликты различного уровня [5, с. 24]. В свою очередь, конфликты в социально-трудовой сфере проявляются в том числе и в рамках трудовых споров, рассматриваемых судами общей юрисдикции.

Учитывая роль, которую играет конфликт в развитии общественного труда, а также то очевидное обстоятельство, что именно конфликт является основой для возникновения спора, вытекающего из трудовых отношений и находящегося в компетенции суда, уделим некоторое внимание значению специальной лексемы «конфликт», терминологический характер которой не препятствует ее широкому использованию в общезыковом пространстве.

Рассматривая вопрос о дефиниции термина «конфликт», необходимо обратить внимание на то, что в теории социологии, психологии и конфликтологии существуют определенные проблемы с формированием универсального определения понятия «конфликт».

Как отмечают специалисты, понятие конфликта принадлежит науке и обыденному сознанию. Кроме того, анализ содержания понятия конфликта обнаруживает, что в обыденной речи и в науке оно применяется для обозначения широкого круга явлений от внутриличностного до социального уровня, используется в разнообразных контекстах, а также в метафорическом значении [3, с. 18].

В социологии и психологии в разные исторические периоды формировались различные подходы к определению конфликта. Так, Г. Зиммель впервые предпринял попытку рассмотреть конфликт как системное и необходимое явление культуры в целом, а не как предмет отдельного научного знания [12, с. 20]. Представляется, что данный подход являлся в излишней мере ограниченным, поскольку конфликт является общесоциальным, а не только культурным феноменом со своими не только отрицательными, но и положительными аспектами.

Следующим шагом были работы З. Фрейда и его школы. В рамках этого научного направления конфликт рассматривался вообще как генератор психического [12, с. 35].

В настоящее время в отечественной социологии, психологии и юриспруденции выделяют следующие атрибуты, имманентно присущие конфликту:

1. Биполярность, что означает и взаимосвязанность, и взаимопротивоположность одновременно.

2. Активность, направленная на преодоление противоречия.

3. Наличие субъекта или субъектов как носителей конфликта [3, с. 16].

Интегрируя эти наиболее общие признаки, Н.В. Гришина интерпретирует конфликт как биполярное явление – противостояние двух начал, проявляющее себя в активности сторон, направленной на преодоление противоречия, причем стороны конфликта представлены активным субъектом (субъектами) [3, с. 17].

Учитывая изложенное, представляется возможным согласиться с О.М. Карповой [7] и К.Я. Авербухом [1], которые указывают на то, что в процессе развития языка допускается взаимопроникновение языка для специальных целей и общелитературного языка и наоборот. По словам К.Я. Авербуха, несмотря на то, что в сфере общечеловеческого общения среди лексических единиц встречаются и термины – типичные лексические единицы, для раскрытия которых достаточно толкования [1, с. 17].

Весьма показательной в этом плане представляется интерпретационная составляющая судебной практики мирового съезда г. Петрограда конца XIX – начала XX в., которая стала основой для массы руководящих решений Сената [10, т. II, с. 1127]. Рассмотрение этой практики позволит достаточно полно оценить особенности терминологизации общеупотребительных слов. В соответствии со ст. 162, 180 Устава гражданского судопроизводства мировой съезд представлял собой апелляционную инстанцию по отношению к мировым судьям и обязан был разрешать обжалованное в апелляционном порядке решение по существу [11, т. XIII–XVI, с. 151–154].

Рассматривая указанную судебную практику, относящуюся к обозначенному периоду времени и сложившуюся по поводу разрешения трудовых споров, следует отметить, что правовые оценки, даваемые по этим делам мировыми судьями и гражданским кассационным департаментом Сената, часто не совпадали.

В решениях Петроградского съезда и Сената, основанных на практике мировых судей, получали толкование различные юридические термины, прежде всего отражающие основания прекращения и расторжения договора личного найма [10, т. II, с. 1132].

Основания расторжения договора личного найма по инициативе работодателя были зафиксированы в ст. 105, а по инициативе работника – в ст. 98, 106 Устава о промышленности. Право расторжения договора личного найма по инициативе работодателя, в отличие от права работника, в соответствии с названным нормативным документом не было ограничено обязательным осуществлением для этих целей судебной процедуры.

В соответствии со ст. 105 Устава о промышленности договор личного найма мог быть расторгнут по инициативе администрации без обращения в мировой суд при наличии следующих оснований:

1) «вследствие неявки рабочего на работу более трех дней сряду или в сложности более шести дней в месяц без уважительных причин;

2) вследствие неявки рабочего на работу более двух недель сряду по уважительным причинам;

3) вследствие привлечения рабочего к следствию и суду по обвинению в преступном действии, влекущем за собой наказание не ниже заключения в тюрьме;

4) вследствие дерзости или дурного поведения рабочего, если оно угрожает имущественным интересам предприятия или личной безопасности кого-либо из лиц управления предприятием или наблюдающих за рабочими;

5) вследствие обнаружения у рабочего заразной болезни» [11, т. X–XIII, с. 2461–2462].

Основание расторжения договора по инициативе работодателя, изложенное с использованием термина «дурное поведение рабочего» (составлен из общеупотребительных лексем), указанное п. 4 ст. 105 Устава о промышленности, в свое время по-разному трактовалось мировыми судьями и Сенатом, как и сам данный термин.

Так, в соответствии с решением Сената 1908 г. № 89 рабочий Невской бумагопрядильной фабрики Баранов, с которым был заключен договор на неопределенный срок, был уволен работодателем на основании п. 4 ст. 105 Устава о промышленности без предупреждения за две недели. Основанием увольнения стало то, что, являясь в течение двух дней на фабрику и становясь у станка, он отказывался, как и все прочие рабочие фабрики, производить работу, несмотря на требования администрации. Баранов, находя свое увольнение по п. 4 ст. 105 Устава о промышленности неправильным, предъявил к фабрике иск о взыскании убытков в размере двухнедельного заработка. Петроградский съезд, установив по делу, что отказ истца, как и других рабочих фабрики, производить работу был вызван желанием добиться лучших условий оплаты труда, посчитал, что такое поведение рабочих не могло служить для работодателя основанием для расторжения договора по п. 4 ст. 105, так как, по мнению съезда, экономическая стачка рабочих никаким образом не может быть рассмотрена как «дурное поведение». Петроградский съезд посчитал, что отказ истца от работы в описанных условиях может быть признан лишь неявкой его на работу, неявка же на работу дает основание работодателю расторгнуть договор лишь в том случае, если неявка продолжалась более трех дней [11, т. XI, ч. 2, с. 2461].

Сенат же с таким решением не согласился и указал, что отказ рабочего, явившегося на фабрику производить по требованию фабричной администрации работу, представляет собой неподчинение его правилам внутреннего распорядка, которые определяют время работы и продолжительность перерывов. Такое неподчинение правилам внутреннего распорядка, по мнению Сената, является ослушанием рабочего распоряжениям работодателя (фабричной администрации). Всякое же неподчинение рабочего требованиям фабричной администрации, на основании ранее принятого решения 1890 г. № 126, Сенат расценивал как «дурное поведение» в смысле п. 4 ст. 106 Устава о промышленности [10, т. II, с. 1136].

Таким образом, Сенат признал решение фабричной администрации вполне правомерным.

В приведенном историко-правовом примере особенность процесса терминологизации общеупотребительной лексики «обусловлена тем, что юридическая терминология создается не только для лиц, осуществляющих правоприменение, она должна быть понятна и ясна каждому члену общества» [14, с. 7]. Терминологическое значение очень часто близко общезыковому, поскольку нередко в основе значений терминов и нетерминов лежит одно и то же понятие. Отсюда, большинство слов в языке для общих целей одновременно используются и в языке для специальных целей, но в специфических значениях, присущих той или иной предметной области.

Необходимо также отметить, что интерпретационная вариативность лексики есть естественное, неотъемлемое свойство языка. При этом юридическая терминология не может стоять особняком по отношению к множеству средств языковой номинации. В рамках литературного русского языка специфичность полисемии специальной юридической терминологии сочетается с закономерностями, характерными для нетерминологической лексики, в том, что касается механизмов образования полисемантов.

Литература

1. Авербух К.Я. Общая теория термина. М.: Изд-во МГОУ, 2006.
2. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987.
3. Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2004.
4. Даниленко В.П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977.
5. Зайцев А.К. Социально-трудовой конфликт – это норма // Социологические исследования. 1993. № 8.
6. Каменецкий В.А., Патрикеев В.П. Труд. М.: Экономика, 2004.
7. Карпова О.М., Маник С.А. Почему нужны новые словари общественно-политической лексики? // Вестник Ивановского государственного университета. 2002. Вып. 1.
8. Козырев Г.И. Конфликты в организации // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 2.
9. Михайловская Н.Г. К вопросу о «специальных» словах в составе лексико-семантической группы // Терминология и культура речи. М.: Наука, 1981.
10. Петроградский мировой суд за пятьдесят лет. 1866-1916. Петроград, 1916.
11. Собрание законодательства Российской империи. СПб., 1913.
12. Социальная конфликтология / под ред. А.В. Морозова. М.: Академия, 2002.
13. Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука, 1981.
14. Хижняк С.П. Формирование и развитие терминологичности в языковой системе (на материале юридической терминологии): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1998.
15. Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М.: Юрид. лит., 1979.
16. Bergenholz H., Tarp S. Manual of Specialized Lexicography // The preparation of Specialized Dictionaries. Amsterdam, 1995.
17. Chroma M. Synonymy and Polysemy in a Bilingual Law Dictionary // Proceedings XII Euralex International Congress. Vol. II. Alessandria. Torino, 2006.
18. Tiersma P. Legal Language. University of Chicago Press, 1999.

УДК 342.52

СОЗДАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ (ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ) ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ

Софья Юрьевна Гамалей, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России кандидат исторических наук, доцент;
Артем Александрович Гамалей, декан юридического факультета Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия кандидат юридических наук
E-mail: 4212463195@mail.ru
a.a.gamaley@mail.ru

Авторы статьи излагают свои суждения о механизме взаимодействия между законодательной и исполнительной властью на этапе формирования законодательных (представительных) органов государственной власти на Дальнем Востоке. При этом исследуются различные факты, оказывающие непосредственное влияние на данные процессы.

Ключевые слова: региональный парламент; краевой совет; народные депутаты; законодательный (представительный) орган власти; региональная администрация.

CREATING A LEGISLATIVE (REPRESENTATIVE) BODIES OF STATE POWER IN THE FAR EAST

Sofia Urevna Gamaley, chair associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *kandidat nauk*, degree in History, Associate Professor;
Artem Aleksandrovich Gamaley, dean of the Law Faculty of the Far Eastern branch of the Russian State University of Justice *kandidat nauk*, degree in Law

The authors of the article present their opinions on the mechanism of the executive-legislative interaction at the stage of the legislative (representative) bodies of state power in the Far East. Also different factors impacting directly on these processes are discussed in the article.

Keywords: regional parliament; county council; popular deputies; in legislative (representative) authority; regional administration.

Процесс становления законодательных (представительных) органов государственной власти в субъектах Российской Федерации напрямую связан с политическими изменениями, происходившими в России на протяжении 1990-х гг. Однако не следует забывать, что прототипы данных органов власти существовали еще в царский период российской истории. Ими являлись земские соборы, появившиеся в эпоху сословно-представительной монархии и просуществовавшие вплоть до конца XVII в.

В период земской реформы 1864 г. в Российской империи появляются земства – выборные органы местного самоуправления. Но реальной политической силы земства не имели, формально являясь представительными органами, земства в своих решениях реализовывали лишь интересы дворянского сословия.

Начавшийся с 1917 г. новый этап в развитии России изменил сложившуюся систему органов власти и управления. Конституция РСФСР 1918 г. закрепила принцип множественности законодательных органов. Структура же местных органов власти стала состоять из советов различных уровней. Данная структура просуществовала до 1970-х гг. По Конституции 1977 г. органами государственной власти признавались только Советы народных депутатов, которые не обладали собственными законодательными функциями, так как проекты всех решений писались в партийных комитетах. Главным в деятельности Советов народных депутатов было выполнение так называемых наказов избирателей, а не нормотворчество.

С приходом к власти М.С. Горбачева начинается процесс реформирования страны во всех сферах жизни общества, начинается процесс демократизации. Реформы Михаила Горбачева не только вызвали живой интерес у населения, они превратили народ в активного участника всех преобразований. В результате процесс создания законодательных (представительных) органов был фактически инициирован народом. Дискредитировавшая себя в событиях августа 1991 г. коммунистическая партия вынуждена была уйти с политической арены. Уже 27 августа 1991 г. был подписан Указ «Об имуществе Коммунистической партии Советского Союза», в котором Советам народных депутатов предлагалось взять под охрану имущество коммунистической партии, а также принять меры по социальному обеспечению и трудоустройству работников, прекративших свою деятельность. В тот же день Центральный комитет КПСС объявил о самороспуске.

Данные события не могли не отразиться на политической ситуации в регионах, особенно ярко это наблюдалось в крупных городах. Так, во Владивостоке уже 26 августа 1991 г. крайисполком принял решение приостановить деятельность коммунистической партии и все объекты недвижимости, принадлежащие ей на территории края, взять под свой контроль [13]. Подобное решение в этот же день принял на себя крайисполком Хабаровского края. При этом 26 августа группа демократов во главе с П. Бабиенко, узнав о начавшемся нелегально процессе уничтожения секретных и иных компрометирующих коммунистическую партию и ее руководство документов, пришла в «Белый дом» и заставила председателя Хабаровского крайсовета Н.Н. Данилюка опечатать все кабинеты [2]. Еще большую активность проявил Пограничный районный Совет народных депутатов г. Благовещенска, который фактически принудил правоохранительные органы взять под охрану здание обкома КП РСФСР [3], а 4 сентября 1991 г. вся имеющаяся в Амурской области собственность коммунистической партии была передана под контроль государства.

Крах коммунистической партии означал полную дестабилизацию всей структуры управления страной. Чтобы не допустить развала, было принято Постановление Верховного Совета РСФСР «О дополнительных полномочиях Президента РСФСР по обеспечению законности деятельности Советов народных депутатов в условиях ликвидации последствий попытки государственного переворота в СССР». Данное постановление содержало три пункта. В первом Президенту РСФСР предоставлялось право впредь, до принятия закона РСФСР об управлении краем, областью в РСФСР, отстранять от должности председателей краевых, областных Советов народных депутатов, в случае неисполнения этими Советами народных депутатов законодательства РСФСР, указов Президента РСФСР, актов Правительства РСФСР, а также исполнения ими решений антиконституционных органов. Постановление вводило должность главы администрации в крае, области, автономной области, автономном округе как руководителя соответствующего исполнительного органа. При этом только Президенту РСФСР предоставлялось право в ближайшее время назначать на должность главы краевой, областной администрации, глав администрации автономной области, автономных округов и освободить от этих должностей [7].

До конца 1991 г. указами Президента РФ главами администраций были утверждены: в Хабаровском крае – В.И. Ишаев, в Приморском крае – В.С. Кузнецов, в Сахалинской области – В.П. Федоров, в Амурской области – А.А. Кравченко. Всех этих лиц объединял факт лояльности по отношению к Б.Н. Ельцину, а также их негативное отношение к действиям ГК ЧП в августе 1991 г.

На протяжении 1990-х гг. деятельность первых глав администрации была насыщена нормотворчеством, но каждый из них выстраивал собственную политику. Ее успешность во многом зависела от единонаправленности в рамках государственной политики Президента РФ.

Однако в связи с упразднением исполнительных комитетов Советов их функции переходили администрациям (Постановление от 11 ноября 1991 г. № 3 «О прекращении полномочий исполнительного комитета Хабаровского краевого Совета народных депутатов, его отделов и управлений») [15]. Данная ликвидация исполнительных комитетов Советов негативно сказалась на работе созданных администраций, поскольку именно исполкомы являлись небольшими по численности органами управления, именно они были ядром сосредоточения властных полномочий Советов, обладая исполнительно-распорядительными и контрольными функциями. В отличие от исполкомов, Советы были громоздки из-за большого численного состава. Кроме того, события 1991 г. испугали многих депутатов, заставив их отстраниться от политической деятельности, все это мешало организации мобильной работы Советов, превращая их в формально-руководящий орган. В то же время кризисные явления в стране сохранялись, поэтому в целях обеспечения эффективности в работе Советов 5 декабря 1991 г. был издан Закон РСФСР «О некоторых вопросах правового регулирования деятельности краевых, областных Советов народных депутатов». Во введении данного закона прописывалась цель: улучшение условий организации работы краевых, областных Советов народных депутатов. Для ее достижения было принято решение в течение одного месяца «избрать из состава краевого, областного совета Малый совет в количестве не более одной пятой от числа народных депутатов, установленного для соответствующего краевого, областного Совета народных депутатов. Число народных депутатов, работающих в Малом совете на постоянной основе, устанавливается Советом народных депутатов самостоятельно» [8]. В законе указывалось, что Малый совет должен осуществлять свои полномочия в период между работами краевого, областного Совета. Фактически Малый совет взял на себя функции ликвидированных исполкомов.

Интересно отметить, что процесс создания малых советов начался по всей стране ранее принятого закона, а закон лишь констатировал и законодательно наделил малые советы определенными законом полномочиями.

Так, в Хабаровском крае заседание организационного комитета Хабаровского краевого Совета народных депутатов по формированию новой структуры краевого представительного органа состоялось 1 ноября 1991 г. На нем был заслушан проект, касающийся деятельности Малого совета. В результате уже 28 ноября в составе 38 человек начал работать Малый совет Хабаровского краевого Совета народных депутатов. Еще ранее (1–2 октября 1991 г.) обсуждался вопрос о создании на постоянной основе Малого совета Приморским краевым советом народных депутатов, работа которого началась уже после вступления в силу Закона от 5 декабря 1991 г. В составе 44 человек Малый совет Приморского краевого Совета народных депутатов приступил к своей работе 18 декабря 1991 г. [1].

Данные процессы, происходящие в РСФСР в 1991 г., свидетельствуют о назревшем кризисе государственных структур, но радикальным изменениям мешала сохранившаяся Конституция РСФСР 1978 г., поэтому в России начинается конституционная реформа, целью которой стало принятие новой Конституции. Процесс разработки и принятия Конституции подтвердил факт отсутствия единства в политических структурах по данному вопросу и привел к конфликту между президентом и парламентом.

В данный конфликт были включены и регионы, поскольку имеющиеся проекты Конституции (президентский и парламентский) были направлены в краевые советы народных депутатов для обсуждения. Изучая имеющиеся проекты, Советы Дальнего Востока отнеслись к ним по-разному. В категоричной форме отвергая саму идею конституционных изменений, высказался Амурский областной совет. Остальные Советы региона избрали компромиссный вариант обсуждения. Так, Приморский краевой совет предлагал объединить президентский и парламентский варианты Конституции. А Малый совет Хабаровского крайсовета в рамках обсуждения проектов Конституции лишь принял предоставленную рабочей группой информацию к сведению [2].

Однако полностью сохранить нейтралитет в конфликте между президентом и парламентам крайсоветам не удалось. Конфликт достиг своего апогея, когда 21 сентября 1993 г. Президент РФ подписал Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», в котором открыто обвинял Съезд и Верховный Совет в узурпации исполнительной и судебной власти, в затягивании конституционной реформы и предлагал прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съездом народных депутатов Российской Федерации и Верховным Советом Российской Федерации, а Конституционной комиссии и Конституционному совещанию представить к 12 декабря 1993 г. единый согласованный проект Конституции Российской Федерации. Указ заканчивался фразой: «Прошу граждан России поддержать своего Президента в это переломное для судьбы страны время» [10]. Именно данная поддержка или ее отсутствие сыграет значимую роль в будущей судьбе глав администрации краев и областей.

Данный указ осудило 67 региональных Советов. В Амурской области депутаты Малого совета заявили, что исполнять Указ № 1400 не будут. В Магаданской области члены Малого совета посчитали действия президента России антиконституционными. На Сахалине Малый совет также заявил, что Указ № 1400 противоречит действующей Конституции и члены Совета готовы поддержать действия Верховного Совета, направленные на сохранение конституционного строя в России. Иную позицию занял глава администрации Хабаровского края В.И. Ишаев: он заявил журналистам, что «оценивать законность Указа № 1400 не будет, поскольку данный указ принял законно избранный народом Президент» [4]. В будущем именно данная позиция позволит сохранить В.И. Ишаеву свое место главы на долгое время.

9 октября 1993 г. был издан Указ Президента РФ № 1617 «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации», который устанавливал, что в целях реализации принципа разделения властей «в краях, областях, автономной области, автономных округах, городах федерального значения населением избираются органы представительной власти (собрания, думы и т.п.) в составе 15–20 депутатов, работающих на постоянной основе». Кроме того, до избрания новых органов исполнительно-распорядительные функции переходят к администрации соответствующего субъекта, которая утверждает и бюджет субъекта совместно с Советом народных депутатов. Деятельность районных в городах, городских в районах, поселковых, сельских Советов народных депутатов прекращалась, их функции выполняла соответствующая местная администрация. И хотя городские и районные советы, согласно указу, продолжали функционировать, их работа длилась в течение месяца, и Указом Президента РФ от 26 октября 1993 г. № 1760 «О реформе местного самоуправления Российской Федерации» они были также распущены [11].

Данные указы способствовали началу нового этапа в развитии органов законодательной (представительной) власти в субъектах Российской Федерации. Естественно, что в каждом субъекте данный процесс обладал своей спецификой, в некоторых преобладали либеральные тенденции в создании данных органов власти, в некоторых – имел место конфликтный характер, специфически данный процесс проходил и на Дальнем Востоке.

Так, в Приморье в процесс создания законодательных (представительных) органов власти была вовлечена общественность. Председателю крайсовета Д.Н. Григорьеву поступало множество обращений от граждан, поэтому, если вначале численность парламента не должна была превышать 28 депутатов, то в заключительном проекте она составила 39 чел., так как территория края на тот момент состояла из 39 муниципальных образований. 22 октября 1993 г. Малый совет обсудил проект решения «О реформе представительного органа государственной власти Приморского края», утвердил Положения «О выборах депутатов Приморского краевого Собрания», «О представительном органе государственной власти Приморского края» [2]. В результате было решено назвать будущий парламент – краевым Собранием, а выборы в данный орган провести в марте 1994 г. Что касается краевого Совета народных депутатов, то планируемая на октябрь внеочередная сессия так и не состоялась в связи с отсутствием кворума, и с 1 ноября краевой Совет прекратил свои полномочия. Его функции перешли к краевой администрации. Изданное в 1994 г. Постановление «Об утверждении нормативных документов по выборам в представительный орган государственной власти Приморского края и органы местного самоуправления и о назначении выборов в эти органы» констатировало проведение выборов в краевое Собрание 27 марта 1994 г. по мажоритарной системе по 39 одномандатным округам [14]. Такая инициативная роль общественности, свойственная и современной политической ситуации в Приморском крае, свидетельствовала об активной включенности жителей Приморья в политическую жизнь края.

В Хабаровском крае в данные процессы общественность не вмешивалась, главную роль здесь играла политическая элита, сформировавшаяся еще в начале 1990-х гг. 13 октября 1993 г. состоялась 12-я сессия крайсовета, на которой председатель Совета И.Н. Цветков заявил, что «в сложившейся ситуации Совет народных депутатов не может продолжать свою работу», и предложил объявить о самороспуске. Данное предложение было поддержано, одновременно на данной сессии было принято решение «О реформировании и досрочных выборах краевой представительной власти», создание краевого парламента признавалось целесообразным, а Малому совету поручалось разработать проект проведения реформы по созданию такого органа власти [3]. Уже 1 ноября 1993 г. Малый совет Хабаровского крайсовета принял решение «О реформировании краевой представительной власти». В результате выборы в Законодательное собрание наметили провести 6 марта 1994 г.

Более решительно реформирование началось в Амурской области. Исполняющий обязанности главы администрации Амурской области 20 октября 1993 г. приостановил деятельность областного Совета и фактически возглавил работу по созданию нового представительного органа. 12 января 1994 г. на заседании коллегии областной администрации были утверждены проекты постановлений, регулирующие образование областного Собрания из 30 депутатов, избираемых по мажоритарной системе по двухмандатным избирательным округам. Выборы в созданный орган были назначены на 27 марта 1994 г. Отметим, что на оплачиваемой основе в областном Собрании работал лишь председатель, его три заместителя и секретарь.

Таким образом, на данном этапе в большинстве субъектов инициативу при создании органов представительной власти взяли на себя главы администрации краев и областей. Возможно, это связано с тем, что на всем протяжении существования СССР решения принимались в высших эшелонах власти, а участие народа состояло в подчинении и выполнении уже принятых решений. В то же время до принятия Конституции 1993 г. принцип разделения властей не был окончательно утвержден в механизме государства, что и создавало условия для концентрации администрацией в своих руках всей полноты власти.

Однако любопытно отметить, что принятая на референдуме Конституция 1993 г. почти не касалась организации государственной власти в субъектах Российской Феде-

рации. Видимо, предполагалось, что будет принят федеральный закон, который детализирует правовую брешь. И данный Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти в субъектах Российской Федерации» был принят, но лишь 22 октября 1999 г. В течение шести лет, при отсутствии федерального закона, государственное строительство на местах осуществлялось на основе собственного законотворчества. Данная работа законодательных (представительных) органов власти субъектов Российской Федерации носила правомерный характер.

За первые шесть лет каждый субъект Федерации, в том числе и на территории Дальнего Востока, в зависимости от степени влияния исполнительных органов власти в лице администрации сформировал различные варианты перераспределения полномочий между органами законодательной и исполнительной власти. В большинстве краев и областей Дальнего Востока создание законодательных (представительных) органов государственной власти проходило в спокойной политической обстановке (Хабаровский край, Камчатка, Сахалинская область). Однако взявшие в свои руки власть администрации Приморского края и Амурской области в целях бесконтрольного распоряжения бюджетными средствами затягивали проведение выборов в законодательные (представительные) органы государственной власти.

Кроме того, у политической элиты всех без исключения территориальных единиц было свое видение новых органов власти. Так, например, в Магаданской и Сахалинской областях главы администрации высказывались за создание двухпалатного областного парламента. Данное предложение весной 1993 г. было отправлено в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации, которая признала данные требования противоречащими ст. 17 Конституции РФ, а также требованиям ст. 1 «Основных положений о выборах в представительные органы государственной власти». В результате от проекта создания двухпалатного парламента пришлось отказаться.

С декабря 1993 г. по март 1994 г. состоялись выборы в 71 регионе страны, в том числе в 7 регионах Дальнего Востока. На осень 1994 г. были перенесены выборы в Приморском крае и Амурской области. В целом участие населения в выборах в Дальневосточном регионе составило 33–37 %, данный процент был характерен для всей страны. Общее количество депутатов, вошедших в состав местных парламентов, составило от 39 человек (Приморский край) до 8 (Корякский автономный округ). Большинство избранных местных парламентов Дальнего Востока формировалось на основе многомандатных избирательных округов. Причины этого заключались в малочисленности ряда административных единиц (Чукотский автономный округ), а также неравномерности заселения дальневосточных территорий. Кроме того, многомандатные избирательные округа усиливали возможность вхождения в региональные парламента лиц за счет не авторитета, а имеющихся у кандидата рычагов влияния на избирателей. Таким образом, в Дальневосточном регионе в 1994–1995 гг. создавалась новая политическая элита.

Депутаты первого созыва проработали два года. Их главной целью было – законодательное закрепление нового государственно-правового статуса края (области), а также легитимирование своей власти настолько, чтобы избежать тотального влияния исполнительной власти на политическую жизнь региона, как это наблюдалось в советский период, а также помочь населению своей территории в период нелегкой социально-экономической ситуации, сложившейся в стране. Данные цели были частично решены депутатами, в результате принцип разделения властей при сохранении баланса между ветвями власти был реализован, что позволило наладить эффективную работу для депутатского корпуса в последующие годы.

17 сентября 1995 г. был опубликован Указ Президента РФ № 951 «О выборах в органы государственной власти субъектов РФ и в органы местного самоуправления» [6]. Указ констатировал незавершенность процесса формирования в ряде субъектов Рос-

сийской Федерации законодательной базы, необходимой для проведения выборов в Совет Федерации, и в связи с этим в повелительной форме рекомендовал проведение в декабре 1997 г. выборов представительных (законодательных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, срок полномочий которых в соответствии с Указом Президента РФ от 22 октября 1993 г. № 1723 «Об основных началах организации государственной власти в субъекта Российской Федерации» истекает в 1995 и 1996 гг. В марте 1996 г. был опубликован Указ Президента РФ № 315 «О порядке переноса срока выборов в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ» [8], в котором дата проведения выборов могла определяться органами государственной власти субъекта РФ в соответствии с установленным законодательством субъекта РФ. Несмотря на изменения позиции Президента РФ на более лояльную, большинство парламентов Дальневосточного региона провели выборы в декабре 1997 г., исключение составили Приморский край и Амурская область, где выборы были проведены лишь к лету 1998 г. Как и ранее, процент явки избирателей не превысил 36 % по всему региону. Кроме того, проведенные выборы показали слабое участие политических партий: доля партийных выдвиженцев не превысила 18 % [12].

Работа депутатов второго созыва, как и первого, отражала внутривластные реалии субъектов. В Хабаровском крае отношения между ветвями власти характеризовались как бесконфликтные, что положительно отражалось и на работе законодательного (представительного) органа власти. Хотя роль администрации в лице В.И. Ишаева все же была доминирующей, но данный стиль отношений был естественен еще с советских времен, а политического противовеса в лице тех или иных лидеров ему не было. По-иному строились взаимоотношения между ветвями власти в Амурской области и Приморском крае, где конфликты не утихали на протяжении всех 1990-х гг.

Окончательным шагом в процессе создания законодательных (представительных) органов государственной власти стало издание Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ», в котором прописывались статус, полномочия, компетенция, принципы избрания, а также условия осуществления депутатами депутатской деятельности [5]. В результате во всех субъектах страны началось создание единообразной системы законодательных (представительных) органов государственной власти и, как следствие, приведение регионального законодательства в соответствие с данным федеральным законом. Однако в течение еще более 10 лет в законодательство, регулирующее порядок деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти, вносились различные поправки.

Таким образом, процесс создания законодательных (представительных) органов государственной власти был связан с политическими событиями, происходившими в 1990-е гг. в Российской Федерации, а также со специфическими особенностями отдельно взятого субъекта РФ. Но, несмотря на определенные сложности в ходе формирования законодательных (представительных) органов государственной РФ власти, они и сегодня являются важным элементом всей системы государственной власти в Российской Федерации и успешно выполняют возложенные на них полномочия.

Литература

1. Буянов Е.В. Об изученности проблемы государственного строительства на юге Дальнего Востока России в 1991–1996 гг. // Вестник Амурского университета. Вып. 3. Благовещенск, 1998.
2. Буянов Е.В. Реформы государственных органов законодательной власти на Дальнем Востоке России (1990-е годы) // Власть и управление на Востоке России. 2000. № 4.
3. Гамалей А.А. Хабаровская краевая дума: история становления и развития // Власть и управление на Востоке России. 2007. № 4.

4. Москва далеко, но отстать бы от нее подальше // Тихоокеанская звезда. 1993. 24 сентября.
5. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ: федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.
6. О выборах в органы государственной власти субъектов РФ и в органы местного самоуправления: указ Президента РФ от 17 сентября 1995 г. № 951 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 39. Ст. 3753.
7. О дополнительных полномочиях Президента РСФСР по обеспечению законности деятельности Советов народных депутатов в условиях ликвидации последствий попытки государственного переворота в СССР: постановление Верховного Совета РСФСР от 21 августа 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 4. Ст. 1146.
8. О некоторых вопросах правового регулирования деятельности краевых, областных Советов народных депутатов: закон РСФСР от 5 декабря 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 51. Ст. 1794.
9. О порядке переноса срока выборов в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ: указ Президента РФ от 2 марта 1996 г. № 315 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 11. Ст. 1024.
10. О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации: указ Президента РФ от 21 сентября 1993 г. № 1400 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 39. Ст. 3597.
11. О реформе местного самоуправления Российской Федерации: указ Президента РФ от 26 октября 1993 г. № 1760 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 44. Ст. 4188.
12. Политический альманах России. 1997 г. / под ред. М. Макфола, Н. Петрова. Т.1. М., 1998.
13. Российская газета. 1991. 27 августа.
14. Санычев И. Приморье: политико-правовые коллизии и поиск выхода из тупика. Владивосток, 1999.
15. Хачатурян Б.Г. Последние дни советских органов власти на Дальнем Востоке. Хабаровск, 2000.

УДК 342.1:316.75

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ В РОССИИ

Ксения Сергеевна Нежинская, преподаватель кандидат юридических наук;

Алексей Александрович Рыбак, преподаватель

(Дальневосточный юридический институт МВД России)

E-mail: lynatis@rambler.ru

mmmasa@rambler.ru

В статье изучены различные подходы к трактовке понятия «идеология», выявлено общее и особенное. Предпринята попытка доказать необходимость установления государственной идеологии в Российской Федерации, а также возможность ее правового закрепления. Проведен анализ нормативно-правовых актов, связанных с идеологической функцией Российского государства.

Ключевые слова: идеология; конституционно-правовые основы государственной идеологии; конституционные ценности; многонациональное государство; идеологическая деятельность государства.

THE LEGAL BASIS OF STATE IDEOLOGY IN RUSSIA

Kseniya Sergeevna Nezhinskaya, senior lecturer *kandidat nauk*, degree in Law;
Aleksei Alexandrovich Rybak, lecturer
(Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia)

The article examined the theoretical aspect of ideology, as well as the possibility of the establishment of the state ideology in the Russian Federation. In analyzing regulations governing the ideological function of the Russian state, revealed shortcomings. An attempt was made to prove the need for a state ideology in Russia.

Keywords: ideology; constitutional and legal basis of the state ideology; constitutional values; multi-ethnic state; the ideological activity of the state.

Невозможно представить процессы становления и развития любого государства без идеологических надстроек общества. Необходимым условием развития общества и государства является наличие концепции такого развития, которая выступает результатом выбора определенных идеологических установок. Данные установки находят свое отражение в конституции как основном законе государства, а также на уровне других законов, созданных в ее развитие. Провозглашенные ст. 13 Конституции РФ идеологическое многообразие и многопартийность являются теми конституционными ценностями, без закрепления которых немислимо существование демократического государства. Однако с сожалением приходится констатировать, что со времени принятия действующей Конституции РФ две указанные категории не сыграли роли того социального ориентира, отклонение от которого ведет к застою не только политической, но и других систем общества, а также может угрожать идеологическими и политическими конфликтами, раскалывающими и так далеко не монолитный многонациональный народ России [8, с. 12]. В этом контексте абсолютно справедливым является утверждение О.Е. Кутафина о том, что идеологическая функция является одной из важнейших функций государства. Объектом воздействия данной функции являются не только правосознание граждан, но и иные формы общественного сознания. Идеологическая деятельность государства дает возможность аккумулировать общенациональные интересы и в последующем реализовывать их в государственной политике, способствует мобилизации материальных, финансовых и людских ресурсов для их использования в социально значимых целях [7, с. 377–378].

Существующие оценки понятия «государственная идеология» чаще всего представляют собой достаточно отличающиеся друг от друга суждения представителей партий, оппозиции, политологов, общественных деятелей, публицистов.

Прежде чем приступить к рассмотрению понятия «государственная идеология», важно четко уяснить смысл дефиниции «идеология». Термин «идея» – греческого происхождения, буквально переводится как «то, что видно», «видимое» и обозначает образ, мысль, представление, намерение, план. «Логос» же переводится как слово, учение, понятие. Из этого следует, что этимологический смысл идеологии состоит в ее понимании как учения об образах, представлениях, намерениях на будущее, идеях [1, с. 253]. Одним из первых, применивших этот термин в своих трудах, был Платон. В научный оборот это понятие было введено политическим деятелем, философом, экономистом Антуаном Дестютом де Траси в 1796 г. в работе «Этюд о способности мыслить».

Таким образом, с этимологической точки зрения данный термин выступает в нескольких значениях: во-первых, как учение и наука об идеях; во-вторых, как мысль, выраженная в слове; и, в-третьих, как логически взаимосвязанная совокупность идей. Важно отметить, что А. Дестют де Траси термин «идеология» использовал в первом

значении. В его понимании идеология должна была стать наукой, предметом которой явятся всеобщие законы образования, взаимодействия и превращения идей, их влияния на жизнедеятельность различных социальных групп. Однако указанный смысл за данным понятием так и не закрепился.

По К. Манхейму, идеологией является продукт мышления конкретных групп людей, который предопределяется характером этих групп и их положением в социальной структуре общества. Таким образом, предметом мышления этой группы являются только те элементы действительности, которые представляют для нее практический интерес. К. Маркс и Ф. Энгельс считали идеологию извращенным и ложным сознанием, выражающим интересы определенного класса, которые выдаются за общественные интересы. Они не применяли термин «идеология» к собственной системе воззрений, но при этом характеризовали марксизм как научную теорию социализма, органически связанную с освободительной классовой борьбой пролетариата. В.И. Ленин расширил понятие идеологии, введя категорию «научная идеология» и указав, что в предшествующих марксизму системах имелись научные элементы, но лишь марксизм в подлинном смысле является научной идеологией. Ленин отметил такую важнейшую особенность марксизма, как соединение в теории высшей и строгой научности с революционностью [13, с. 324–325].

Середину 50-х, начало 70-х и середину 80-х гг. XX в. связывают с возникновением концепции всеобщей «деидеологизации». Ее авторами выступили К. Поппер, Р. Арон, С. М. Липсет, Д. Белл и другие. Представители данной концепции утверждали, что научно-технический прогресс в экономике неизбежно приводит к необходимости решения проблем с точки зрения научного и технического подхода, независимого от влияния идеологии, которая носит в большей степени субъективную окраску и искажает интересы социальных групп. В 70-х гг. XX в. концепцию деидеологизации сменяет новая концепция реидеологизации С. Хантингтона, В. Новака, Н. Кристолла, основным содержанием которой является необходимость выработки таких идеалов, которые могли бы увлечь массы. Авторы исходят из того, что никакая общественная наука не способна дать ответ на философские вопросы о смысле человеческой жизни, об идеалах, о социальных ценностях и путях их достижения.

Таким образом, подходы к пониманию идеологии можно разделить на три группы. К первой группе относится подход, согласно которому «идеология» рассматривается, в широком смысле слова, как наука об идеях, взглядах и мировоззрениях (Платон, А.Д. Траси). Ко второй группе относится комплекс парадигматических, синтагматических и прагматических структур и механизмов, доказывающий, что идеология – это всего лишь мировоззренческая позиция, представляющая интересы только одной группы людей и часто не совпадающая с интересами всего общества в целом. К третьей группе относится точка зрения, согласно которой государство и общество не нуждаются в идеологии и решение всех возникающих задач они могут найти в области применения технических наук.

Рассмотрение понятия «идеология» будет неполным без уяснения современных подходов к его смысловому содержанию. Под идеологией в современной интерпретации слова понимается относительно систематизированная совокупность взаимосвязанных идей, представлений, принципов и ценностей, которые основываются на интересах определенных групп людей, выступают по форме или по существу как выражение интересов всего общества, направлены на закрепление или изменение существующего общественного устройства и служат в качестве инструмента коллективного политического действия [12].

С точки зрения метаидеологии идеология является взаимосвязанной системой идей, предметом изучения которой является структура, форма и проявление различных идеологий. Таким образом, идеология основывается на нескольких базовых утверждениях относительно существующей реальности и является результатом субъективного

выбора различных социальных групп. Согласно этой точке зрения, идеология как результат познавательной деятельности человека является релятивистской стратегией развития общества.

В работах Джорджа Уолфорда и Гарольда Уолсби в области «систематической идеологии» изучены соотношения между идеологией и социальными системами. По их мнению, идеология есть центральный фактор мотивации человека, а мировоззренческие взгляды людей (факторы, составляющие их идеологию) не зависят ни от материальных условий, ни от отношения их к средствам производства. «Вместо этого есть идеологические группы в обществе, сокращающемся через социальные классы и формирующем ряд с самыми многочисленными группами, как правило, управляемыми в их мыслях и действиях предпочтением семьи, власти, дружеских отношений и традиции» [18].

Дэвид Минар в своих трудах представляет идеологию как своего рода набор логически выстроенных идей с нормативным содержанием [16, р. 301]. Уиллард Маллинз [17, р. 348] подчеркивает, что идеологию не следует путать с «утопией» и «исторической мифологией». Идеология, согласно его представлениям, должна обладать способностями руководить оценочными суждениями, властвовать над познавательной способностью, быть логически последовательной, а также служить инструкцией к действиям.

Германский философ Кристиан Дункер, напротив, в своей работе призывает к «критическим размышлениям об идеологических концептах». В своей попытке вывести концепцию идеологии на первый план вместе с тесно связанными с ней проблемами эпистемологии и истории он определяет идеологию как систему способов и представлений, скрыто или явно претендующих на абсолютную истину [15].

Хотя дефиниция «идеология» наиболее часто встречается именно в политической дискуссии, теория и практика применения данного понятия указывает на существование достаточно большого количества типов идеологии. При этом смысловое значение данного термина остается неизменным и состоит в теоретическом обобщении исходных чувственных представлений и знаний человека, а также является исходным принципом для практической деятельности.

Сегодня большинство представителей конституционно-правовой науки выступают против употребления термина «государственная идеология» в современном Российском государстве. Каждая из существующих и существовавших идеологий подвергается критике с их стороны. Так, например, установление идеологии либеральной демократии в России связывается со значительным влиянием на развитие государства представителей олигархической элиты, с сильным снижением уровня жизни народа, утратой государственного суверенитета, а также с зависимостью нашего государства от более развитых в экономическом плане государств. Идеология партии парламентского большинства ассоциируется с применением особых манипулятивных политических технологий, административных рычагов, бюрократизацией власти и коррупцией, при этом характеристика демократии воспринимается как идеологическое прикрытие, позволяющее создавать авторитарный режим без вмешательства международных организаций и иностранных государств. Идеология коммунистической партии оценивается как попытка пересмотра итогов приватизации, а также возрождения классовых традиций демократического централизма. Националистическая идеология ассоциируется с национальным неравенством, преследованиями по национальному признаку и в последующем с массовыми конфликтами между титульными нациями за сохранение единства многонационального народа России или образование своего национального суверенного государства [9, с. 7]. Представленный анализ идеологических течений позволяет сделать вывод о том, что любая идеология может быть искажена настолько, что будет отражать интересы лишь небольшой социальной группы, а не всего общества в целом.

Идеологические течения разнообразны, но это вовсе не означает, что государство не должно иметь идеологических надстроек. Так, например, по мнению Ю.А. Красина, государство в качестве института власти и управления возникает и развивается как составная часть гетерогенных территориальных и национально-этнических сообществ. Под ними понимается общность исторической судьбы народа, которая не устраняет различий социальных интересов и воззрений (а значит, идеологического плюрализма). Данная общность, в свою очередь, порождает объединяющие все население государства традиции, интересы, обычаи совместного проживания и взаимодействия людей, а также общее видение своего места в истории [6, с. 35]. Именно благодаря этой не всегда определенной, раздираемой внутренними противоречиями общности возникает сама возможность объединиться в одном государстве. Она и является своего рода метаидеологией в масштабе государства, позволяющей ему, опираясь на исторически сложившиеся духовно-нравственные ценности и традиции социума, использовать идеологический компонент как фактор консолидации трансформирующегося общества. Для теоретического мышления – это вопрос формирования метаидеологии, толерантной по отношению к инакомыслию. Взаимодействуя с традиционными идеологиями, она могла бы впитывать в себя общие для них идеи и ценности. Таким образом, исходя из рассмотренного выше содержания термина «идеология», государственная идеология видится как совокупность различных идеологий, отражающих интересы всего общества в целом. Но возникает вопрос, возможно ли создание такой идеологии в Российском государстве?

Сегодня многие ученые доказывают, что Российское государство, несомненно, обладает идеологией, и эту функцию несет в себе прежде всего Конституция Российской Федерации [2–5; 14]. Обращаясь к гл. 1 Конституции РФ, они указывают, что наше государство является носителем идеологии демократии, суверенитета и гуманизма. Следует согласиться с этой точкой зрения, так как, не обладая такой государственной идеологией, невозможно было бы обеспечить реализацию прав и свобод человека и гражданина, признание, соблюдение и защита которых, согласно ст. 2 Конституции РФ, являются обязанностью государства, да и само провозглашение человека, его прав и свобод высшей ценностью было бы только формальной обязанностью государства. Без государственной идеологии нет оснований для объявления России демократическим государством, как это закреплено в ст. 1 Конституции РФ. Невозможным также является обеспечение государством народного суверенитета, целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, если бы эти признаки не базировались на соответствующих государственных идеях, взглядах, целях и ценностях. Современное Российское государство обязано быть готовым ответить на вопросы подрастающего поколения, связанные с социальными, экономическими, политическими, культурными, религиозными и другими аспектами. Именно с этой целью и должна строиться государственная идеология. Если эти вопросы не получают отклика у государства, то существует большая вероятность, что ответы найдутся в идеологиях, представляющих прямую угрозу национальной безопасности.

Изучение нормативно-правовых актов, регулирующих идеологическую сферу жизни российского общества, позволяет увидеть яркий контраст в определениях и характеристиках запрещенных и разрешенных идеологий.

Так, статья 13 Конституции РФ определяет, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. В то же время та же статья гласит: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие». Исходя из содержания данной статьи следует, что созданием идеологии и ее пропагандой может заниматься любой субъект общественных отношений, в том числе и иностранный, кроме самого Российского государства.

Статья 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [10] раскрывает понятие терроризма как идеологию насилия и практику

воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [11] определяет правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности, устанавливает ответственность за ее осуществление, а также раскрывает сущность и виды экстремистской деятельности.

Нормы уголовного и административного права под угрозой наказания вводят запрет на совершение противоправных действий, связанных с различными видами запрещенных в Российском государстве идеологий. Так, статья 63 УК РФ признаетотягчающим вину обстоятельством совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а статьи 282.1, 205, 205.1, 205.2, 205.3 УК РФ вводят запрет на противоправные действия, связанные с осуществлением экстремистской и террористической деятельности.

На всех уровнях власти принимается и реализуется большое количество нормативно-правовых актов, направленных на профилактику и раннее выявление запрещенных в Российском государстве идеологий, но ни одна из существующих норм права не раскрывает содержание «правильной» идеологии, идеологии, которая будет способствовать развитию не только государственных институтов и общества, но и человека. Это вовсе не означает, что идеология должна основываться на религиозных нормах одной конфессии или идеологии отдельной социальной группы. В основе всех мировых религиозных доктрин лежит созидательное начало, участвующее в формировании личности. Примечательно, что религии являются своего рода сводами устоявшихся обычаев, которыми должны руководствоваться и руководствуются люди. Если человек не религиозен, он руководствуется нормами морали, но и они имеют то же содержание, что и религиозные постулаты, такие, например, как «не убей», «не укради», «люби ближнего». Именно на основе религиозных норм формируются различные идеологии, и то, какой эта идеология будет («правильной» или искажающей основы этой религии) и как ее примет сознание человека, зависит только от сформированности сознания. При этом основным субъектом формирования этого сознания является именно государство.

Сегодня для Российского государства назрела острая необходимость формирования современной, целостной концепции государственной идеологии, сущность которой заключалась бы в построении здорового общества с сознанием, способным отвергнуть любые запрещенные идеологии. Возможно, именно этому нормативно-правовому акту суждено вобрать в себя те принципы, которые смогут определить идеологическую роль Российского государства как выразителя идей, определяющих будущее своего народа.

Литература

1. Алексеев П.В. Социальная философия: ценности, мораль, идеология. М.: Проспект, 2005.
2. Возьмитель А. О российской власти и общенациональной идее // Власть. 1999. № 7.
3. Волков Ю.Г. Идеология гуманизма в становлении российской идентичности // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 2.
4. Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А. Русский консерватизм XIX столетия: идеология и практика. М., 2000.
5. Зорин А. Идеология «православие – самодержавие – народность» и немецкие источники // В раздумьях о России (XIX век) / отв. ред. Е.Л. Рудницкая. М., 1996.
6. Красин Ю.А. Идеологический плюрализм и метаидеология нового гуманизма // Вестник Института социологии. 2015. № 12.
7. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008.

8. Лебедев В.А. Идеологическое многообразие и российская многопартийность: размышление о судьбе статьи 13 Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 11.
9. Лебедев В.А., Киреев В.В. Главное – конституционализм! (Пути развития российской демократии) // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 2.
10. О противодействии терроризму: федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в ред. от 31.12.2014) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.
11. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 08.03.2015) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
12. Ровдо В., Чернов В., Казакевич А. Мировые политические идеологии: классика и современность. Минск: Тонпик, 2007.
13. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983.
14. Черняховский С.Ф. Проект для России // Вестник Московского университета. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994. № 2.
15. Duncker Ch. Kritische Reflexionen des ideologiebegriffes: zur Bedeutung der ideologien fur den Menschen. Turnshare, 2006.
16. Minar D.M. // Midwest Journal of Political Science. 1961. Vol. 5. No. 4.
17. Mullins Willard Arnold. The Concept of Ideology: An Analysis and Evaluation. 1969.
18. Walford G. Ideology, Marxism and the SPGB by David McDonagh, 2000. URL: <http://gwiep.net/wp/?p=85> (дата обращения: 18.11.2015).

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.1

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ (ТРЕБОВАНИЯ), ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ ЗАКОННОСТЬ, ОБОСНОВАННОСТЬ И СВОЕВРЕМЕННОСТЬ РАССМОТРЕНИЯ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Николай Григорьевич Шурухнов, профессор кафедры Московского гуманитарного университета доктор юридических наук, профессор;
Марианна Олеговна Румянцева, доцент кафедры Московского психолого-социального университета кандидат юридических наук
E-mail: matros49@mail.ru

В статье рассматриваются правовая природа, назначение, сущность, порядок проведения процессуальных действий, предусмотренных ст. 144 УПК РФ и реализуемых при проверке сообщения о преступлении. Вносятся предложения по оптимизации их осуществления.

Ключевые слова: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации; предварительная проверка; доследственная проверка; получение образцов для сравнительного исследования; истребование документов и предметов; назначение судебной экспертизы; производство следственного осмотра; исследование документов, предметов, трупов; дача органу дознания обязательного для исполнения письменного поручения.

CRIMINAL PROCEDURE CONDITIONS (REQUIREMENTS) PROVIDING LEGALITY, VALIDITY AND TIMELINESS OF CONSIDERATION MESSAGES ON A CRIME

Nikolay Grigoryevich Shurukhnov, chair professor of the Moscow University for the Humanities Doctor of Law, Professor;
Marianna Olegovna Rummyantseva, chair associate professor of the Moscow Psikhologo-social University *kandidat nauk*, degree in Law

In article the legal nature, appointment, essence, an order of carrying out the procedural actions provided by Art. 144 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and realized at verification of the message on a crime is considered. Offers on optimization of their implementation are made.

Keywords: Criminal Procedure Code of the Russian Federation; preliminary check; investigation verification; receiving explanations, samples for comparative research; reclamation of documents and objects; purpose of judicial examination; production of inspection of the scene; production of documentary checks, audits, researches of documents, objects, corpses; giving to body of inquiry of a written assignment, obligatory for execution, about carrying out operational search actions.

После приема и регистрации поступившее сообщение о преступлении подлежит проверке на предмет законности повода и наличия достаточных оснований для возбуждения уголовного дела. В юридической литературе встречаются различные варианты названия деятельности по установлению повода и основания для возбуждения уголовного дела.

Одни авторы используют формулировку «предварительная проверка» [7, с. 102; 15, с. 126; 29, с. 96; 30], другие – «доследственная проверка» [5, с. 51; 14, с. 34; 27, с. 62; 31, с. 75], третьи – «проверка заявлений и сообщений о преступлениях» [12, с. 27; 19, с. 26; 23, с. 136; 26, с. 170], четвертые – «рассмотрение сообщений о преступлениях» [16, с. 3].

Несмотря на разницу наименования данной деятельности, различия носят исключительно терминологический характер и не меняют ее сути. Термин «предварительная проверка» является наиболее удачным, поскольку, как отмечают В.Н. Яшин и А.В. Победкин, отражает предварительный характер данной деятельности, предшествующей принятию одного из итоговых процессуальных решений стадии [32, с. 9]. Следует сказать, что УПК РФ (ст. 144) именуем анализируемую деятельность рассмотрением, проверкой сообщения о преступлении.

Ранее действовавший УПК РСФСР не содержал понятия «проверка», лишь указывал, что «по поступившим заявлениям и сообщениям могут быть истребованы необходимые материалы и получены объяснения», а в случаях, не терпящих отлагательства, допускал производство осмотра места происшествия (ч. 2 ст. 178 УПК РСФСР).

Поскольку часть 1 ст. 144 УПК РФ возлагает на дознавателя, орган дознания, следователя, руководителя следственного органа обязанность проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении, то, исходя из толкования данной нормы, рассмотрение сообщения о преступлении является обязательной составной частью уголовно-процессуальной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела.

Сосредоточивая внимание на признаках такого рассмотрения, отметим, что оно:

- во-первых, проводится по каждому поступившему сообщению о преступлении, однако масштабы проверки варьируются в зависимости от объема содержащейся в первичных материалах информации. Если в первоначальной информации не содержится достаточных данных для принятия решения о возбуждении уголовного дела или возникают сомнения в достоверности поступившей информации, то проверка сообщения о преступлении проводится в полном объеме. В том случае, если первичные материалы содержат в себе достаточные данные, указывающие на признаки преступления, рассмотрение сообщения может ограничиться изучением, анализом и оценкой имеющихся первоначальных фактических данных. «Надо твердо помнить, что такая проверка допускается исключительно в целях обеспечения правильного разрешения сообщений и заявлений о преступлениях. Она не должна иметь места, если сообщение (заявление) может быть успешно разрешено при наличном материале» [11, с. 169–170];

- во-вторых, проверка не ставит целью раскрытие преступления. Она необходима только лишь для установления законности повода и наличия основания для возбуждения уголовного дела, т.е. достаточных данных, указывающих на признаки преступления, а также для выявления обстоятельств, препятствующих возбуждению уголовного дела;

- в-третьих, проверка проводится без производства следственных действий, средствами, указанными в ст. 144 УПК РФ*. «При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих

* Исключение составляют осмотр места происшествия, документов, предметов (ч. 2 ст. 176 УПК РФ), трупа (ч. 4 ст. 178 УПК РФ).

действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий».

Специальный порядок законодатель установил при проверке сообщения о преступлении, распространенного в средствах массовой информации. Такую проверку «проводит по поручению прокурора орган дознания, а также по поручению руководителя следственного органа следователь. Редакция, главный редактор соответствующего средства массовой информации обязаны передать по требованию прокурора, следователя или органа дознания имеющиеся в распоряжении соответствующего средства массовой информации документы и материалы, подтверждающие сообщение о преступлении, а также данные о лице, предоставившем указанную информацию, за исключением случаев, когда это лицо поставило условие о сохранении в тайне источника информации» (ч. 2 ст. 144 УПК РФ).

Общим положениям, наименованию средств проверки сообщения о преступлении УПК РФ уделено достаточно внимания. Однако отсутствует регламентация осуществления процессуальных действий, направленных на проверку первичных данных о признаках преступления, что отрицательно сказывается на практике. Как пишут В.М. Корнуков, В.А. Лазарев, В.Д. Холоденко, «такую регламентацию этого важного этапа процессуальной деятельности, от которого зависит законность и обоснованность решения о возбуждении уголовного дела, а в конечном счете обеспечение прав личности уголовно-процессуальными средствами, нельзя признать совершенной» [13, с. 92].

Образовавшийся в законодательстве пробел в значительной степени восполняется правоприменительной практикой, которая, с одной стороны, не отвечает принципу единообразия, а с другой – нередко приводит к нарушению закона. Как отмечает Н.А. Власова, отсутствие детальной регламентации действий ведет к тому, что сведения, полученные в первоначальной стадии процесса, либо вовсе не считаются доказательствами, либо им придается меньшее доказательственное значение, чем сведениям, полученным в результате производства четко регламентированных действий [9, с. 93].

В качестве одного из первостепенных средств проверки сообщения о преступлении закон называет получение объяснения. Как отмечают Т.Г. Алексеева и С.Ш. Исмаилян, получение объяснений – это «не только один из эффективных способов проверки оснований для возбуждения уголовного дела, но и действие, определяющее тактические комбинации и операции при собирании доказательств как на стадии возбуждения уголовного дела, так и при проведении предварительного расследования» [2, с. 74–86].

Получение объяснений является одним из наиболее традиционных и распространенных средств, используемых при проверке сообщения о преступлении. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (ст. 254) уполномочивал полицию собирать все нужные ей сведения посредством проведения словесных расспросов. При этом выделялись две формы объяснения – устная и письменная. УПК РСФСР в ст. 109 также разрешал прокурору, следователю, органу дознанию и суду получать объяснения от правонарушителей, очевидцев и иных лиц, однако порядок получения объяснений регламентирован не был.

С принятием УПК РФ объяснение из уголовно-процессуального закона исчезло, однако дознаватели, следователи продолжали активно проводить данное проверочное мероприятие, пытаясь найти правовое обоснование его реализации. Ряд правоприменителей, получая объяснения на стадии возбуждения уголовного дела, ссылались на п. 3 ст. 13 Федерального закона «О полиции» [21]. В соответствии с ним полиция предоставляется право в связи с проверкой зарегистрированных в установленном порядке заявлений и сообщений о преступлениях получать от граждан и должностных лиц необходимые объяснения, справки, документы. Другие аргументировали деятельность по получению объяснений п. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», согласно которому к оперативно-розыскным мероприятиям относится опрос. Третьи ссылались на ч. 4 ст. 21 УПК РФ.

Как правило, объяснения получают от лиц, сообщивших о совершенном или готовящемся преступлении; очевидцев произошедшего события; сотрудников правоохранительных органов, выявивших признаки преступления; лиц, имена которых указаны в качестве совершивших преступление в сообщении о преступлении.

В настоящее время, несмотря на широкую распространенность, не выработано единой практики получения объяснений. Единственным выходом из сложившейся ситуации является либо дополнение ст. 144 УПК РФ разъяснением порядка получения объяснений и других проверочных средств, либо издание межведомственной инструкции, которая будет регламентировать порядок осуществления проверочных действий. В противном случае объяснение будет, по сути, представлять допрос, только проводимый до возбуждения уголовного дела [3, с. 146].

По нашему мнению, составляемый протокол получения объяснения должен содержать следующие реквизиты:

- место, дату и время получения объяснения;
- звание, должность, фамилию, инициалы должностного лица, получающего объяснение;
- анкетные данные лица, от которого получают объяснение (фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, место жительства или регистрации, номер телефона, гражданство, образование, семейное положение, место работы или учебы, отношение к воинской обязанности, наличие судимости, данные паспорта или иного документа, удостоверяющего личность);
- сведения о применяемых технических средствах;
- отметка о разъяснении прав опрашиваемому лицу. В соответствии со ст. 51 Конституции РФ это права: не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ; давать объяснение на родном языке или языке, которым владеет; пользоваться помощью переводчика бесплатно; заявлять отводы участвующим в опросе лицам; заявлять ходатайства и приносить жалобы на действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора; являться на опрос с адвокатом; ходатайствовать о применении мер безопасности;
- изложение сути объяснения по существу дела;
- удостоверение факта прочтения объяснения лично опрашиваемым лицом или вслух лицом, составившим объяснение;
- удостоверение факта правильности или неправильности записи объяснения;
- наличие замечаний и дополнений к объяснению;
- перечень лиц, участвовавших при получении объяснения;
- подпись лица, получившего объяснение.

Следует учитывать, что к лицам, от которых необходимо получить объяснения, недопустимо применение принудительных мер, именно поэтому в бланке объяснения должно отсутствовать предупреждение об ответственности за дачу ложных показаний и за отказ от дачи показаний. Поскольку закон не предусматривает негативных последствий для лиц, уклоняющихся от явки для дачи объяснений, к ним не может быть применен принудительный привод. В связи с этим несостоятельными выглядят предложения отдельных исследователей предусмотреть в стадии возбуждения уголовного дела возможность производства допроса вместо получения объяснений [4]. Представляется, подобные новеллы не будут способствовать совершенствованию стадии возбуждения уголовного дела, а наоборот, нивелируют ее границы и превратят в стадию предварительного расследования.

Часть 1.2 ст. 144 УПК РФ говорит о том, что полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 УПК РФ. Таким образом, законодатель поставил запрет на конвертацию объяснений в доказательства. И это действительно так.

Объяснение не может быть использовано в качестве доказательства, поскольку лица, от которых получены объяснения, не предупреждаются об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

Для проверки сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе также получать образцы для сравнительного исследования. Получение образцов для сравнительного исследования нередко является условием для назначения и производства судебной экспертизы. Так, следователь вправе получить образцы почерка или иные образцы для сравнительного исследования у физических лиц и представителей юридических лиц при производстве проверки сообщения о преступлении в случаях, если возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на вещественных доказательствах. По общему правилу, при получении образцов для сравнительного исследования не должны применяться методы, опасные для жизни и здоровья человека или унижающие его честь и достоинство.

Однако может возникнуть вполне правомерный вопрос: допускается ли принудительное получение образцов для сравнительного исследования на рассматриваемом этапе? Как уже было сказано ранее, до принятия решения о возбуждении уголовного дела не допускается применение каких-либо принудительных мер, в том числе направленных на получение образцов для сравнительного исследования.

В соответствии со ст. 144 УПК РФ уполномоченные должностные лица в целях проверки сообщения о преступлении вправе истребовать документы и предметы и изымать их в порядке, установленном УПК РФ. Право дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа предъявлять требования гарантируется также ч. 4 ст. 21 УПК РФ и, вероятно, заключается в направлении названными лицами учреждениям, предприятиям, организациям, должностным лицам и гражданам требований, поручений и запросов о предоставлении необходимых документов и предметов.

Поскольку уголовно-процессуальный закон не предусматривает изъятия предметов и документов в качестве самостоятельного следственного действия, напрашивается вывод, что подобные истребование и изъятие являются составной частью другого процессуального действия.

В юридической литературе все чаще высказываются мнения, что благодаря нынешней формулировке ч. 1 ст. 144 УПК РФ «обыск и выемка могут стать обыденными следственными действиями для стадии возбуждения уголовного дела» [12], либо «напрашивается вывод о возможности производства таких следственных действий, как обыск и личный обыск, до возбуждения уголовного дела» [8].

Изучение ст. 177 УПК РФ показывает, что осмотр следов преступления и иных обнаруженных предметов производится на месте производства следственного действия. В том случае, если для производства такого осмотра требуется продолжительное время или осмотр на месте затруднен, то предметы должны быть изъяты, упакованы, опечатаны, заверены подписью следователя на месте осмотра. При этом изъятию подлежат только те предметы, которые могут иметь отношение к уголовному делу, а в протоколе осмотра по возможности указываются индивидуальные признаки и особенности изымаемых предметов.

Представляется, что для искоренения разночтений, возникающих при трактовке ч. 1 ст. 144 УПК РФ, необходимо в очередной раз внести изменения в гл. 19 УПК РФ. При этом либо добавить указание, что возможно изъятие предметов и документов, имеющих значение для дела, обнаруженных в ходе осмотра места происшествия (благоприятный вариант), либо разрешить производство выемки (крайне неблагоприятный вариант) до возбуждения уголовного дела.

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ [18] право должностных лиц на назначение экспертизы в очередной раз было возвращено в перечень проверочных мероприятий, осуществляемых до возбуждения уголовного дела. При этом дознаватель,

орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе не только назначать экспертизу, но и принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта на стадии возбуждения уголовного дела. Причем законодатель указывает, что заключение эксперта должно быть получено в разумный срок. Каков же порядок определения разумного срока проведения экспертизы?

Общий порядок назначения и производства судебной экспертизы регламентирован гл. 27 УПК РФ. В то же время ряд вопросов, возникающих в связи с проведением судебной экспертизы, в том числе относительно сроков ее проведения, регулируется также Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [20] и ведомственными инструкциями.

Инструкция по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации [10] устанавливает два вида сроков: первый, как правило, не превышающий пятнадцати суток; второй, более длительный, при необходимости исследования значительного объема материалов либо применения продолжительных по времени методик исследования, а также при наличии в производстве у эксперта значительного количества экспертиз. В связи с этим представляется закономерным продление срока предварительной проверки до 30 суток в случае производства судебных экспертиз (ч. 3 ст. 144 УПК РФ). Следовательно, разумный срок, указанный в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, определяется временем, необходимым для проведения судебной экспертизы.

Наряду с правом назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе требовать производства исследований документов, предметов, трупов. Законодатель, закрепив в уголовно-процессуальном законе возможность производства исследований документов, не раскрыл содержания данного процессуального действия. Традиционно считалось, что подобного рода исследования, проводимые с участием специалиста, выступают некой подменой судебной экспертизы в целях принятия обоснованного решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в таковом. Однако в настоящее время, при возможности производства экспертизы до возбуждения уголовного дела, роль исследований документов, предметов и трупов, проводимых с участием специалиста до возбуждения уголовного дела, не совсем ясна.

Вероятно, исследование документов, предметов, трупов с участием специалиста осуществляется в тех случаях, когда дознавателю, органу дознания, следователю, руководителю следственного органа для получения необходимой информации не требуется заключение эксперта.

Согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ, дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа при проверке сообщения о преступлении вправе требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, а также привлекать к участию в производстве указанных действий специалистов.

Действительно, по отдельным категориям преступлений довольно часто возникает потребность в производстве документальной проверки, ревизии, которые требуют специальных знаний. В качестве таковых могут выступать как эксперты-экономисты, так и иные специалисты в области финансовой деятельности.

Следует отметить, что уголовно-процессуальный закон не регламентирует процедуру производства таких действий, как ревизия и документальная проверка. В связи с этим ряд авторов пришли к мнению о непроцессуальном характере ревизии или документальной проверки. В обоснование высказанной позиции приводятся следующие доводы: сферой уголовно-процессуального регулирования охватывается только деятельность по инициированию обозначенных мероприятий, порождающая процессуальные правоотношения между следователем и руководителем ревизионного органа, правомочным назначить ревизию, само же проведение ревизии, ее методы, составление соот-

ветствующего акта определяются нормами административного права [3, с. 154–155; 25, с. 26; 28, с. 99–100].

На наш взгляд, озвученная точка зрения не является бесспорной. Расположение рассматриваемого средства предварительной проверки сообщения о преступлении в ч. 1 ст. 144 УПК РФ позволяет говорить о его уголовно-процессуальном характере. Иные законодательные акты, раскрывающие порядок производства ревизии, не меняют ее процессуального статуса.

По мнению Л.А. Савиной, ревизия финансово-хозяйственной деятельности и документальная проверка являются хотя и близкими, но в то же время и самостоятельными институтами контрольной деятельности. При этом ревизия является более всесторонним и глубоким мероприятием по сравнению с документальной проверкой [24].

Как пишут Н.П. Фролкин и И.В. Шульгин, если ревизия как один из способов проверки ученым и практическим работникам известна и вполне понятна, то документальная проверка требует осмысления, а возможно, и законодательного разъяснения, поскольку, по мнению авторов, не совсем ясно, чем она отличается от ревизии, которая не может проводиться без изучения (проверки) документов строгой отчетности. «Документальная проверка состоит в качестве полноценного проверочного действия лишь после накопления практического опыта, достаточного для теоретического осмысления ее сущности и содержания» [27, с. 64].

При проверке первичных материалов о преступлениях часто возникает необходимость в проведении оперативно-розыскных мероприятий, правомерность проведения которых вытекает непосредственно из Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [17]. В соответствии со ст. 11 названного закона результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела. Более того, современная редакция ст. 144 УПК РФ позволяет субъектам первоначальной стадии расследования давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Согласно ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», основаниями для проведения оперативно-розыскных мероприятий являются ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Следует отметить, что оперативно-розыскные мероприятия (ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности») являются неотъемлемыми средствами проверки сообщения о преступлении в тех случаях, когда необходимо скрыть факт начавшейся проверки по сообщению о преступлении [22, с. 84], либо при отсутствии других способов проверки поступившего сообщения о преступлении.

Особое внимание следует уделить вопросу о доказательственном значении данных, полученных в ходе предварительной проверки. Ряд ученых полагают, что собранные на стадии возбуждения уголовного дела фактические данные не могут являться доказательствами, поскольку законодательством не урегулировано их процессуальное значение. Некоторые юристы считают, что результаты предварительной проверки могут быть использованы в качестве доказательств, относя их к такому виду доказательств, как «иные документы» [6, с. 215–216].

В настоящее время уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность использования полученных в ходе проверки сообщения о преступлении сведений в качестве доказательств при условии, что они соответствуют положениям ст. 75 и 89 УПК РФ.

В частности, статья 75 УПК РФ регламентирует порядок признания доказательств недопустимыми. Так, к недопустимым доказательствам относятся:

1) показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде;

2) показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности;

3) иные доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса.

Анализ указанных положений приводит к выводу о том, что пункты 1 и 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ не применимы к стадии возбуждения уголовного дела, поскольку, как уже было отмечено ранее, на первоначальной стадии отсутствуют подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель. Именно пункт 3 рассматриваемой статьи упоминает иные доказательства, к которым представляется возможным отнести и сведения, полученные на стадии возбуждения уголовного дела. Однако, в силу отсутствия в ст. 144 УПК РФ регламентации порядка производства проверочных действий, возникает вопрос по поводу требований, которым должны соответствовать сведения, полученные на стадии возбуждения уголовного дела.

Думается, если в качестве проверочного мероприятия выступает следственное или процессуальное действие, предусмотренное уголовно-процессуальным законодательством, то проводиться данное проверочное мероприятие должно в строгом соответствии с нормами УПК РФ. В противном случае, сведения, полученные в ходе проверочного мероприятия, теряют свое доказательственное значение. Аналогичные требования предъявляются и к проводимым оперативно-розыскным мероприятиям (ст. 89 УПК РФ).

Правда, не совсем логичной выглядит оговорка, сделанная законодателем в отношении судебной экспертизы: «если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению». Как отмечают А.С. Александров и С.А. Грачев, «следователь вынужден поставить под сомнение заключение эксперта не по фактическим, а по формальным основаниям» [1, с. 34].

А в том случае, если в ходе проведения экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела эксперт израсходовал весь материал, представленный на экспертизу, и для производства повторной или дополнительной экспертизы материала больше не существует, то суд будет вынужден признать результаты первоначальной экспертизы недопустимым доказательством, тем самым «развалив» уголовное дело.

Иными словами, законодатель, допустив подобную оговорку в гл. 19 УПК РФ, перечеркивает сформулированный им же самим принцип свободы оценки доказательств – никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Оказывается, экспертиза, проведенная в ходе предварительного расследования, более «правильная», нежели та, что была выполнена в ходе проверки сообщения о преступлении. Причем известно об этом становится еще до того, как эта экспертиза будет проведена.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что производство предварительной проверки сообщений о преступлениях ограничено рядом уголовно-процессуальных условий (требований), соблюдение которых призвано обеспечить ее законность и обоснованность. При этом данная проверка должна быть эффективной, т.е. отвечать своему назначению – обеспечивать обоснованность возбуждения либо отказа в возбуждении уголовного дела. В свою очередь, своевременное и качественное проведение проверки сообщения о преступлении на стадии возбуждения уголовного дела обеспечивает успешное выполнение задач уголовного судопроизводства.

Литература

1. Александров А.С., Грачев С.А. Стадия возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя оставить // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2015. № 1.
2. Алексеева Т.Г., Исмаилян С.Ш. Поводы и основания для возбуждения уголовного дела // *Актуальные проблемы теории и практики противодействия наркопреступности на Дальнем Востоке: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (22-23 ноября 2007 г.)*. Хабаровск, 2008.
3. Артемова В.В. Возбуждение уголовного дела как уголовно-процессуальный институт: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
4. Багмет А.М. К вопросу о совершенствовании стадии возбуждения уголовного дела // *Библиотека криминалиста. Научный журнал*. 2014. № 1.
5. Бажанов С. Оправдана ли так называемая доследственная проверка? // *Законность*. 1995. № 1.
6. Белоусов А.В. О доказательственном значении информации, полученной в стадии возбуждения уголовного дела // *Современные проблемы уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, прокурорского надзора: сб. науч. трудов. М.-СПб.-Кемерово*, 1998.
7. Березина Л.В. Объяснение как средство предварительной проверки сообщения о преступлении по УПК РФ // *Актуальные проблемы борьбы с преступностью: сб. науч. статей*. Саратов: СЮИ МВД России, 2007.
8. Васильев О.Л. Новый этап реформы досудебных стадий уголовного процесса. Критический анализ новелл 2013 г. // *Закон*. 2013. № 8.
9. Власова Н.А. Теоретические и правовые основы стадии возбуждения уголовного дела: монография. М., 2001.
10. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»): приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 (в ред. от 15.10.2012) // *Российская газета*. 2013. 13 февраля.
11. Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Возбуждение уголовного дела. М.: Госюриздат, 1961.
12. Каретников А.С., Каретников С.А. Следственные действия как способы проверки сообщения о преступлении // *Законность*. 2014. № 7.
13. Корнуков В.М., Лазарев В.А., Холоденко В.Д. Возбуждение уголовного дела в системе уголовно-процессуальной деятельности: монография. Саратов: Саратовская гос. академия права, 2002.
14. Махов В. Законодательство о возбуждении уголовного дела // *Законность*. 1997. № 1.
15. Мерецкий Н.Е. Закономерности, влияющие на исследование доказательств в уголовном судопроизводстве // *Правовая Россия: теория и практика: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф.*, 28-29 мая 2013 г. Хабаровск: ДВГУПС, 2013.
16. Модогоев А.А. Организация приема и рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях: лекция. М.: Академия МВД России, 1994.
17. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 1995. № 33. Ст. 3349.
18. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2013. № 9. Ст. 875.
19. Овсянников И.В. Проверка сообщения о преступлении: понятие и содержание // *Уголовный процесс*. 2007. № 7.
20. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2001. № 23. Ст. 2291.
21. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2011. № 7. Ст. 900.
22. Органы дознания и предварительного следствия системы МВД и их взаимодействие / Ю.Н. Белозеров [и др.]. М., 1973.

23. Рылков Д.В. Проверка сообщения о преступлении как самостоятельный процессуальный институт, относящийся к стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2008. № 1.
24. Савина Л.А. Организация и тактика предварительной проверки сообщений об экономических преступлениях. М.: Юрлитинформ, 2006.
25. Селина Е. Формы применения специальных познаний в уголовном процессе // Законность. 2002. № 5.
26. Смагин К.М. О правовых средствах проверки сообщений о преступлениях // Уголовное досудебное производство: проблемы теории и практики: мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. Омск: Омский юрид. ин-т, 2004.
27. Фролкин Н.П., Шульгин И.В. Возбуждение уголовного дела в российском уголовном процессе: монография. М.: МПИ ФСБ России, 2007.
28. Шадрин В.В., Шадрин К.В., Мусин Э.Ф. Ревизия по требованию правоохранительных органов при расследовании уголовных дел. М., 2004.
29. Шурухнов Н.Г. Обеспечение неразглашения данных предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлениях // Уголовно-процессуальное принуждение и ответственность, их место в решении задач предварительного расследования. Волгоград, 1987.
30. Шурухнов Н.Г. Предварительная проверка заявлений и сообщений о преступлениях. М., 1985.
31. Яни П. Доследственная проверка // Человек и закон. 1996. № 1.
32. Яшин В.Н., Победкин А.В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлении: учеб. пособие. М.: ЮИ МВД России, 2000.

УДК 343.1+342.51

СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Николай Николаевич Загвоздкин, начальник кафедры Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России
кандидат юридических наук

E-mail: zagvozdkin@bk.ru

В статье исследуются различные аспекты функционирования нового правоохранительного ведомства. Особое внимание уделено оценке эффективности его деятельности, достижениям, недостаткам, проблемам и перспективам развития. Автор приходит к выводам о неопределенности места и роли органов предварительного следствия в системе государственной власти России, об отсутствии перспективной уголовно-процессуальной модели досудебного производства, о необходимости разработки концепции реформы следственного аппарата.

Ключевые слова: досудебное производство; органы предварительного следствия; Следственный комитет; следователь.

THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Nikolai Nikolaevich Zagvozdkin, chair head of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia
kandidat nauk, degree in Law

The article examines various aspects of the new law enforcement Agency. Special attention is paid to the assessment of the effectiveness of its activities, achievements, shortcomings, challenges and per-spectives development. The author comes to the conclusions about the uncertainty of the role

and place of the preliminary investigation bodies in system of the government of Russia, the lack of a future criminal procedure of the model pre-trial proceedings, the need to develop the concept of reform of the investigative apparatus.

Keywords: pre-trial proceedings; preliminary investigation bodies; the Investigative Committee; the investigator.

Различные аспекты реформы следственного аппарата и взаимосвязанные с ней проблемы построения новой уголовно-процессуальной модели предварительного расследования в советский период и в современной России исследовали сотни ученых [14; 20], представителей всех ветвей государственной власти и практиков, однако споры об этом носят перманентный характер, периодически вспыхивая с новой силой.

Очередным поводом для обострения дискуссии послужило появление в 2007 г. Следственного комитета (далее – СК) сначала при прокуратуре РФ [24], а позднее (в 2010 г.) в качестве самостоятельного ведомства [22; 27].

Представляется логичным и целесообразным обозначить сначала позитивные тенденции в деятельности СК, затем – негативные, а также проблемы и перспективы развития нового ведомства.

В качестве положительных проявлений можно отметить следующие.

1. Создан вневедомственный следственный аппарат, который в перспективе может объединить всех российских следователей.

Считаем обоснованным мнение А.М. Багмета и Ю.А. Цветкова о том, что приоритеты СК, вытекающие из вневедомственного принципа организации, совпадают с его целевой функцией – расследованием уголовных дел, в то время как ведомственное следствие (прокурорское, МВД, ФСБ) в силу задач обеспечения приоритетов самого ведомства далеко не всегда отвечает предназначению следствия как разновидности социальной практики [1, с. 7].

В отличие от следователей органов внутренних дел и ФСБ, их коллеги в СК (как, впрочем, и их предшественники – следователи прокуратуры) не находятся ни в фактическом, ни в юридическом подчинении органов дознания.

Своеобразие современной российской государственно-правовой модели, исторически сложившейся под влиянием множества социальных потрясений конца XIX – начала XXI в., проявляется в том, что СК не имеет аналогов в дальнем зарубежье. В СНГ российский опыт создания СК использовали Беларусь* и Армения**.

2. Статистические данные свидетельствуют о ежегодном росте как количественных, так и качественных показателей следственной работы.

Так, в 2015 г. в производстве следователей СК находилось 235 965 уголовных дел, окончено 129 320 дел, в том числе 76 620 дел об особо тяжких и тяжких преступлениях, 13 966 дел о коррупционных преступлениях. Раскрываемость составляет: убийств – 91,5 % (в 2006 г., когда следствие было прокурорским, данный показатель составлял 82,5 %); умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – 91,4 % (в 2006 г. – 74,4 %); изнасилований – 96 % (в 2006 г. – 86 %)***.

За пять последних лет (2010–2015 гг.) направлены в суд уголовные дела в отношении 3 067 обвиняемых, обладающих особым статусом, среди них 20 судей, 76 прокуроров, 270 следователей ОВД, 52 следователя СК, 36 следователей ФСКН, 261 адвокат, 1 060 депутатов органов местного самоуправления, 1 017 глав муниципальных образований, 52 депутата законодательных органов субъектов РФ. Направлено в суд

* URL: <http://sk.gov.by/ru> (дата обращения: 20.05.2016).

** URL: <http://www.spyur.am/ru/companies/investigative-committee-of-the-republic-of-armenia/33610> (дата обращения: 20.05.2016).

*** URL: <http://sledcom.ru/press/interview/item/1007670/> (дата обращения: 20.05.2016).

408 уголовных дел о преступлениях террористической направленности, 1 029 дел о преступлениях экстремистского характера, 44 тыс. уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности (включая около 18 тыс. дел в отношении взяточдателей) [16].

Подавляющее большинство так называемых резонансных преступлений расследуется следователями СК. Необходимо признать очевидные успехи в борьбе с групповой, организованной, коррупционной, террористической и экстремистской преступностью, с преступлениями в сфере экономической деятельности (включая рейдерские захваты), с педофилами.

Однако СК расследует лишь 13 % от всего массива расследованных преступлений, а 76,8 % выпадает на долю следователей ОВД*.

3. Наблюдается последовательное расширение предметной и персональной подследственности (взятки; налоговые преступления; тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные несовершеннолетними и в отношении их).

4. Руководство СК (в отличие от других правоохранительных ведомств) активно и целенаправленно инициирует изменения в федеральном законодательстве, многие из которых уже закреплены в Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах РФ и существенно повлияли на эффективность противодействия преступности. Так, например, упрощен порядок возбуждения уголовных дел в отношении лиц с особым правовым статусом; значительно расширены возможности так называемой предварительной проверки сообщений о преступлениях в части производства следственных и процессуальных действий (ст. 144 УПК РФ); изменен порядок возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях.

Некоторые инициативы, например, о наделении СК полномочиями по ведению оперативно-розыскной деятельности, о создании финансовой полиции, о введении уголовной ответственности юридических лиц, о закреплении института объективной истины, вызвали неоднозначную реакцию в юридическом сообществе [17].

5. Служба в СК как разновидность федеральной государственной службы достаточно престижна, социальный статус и «пакет» (денежное довольствие, льготы, привилегии и др.) приближены к прокурорским и поэтому привлекательны для кандидатов. На сотрудников военных следственных органов распространяются денежное довольствие, льготы и привилегии военнослужащих (ч. 4 ст. 15 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» (далее – ФЗ «О СК РФ»).

6. Созданы ведомственные образовательные организации, среди которых базовой является Академия СК, реализующая более 20 образовательных программ высшего и дополнительного профессионального образования.

7. Предпринимаются энергичные меры по внедрению в следственную практику новейших достижений научно-технического прогресса, информационных технологий, передового отечественного и зарубежного опыта. Приобретены и активно используются беспилотные летательные аппараты для фото- и видеосъемки больших территорий и поиска без вести пропавших; комплексы оборудования и транспортной техники для поисковых работ в земле и под водой; портативные спектрометры для идентификации различных веществ; приборы для выявления невидимых следов рук; ДНК-лаборатории**.

В центральном аппарате СК действует Главное управление криминалистики, в управлениях по субъектам – отделы криминалистики, где предусмотрены должности следователей-криминалистов (п. 40¹ ст. 5 УПК РФ). Таким образом, появившаяся еще в советское время фигура прокурора-криминалиста получила дальнейшее развитие в виде следователя-криминалиста [11], хотя и вызвала оживленную дискуссию о его статусе [6].

* URL: <http://mvd.ru/folder/101762/item/7087734/> (дата обращения: 20.05.2016).

** URL: <http://sledcom.ru/press/interview/item/1007670/> (дата обращения: 20.05.2016).

Для занятий со следователями в учебных кабинетах криминалистики разработаны и используются учебно-методические комплексы «Виртуальный осмотр места происшествия», «Виртуальный обыск (выемка)», позволяющие воспроизвести все организационные, процессуальные и криминалистические аспекты указанных действий [7, с. 26–28].

8. Нельзя не отметить популярность и харизматичность бессменного Председателя СК А.И. Бастрыкина, сочетающего деятельного организатора следственной работы всероссийского масштаба, практика и ученого (доктор юридических наук, профессор), активно пропагандирующего и лоббирующего (в хорошем смысле этого слова) интересы ведомства в органах государственной власти, в средствах массовой информации, в том числе на официальном сайте СК.

В качестве негативных тенденций и проявлений обозначим следующие.

1. Неизбежные, имманентно присущие всякому ведомству бюрократические проявления.

В соответствии с п. 3 Указа Президента РФ от 14 января 2011 г. № 38 общая штатная численность СК включает 21 990 сотрудников, замещающих должности, по которым предусмотрено присвоение специальных званий (из них – 2 119 единиц в военных следственных органах), 270 единиц федеральных государственных гражданских служащих и 1 255 иных штатных единиц. В общее число входят 223 единицы должностей, по которым предусмотрено присвоение высших специальных званий [4].

Однако А.И. Бастрыкин называет другое число работающих (то есть занятых расследованием уголовных дел) следователей – 8 870 человек*. О том же свидетельствуют ежегодные статистические отчеты «Основные показатели работы органов предварительного следствия и дознания» [8, с. 67]. В связи с этим возникает закономерный вопрос: почему более половины аттестованных сотрудников заняты не профильной, а обеспечивающей (методической, кадровой, хозяйственной и другой) деятельностью? Помимо следственных должностей в СК предусмотрены должности помощников, инспекторов, специалистов, экспертов, ревизоров и другие, имеющие отдаленное отношение к расследованию уголовных дел (ч. 4 ст. 12 ФЗ «О СК РФ», п. 14 Указа Президента РФ «Вопросы деятельности СК РФ») [4; 21; 27].

Ю.П. Боруленков, анализируя различные аспекты деятельности СК, приводит притчу об эффективных менеджерах на примере российско-японского соревнования по гребле, в котором победила японская команда, так как в лодке было семеро гребцов и один рулевой, а в проигравшей российской – семеро рулевых и один гребец [3, с. 17–18].

Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Штат одного из сельских районных подразделений СК таков: руководитель следственного органа, его заместитель, следователь и водитель. На одного исполнителя – два начальника! Чем не иллюстрация к пословице: «Один с сошкой, а семеро с ложкой»?

Только в СК помощник следователя (секретарская должность) может дослужиться до специального звания старший лейтенант юстиции [21], получая денежное довольствие, сопоставимое с довольствием следователя ОВД. В МВД и ФСБ максимальное звание помощника – старший прапорщик юстиции.

2. Сотрудниками СК могут быть граждане РФ, получившие высшее юридическое образование по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе (ч. 1 ст. 16 ФЗ «О СК РФ»). В части 2 указанной статьи (в ред. ФЗ от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ [23]) предусмотрено, что на должности следователей районного звена в исключительных случаях могут назначаться граждане, обучающиеся по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе высшего образования по специальности или направлению подготовки в области юриспруденции не менее половины срока

* URL: <http://sledcom.ru/press/interview/item/1007670/> (дата обращения: 20.05.2016).

получения образования, установленного федеральным государственным образовательным стандартом, и не имеющие академической задолженности [27].

Если речь идет о студенте, учащемся по превалирующей в юридических вузах Министерства образования и науки РФ программе бакалавриата, то он может быть назначен на должность после второго года обучения. В прежней редакции ч. 2 ст. 16 ФЗ «О СК РФ» надо было закончить три курса.

На наш взгляд, такое занижение требований к образованию не представляется оправданным. Во-первых, в настоящее время только один из 50 выпускников-юристов может найти работу по специальности [13], что, на наш взгляд, позволяет вести качественный кадровый отбор. Во-вторых, даже в ОВД лица, занимающиеся расследованием уголовных дел (т.е. дознаватели и следователи), должны иметь высшее юридическое образование (ч. 3 ст. 9 ФЗ «О службе в ОВД РФ...») [28]. В-третьих, прокуратура повысила образовательный ценз до законченного высшего юридического образования даже для кандидатов на должность помощника прокурора (ст. 40¹ ФЗ «О прокуратуре РФ») [26].

3. Кадровую статистику СК (как, впрочем, и других правоохранительных ведомств) нельзя назвать открытой и доступной.

В 2013 г. более половины сотрудников СК (51,8 %) имели следственный стаж до трех лет*, что трудно назвать достижением, имея в виду сложность и общественную опасность расследуемых преступлений.

Следователи жалуются на высокие нагрузки, связанные с наличием в производстве не только уголовных дел, но и так называемых проверочных материалов; на ненормированный, сверхурочный режим труда не только в рабочие, но и в выходные дни.

Текущность кадров носит хронический характер. В 2007 г. она составляла 50 % [34, с. 21]. С одной стороны, случайные люди в таких условиях не задерживаются. С другой стороны, работа в запредельном режиме неизбежно изматывает психологически и физически, не способствует закреплению лучших специалистов.

Полагаем, что переток следователей из одного ведомства в другое объясняется, в частности, существенными различиями в их социальном статусе, денежном довольствии, условиях труда и т.п. [10, с. 34].

4. В систему СК входят наряду с другими экспертные подразделения (п. 11 Положения о СК РФ) [4], хотя в ст. 12 ФЗ «О СК РФ», названной «Система СК», они прямо не упомянуты. В части 3 данной статьи указано лишь на то, что могут создаваться иные организации, необходимые для обеспечения деятельности ведомства [27]. В Главном управлении криминалистики СК России предусмотрено Управление организации экспертно-криминалистической деятельности.

В 2012 г. полиграфологи СК (о существовании которых многие не знают) подготовили свыше 4 500 заключений специалиста и 1 100 заключений эксперта, в 2014 г. — около 7 500 заключений специалиста и 1 900 заключений эксперта. Ежегодно порядка 200 их заключений используется в совокупности с другими доказательствами при вынесении приговоров (в том числе оправдательных) по уголовным делам [19]. В 2014 г. экспертами СК проведено более 22 тыс. экспертиз, включая молекулярно-генотипические и психофизиологические [18].

Признавая очевидную необходимость перманентного и оперативного экспертно-криминалистического обеспечения расследования, не следует забывать о том, что эксперты и специалисты СК (равно как и их коллеги из МВД, ФСБ, ФТС и других ведомств) фактически и юридически находятся в служебной зависимости от стороны об-

* О состоянии преступности в РФ и результатах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за январь–декабрь 2013 г. // Материалы к расширенному заседанию коллегии СК РФ «Об итогах работы следственных органов СК РФ за 2013 г. и задачах на 2014 г.». URL: <http://sledcom.ru/> (дата обращения: 15.03.2015).

винения, что с формальной точки зрения является основанием для их отвода (п. 2 ч. 2 ст. 70, ч. 2 ст. 71 УПК РФ), для признания их заключений недопустимыми доказательствами (ст. 75 УПК РФ) [33, с. 21]. Пока прокуроры и судьи закрывают на эти обстоятельства глаза, но рано или поздно придется решать обозначенные проблемы, определять пути дальнейшего развития экспертной инфраструктуры, в том числе ее ведомственной принадлежности [11, с. 65].

После перечисления достижений и недостатков обозначим ряд проблем, наметившихся в функционировании СК, требующих, на наш взгляд, изучения и разрешения.

Современное состояние СК представляет собой лишь фрагмент в общей картине российских органов предварительного расследования. Решение вопросов о месте следственного аппарата в системе органов государственной власти, о перспективах его развития неотделимо от взаимосвязанных с ним вопросов об органах дознания, органах, осуществляющих ОРД, об уголовно-процессуальной модели предварительного расследования и др.

Ю.П. Боруленков признает, что нынешнее предварительное расследование громоздкое, негибкое, что назрела настоятельная необходимость его деформализации как в плоскости организации, так и с позиции теории доказательств, но предлагает начать эту работу в рамках сложившейся структуры следственных органов [3, с. 21].

Полностью соглашаясь с приведенной оценкой, отметим, что резервы деформализации досудебного производства в рамках сложившейся еще в советское время структуры и действующего уголовно-процессуального законодательства исчерпаны [12].

Ю.А. Цветков считает, что в современной России есть три стратегические альтернативы развития следственных органов: 1) единый СК; 2) многополярное предварительное следствие (в разных ведомствах либо судебные следователи); 3) полицейское расследование по американской модели, по окончании которого прокурор выдвигает обвинение в суде, а исследование доказательств происходит в судебном следствии [34, с. 18].

Полагаем, что формирование корпуса судебных следователей целесообразно рассматривать как отдельный, ведомственный вариант развития системы.

Ю.П. Боруленков полагает, что СК – единственный путь развития органов предварительного следствия, а направления модернизации уголовного судопроизводства называет устранение формализации (в том числе отказ от процедуры возбуждения уголовного дела), включение результатов гласной ОРД в доказывание, динамичность досудебного производства [2, с. 7].

К сожалению, ожидаемое следственным сообществом поэтапное присоединение к СК следователей других ведомств нормативно не закреплено и пока не реализовано. Население, научное сообщество, правоприменители не избалованы широким, гласным обсуждением социально значимых законодательных инициатив. Более того, в апреле 2016 г. в связи с упразднением Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков принято решение о передаче следователей Госнаркоконтроля (вместе с другими сотрудниками) в ОВД [30].

Многие исследователи считают, что объединение всех следователей под эгидой СК потребует значительных финансовых затрат. Полагаем, что эти опасения преувеличены. В новейшей российской истории есть примеры более масштабного реформирования в области государственного управления. Так, в 1998 г. уголовно-исполнительная система была передана из ведения МВД России в Министерство юстиции [25]. В 2001 г. была переведена из МВД в МЧС Государственная противопожарная служба [25]. При этом в сложной экономической обстановке происходили не только перевод сотен тысяч людей из одного ведомства в другое, но и передача центральных и территориальных органов, учреждений, предприятий, организаций с состоящим на их балансе имуществом. И по штатной численности, и по иным ресурсным составляющим уго-

ловно-исполнительная система и Государственная противопожарная служба (взятые в отдельности) многократно превосходят все следственные органы (взятые вместе).

Не менее актуален давний вопрос о том, кто является организатором раскрытия преступлений. В.Н. Карагодин считает, что раскрытие преступления является общей задачей следователя и органов, осуществляющих ОРД, которая должна решаться на основе продуктивного взаимодействия между ними, однако затем уточняет, что это справедливо лишь применительно к тяжким и особо тяжким преступлениям [15, с. 6].

Полагаем, что задачи раскрытия и расследования преступлений небольшой и средней тяжести можно возложить на органы дознания (ст. 40 УПК РФ) и органы, осуществляющие ОРД, что и подтверждает практика дознания в общем порядке и в сокращенной форме.

Отдельного обсуждения заслуживает появившийся одновременно с СК руководитель следственного органа (ст. 39 УПК РФ), получивший часть полномочий от прокурора и уже потому существенно отличающийся от своего предшественника – начальника следственного отдела. Если раньше следователь был фигурой, зависимой от прокурора, то сейчас – от руководителя следственного органа (далее – РСО). Хотя часть 3 ст. 39 УПК РФ наделяет следователя правом не выполнять письменные указания РСО по восьми важнейшим вопросам расследования и обжаловать их вышестоящему РСО, в практике такие случаи редки, так как даже принципиальные подчиненные не горят желанием вступать в конфликт с начальником. Кроме того, в отличие от прежней редакции, предусматривавшей обжалование указаний прокурора, в ст. 39 не прописаны действия и решения вышестоящего РСО [5].

Примечательно, что, в отличие от создателей УПК РФ, разработчики новых Уголовно-процессуальных кодексов Украины [32] и Казахстана [31] не только сохранили фигуру начальника следственного отдела, но и усилили роль и значение прокурора, наделив его полномочиями формулирования обвинения в конце расследования и изменения обвинения в любую сторону в судебных стадиях.

Не претендуя на исчерпывающий анализ многоаспектных проблем функционирования СК, изложим некоторые итоги.

1. Появление в системе отечественных органов власти Следственного комитета и фигуры руководителя следственного органа, не имеющих аналогов в дальнем зарубежье, является результатом противоречивого, непредсказуемого развития как следственного аппарата, так и уголовно-процессуального законодательства.

2. В функционировании СК обозначились как позитивные, так и негативные тенденции, заслуживающие внимания исследователей.

3. Для решения вопроса о месте следственного аппарата (в широком смысле – аппарата предварительного расследования) и его уголовно-процессуальной модели органами государственной власти должна быть разработана соответствующая концепция, в обсуждении которой должны принять участие все заинтересованные лица, включая следователей, дознавателей, оперативных сотрудников. Примером удачного опыта такого обсуждения можно назвать Федеральный закон «О полиции».

Литература

1. Багмет А.М., Цветков Ю.А. Раскрытие и расследование преступлений прошлых лет – приоритетный проект Следственного комитета Российской Федерации // Российский следователь. 2016. № 3.
2. Боруленков Ю.П. О некоторых вопросах реформирования органов уголовного преследования // Российский следователь. 2013. № 10.
3. Боруленков Ю.П. Призывы к ликвидации предварительного следствия не основаны на современных российских реалиях // Уголовное судопроизводство. 2016. № 1.
4. Вопросы деятельности Следственного комитета РФ (вместе с Положением о Следственном комитете РФ): указ Президента РФ от 14 января 2011 г. № 38 (в ред. от 31.12.2015) // Российская газета. 2011. 17 января.

5. Гаврилов Б.Я. Перераспределение процессуальных и надзорных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа: объективная необходимость или волюнтаризм в праве? // Вестник МВД России. 2010. № 1.

6. Глушков М.Р. К вопросу о процессуальном статусе следователя-криминалиста // Российский следователь. 2015. № 20.

7. Елинский В.И. Учебные кабинеты криминалистики следственных органов Следственного комитета Российской Федерации в 2013 г. (итоги, проблемы, меры по совершенствованию) // Российский следователь. 2014. № 14.

8. Загвоздкин Н.Н. К вопросу об эффективности деятельности Следственных комитетов при прокуратуре РФ и при МВД России // Влияние правовой доктрины на правоохранительную и правоприменительную деятельность: сб. мат-лов межвуз. конф. / под ред. С.А. Синенко. Владивосток: Принт-Восток, 2010.

9. Загвоздкин Н.Н. Криминалистическое обеспечение предварительного расследования в России и за рубежом: сравнение на примерах // III Криминалистические чтения: мат-лы III Криминалистических чтений, 20 ноября 2015 г. / под общ. ред. А.В. Верещагиной. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2015.

10. Загвоздкин Н.Н. Об оптимизации системы правоохранительных органов Российской Федерации и некоторых диспропорциях в ее развитии // Деятельность правоохранительных органов по обеспечению законности и правопорядка в Азиатско-Тихоокеанском регионе: проблемы и перспективы: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф., 14 мая 2015 г. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2015.

11. Загвоздкин Н.Н. О возмездности уголовного судопроизводства и некоторых проблемах возмещения процессуальных издержек // Вестник открытого юридического института. 2013. № 1(4).

12. Загвоздкин Н.Н. Предварительное расследование в современной России и за рубежом: в поисках оптимального варианта // Современные проблемы расследования преступлений: оптимальные пути их решения: сб. мат-лов межвуз. «круглого стола», 25 ноября 2011 г. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2012.

13. Ивойлова И. С места – в карьеру // Российская газета. 2016. 16 февраля.

14. Истина... И только истина. Пять бесед о судебной реформе / отв. ред. Ю.И. Стецовский. М.: Юрид. лит., 1990.

15. Карагодин В.Н. Следователь как руководитель процесса раскрытия преступления // Российский следователь. 2015. № 24.

16. Козлова Н. Обман валют // Российская газета. 2016. 15 января.

17. Козлова Н. ... С конфискацией имущества // Российская газета. 2014. 21 января.

18. Козлова Н. След, который не видим // Российская газета. 2015. 24 апреля.

19. Комиссарова Я.В. Основы полиграфологии: учебник для магистров. М.: Проспект, 2016. URL: <http://www.iauaj.net/node/2011> (дата обращения: 20.05.2016).

20. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / отв. за вып. Б.А. Золотухин. М.: Республика, 1992.

21. Об утверждении порядка присвоения специальных званий сотрудникам СК РФ до полковника юстиции включительно и перечня должностей, замещаемых сотрудниками СК РФ, и соответствующих им специальных званий до полковника юстиции включительно: приказ Следственного комитета РФ от 16 декабря 2015 г. № 116. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.05.2016).

22. О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия (в ред. от 05.04.2013): федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ // Российская газета. 2010. 30 декабря.

23. О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) РФ в связи с принятием Федерального закона «Об образовании в РФ» (в ред. от 21.07.2014): федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 158-ФЗ // Российская газета. 2013. 10 июля.

24. О внесении изменений в УПК РФ и Федеральный закон «О прокуратуре РФ» (в ред. от 22.12.2014): федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ // Российская газета. 2007. 8 июня.

25. О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел РФ в ведение Министерства юстиции РФ (в ред. от 08.05.2005): указ Президента РФ от 28 июля 1998 г. № 904 // Российская газета. 1998. 4 августа.
26. О прокуратуре Российской Федерации (в ред. от 03.07.2016): федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Российская газета. 1992. 18 февраля.
27. О Следственном комитете Российской Федерации (в ред. от 30.12.2015): федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ // Российская газета. 2010. 30 декабря.
28. О службе в органах внутренних дел РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ (в ред. от 05.10.2015): федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Российская газета. 2011. 7 декабря.
29. О совершенствовании государственного управления в области пожарной безопасности (в ред. от 08.05.2005): указ Президента РФ от 9 ноября 2001 г. № 1309 // Российская газета. 2001. 14 января.
30. О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции: указ Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 156 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 15. Ст. 2071.
31. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК. URL: <http://online.zakon.kz> (дата обращения: 29.10.2015).
32. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI. URL: <http://www.iauaj.net> (дата обращения: 29.10.2015).
33. Хмелева А.В. К вопросу о совершенствовании законодательства в области назначения и производства судебных экспертиз // Эксперт-криминалист. 2015. № 4.
34. Цветков Ю.А. Стратегия развития следственных органов // Российский следователь. 2013. № 10.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.233

СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ОТЯГЧАЮЩЕЕ НАКАЗАНИЕ

Елена Юрьевна Антонова, заведующий кафедрой Хабаровского государственного университета экономики и права
доктор юридических наук, доцент

E-mail: antonovy@yandex.ru

В статье исследуется эволюция норм, предусматривающих ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения. Констатируется, что в разные исторические периоды состояние опьянения лица, совершившего преступление, оценивалось законодателем по-разному: как нейтральное, как смягчающее либо как отягчающее наказание обстоятельство. Автор анализирует нормы современного уголовного законодательства об ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения.

Ключевые слова: субъект преступления; состояние опьянение; отягчающее обстоятельство; смягчающее обстоятельство; уголовная ответственность.

COMMITTING A CRIME IN A STATE OF INTOXICATION AS THE AGGRAVATING CIRCUMSTANCE

Elena Yurievna Antonova, chair head of the Khabarovsk State University of Economics and Law Doctor of Law, Associate Professor

The article examines the evolution of the rules providing for the perpetrators of the crime in a state of intoxication. It is stated that in different historical periods of intoxication condition of a person who committed a crime, the legislator assessed in different ways: neutral, mitigating or aggravating circumstance. The author analyzes the rules of modern criminal law on the perpetrators of the crime in a state of intoxication.

Keywords: the subject of the offense; state of intoxication; an aggravating circumstance; a mitigating circumstance; criminal responsibility.

Вопросы уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, всегда интересовали ученых и практиков. Поднимался этот вопрос и на законодательном уровне. При этом в разные исторические периоды состояние опьянения лица, совершившего преступление, оценивалось законодателем по-разному: как нейтральное, как смягчающее либо как отягчающее наказание обстоятельство.

Так, Русская Правда относала состояние опьянения преступника к смягчающим обстоятельствам [3, с. 47]. В это древнее время, как отмечал В.И. Сергеевич, пиры сопровождались неумеренным потреблением горячительных напитков. Разгоряченные вином, пирующие нередко вступали в драку, которая иногда заканчивалась смертью. Такое убийство влекло за собой более легкое наказание, чем за убийство в разбое (то есть убийство, совершенное с корыстной целью), потому что убийца не имел наме-

рения совершить убийства, а, будучи в возбужденном состоянии, подрался и нечаянно убил, неосторожно ударив [14, с. 256–257].

Соборным уложением 1649 г. состояние опьянения также рассматривалось как обстоятельство, уменьшающее вину. *«Убил пьяным делом, а не умышлением»*, – говорит Уложение. За убийство, совершенное в пьяном состоянии, предусматривалось наказание кнутом, а за убийство с умыслом – смертная казнь [14, с. 267].

В одном только случае Уложение приравнивало опьянение к умыслу, и то потому, что оно производится сознательно для бодрости при совершении преступления: *«А будет кто с похвалы, или с пьянства, или умыслом наскочет на чью жену, и лошадей ея стопчет, и повалит, и тем ея обесчестит или ея тем боем изувечит, и беременная будет жена от того его бою дитя родит мертво, а сама будет жива, а суда сыщется про то допряма, и тому, кто так учинит, за такое его дело учинити жестокое наказание, велеть его бити кнутом нещадно, да на нем же доправити той жене бесчестие и увечье вдвое, да его же вкинути в тюрьму на три месяца»* (ст. 17, гл. XXII) [8, с. 408].

В Артикуле воинском 1715 г. впервые опьянение признается обстоятельством, усиливающим ответственность: *«Когда кто пьян напьется, и в пьянстве своем что злаго учинит, тогда тот не токмо, чтоб в том извинением прощение получил, но по вине вящшею жестокостию наказан быть имеет»* (арт. 43). В толковании к этому артикулу указывалось: *«А особливо, ежели такое дело приключится, которое покаением одним отпущено быть не может, яко смертное убийство и сему подобное: ибо в таком случае пьянство никого не извиняет, понеже он в пьянстве уже непристойное дело учинил»* [13, с. 336].

Артикул 11 предусматривал ответственность офицеров, явившихся в пьяном виде на молитву. Если такое деяние совершалось впервые или повторно, офицер подвергался аресту, а в третий раз такого офицера на время отстраняли от службы и разжаловали в рядовые. *«А рядовой, который в таком же образе обрящется, имеет быть в железы пасажен»* (арт. 12) [13, с. 330].

Ученые XVIII – XIX вв. по-разному комментировали такое обстоятельство, как совершение преступления в состоянии опьянения.

Так, И.В. Лопухин считал, что основанием вменения уголовного деяния является свободная воля человека. Деяния, совершенные в «бреду, горячке, сумасшествии», а также в пьянстве, не могут быть вменены в вину человеку, так как они совершены не-свободно [16, с. 47].

По мнению П.И. Пестеля, поступки, совершенные в нетрезвом состоянии, «когда человек временно лишился своего рассудка и не знает, что делает», «истинно невольные», но поскольку «каждый знает последствия излишнего употребления горячих напитков, то и должно признавать виновным того, который в нетрезвом виде делает какое-нибудь преступление, тем более, что пьянство есть само собою порок и разврат» [16, с. 103–104].

Выдающийся русский мыслитель XVIII в. А.Н. Радищев считал, что преступление, совершенное в состоянии опьянения, – это особый вид преступного деяния и за него должно назначаться более мягкое наказание, чем за умышленное злостное преступление [16, с. 75].

В Уставе благочиния 1782 г. проводилось различие между умышленным и неумышленным совершением преступления в состоянии опьянения. В первом случае опьянение не принималось в расчет и преступник наказывался как трезвый; во втором – оно играло роль обстоятельства, смягчающего вину (ст. 256) [8, с. 408].

Статья 112 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. устанавливала следующие правила привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения: *«За преступление, учиненное в пьянстве, когда доказано, что виновный привел себя в сие состояние именно с намерением со-*

вершить сие преступление, определяется ... высшая мера наказания, за то преступление в законах положенного. Когда же, напротив, доказано, что подсудимый не имел сего намерения, то мера его наказания назначается по другим, сопровождающим преступление обстоятельствам» [8, с. 346].

В конце XIX – начале XX в. ученые также занимались анализом состояния опьянения. Как отмечал В.И. Сергеевич, «различают состояние полного и неполного опьянения. Под полным опьянением разумеется такое состояние, в котором напившийся совершенно теряет сознание о происходящем. Такое состояние признается невменяемым, ибо у человека отсутствует сознательная воля. При неполном опьянении человек хотя и находится в возбужденном и ненормальном состоянии, но не совершенно лишен сознания о происходящем. Преступное деяние, совершенное в таком состоянии, вменяется в вину, но наказывается слабее, чем преступление, совершенное в нормальном состоянии; неполное опьянение рассматривается как обстоятельство, смягчающее наказание. Но на этом анализ не останавливается. Различают еще, при каких условиях человек напился. Может быть, он дошел до состояния опьянения по незнанию свойств вина; а с другой стороны, он мог напиться и для бодрости, сознавая, что без возбуждения вином он не может совершить преступления. Относительно первого рода случаев нет сомнения, что преступление не должно влечь за собой наказания, если опьянение было полное. Что же касается случаев второго рода, то здесь ученые очень расходятся. Одни думают, что если человек напился для бодрости, то хотя бы он напился для полной потери сознания, он все-таки подлежит наказанию, потому что между состоянием его опьянения и его преступным действием есть причинная связь: он сделал то, что хотел. Другие, напротив, находят, что если человек и совершил преступление, то благодаря тому бессознательному состоянию, в которое он пришел по причине опьянения. С этой точки зрения состояние намеренного опьянения рассматривалось как обстоятельство, смягчающее наказание, ибо в трезвом виде человек не совершил бы преступления» [14, с. 266–267].

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. не затрагивали вопроса о влиянии опьянения на уголовную ответственность, но в ст. 14 приводилось развернутое понятие невменяемости: *«Суду и наказанию не подлежат лица, совершившие деяние в состоянии душевной болезни или вообще в таком состоянии, когда совершившие его не отдавали отчета в своих действиях, а равно и те, кто хотя и действовал в состоянии душевного равновесия, но к моменту приведения приговора в исполнение страдает душевной болезнью. К таковым лицам применяются лишь лечебные меры и меры предосторожности» [9, с. 156].* Вместе с тем, на основании ст. 11 Постановления СНК СССР от 19 декабря 1919 г. *«О запрещении в РСФСР без разрешения производства и продажи спирта, крепких напитков и неотносящихся к напиткам спиртосодержащих веществ»*, виновные в распитии незаконно приготовленных и незаконно полученных крепких напитков в публичных местах, во всякого рода заведениях, а также допустившие такое распитие и появившиеся в публичном месте в состоянии опьянения подвергались лишению свободы с принудительными работами на срок не менее одного года [2].

Анализируя формулировку понятия невменяемости, которое раскрывалось в ст. 14 Руководящих начал 1919 г., О.Д. Ситковская заключает, что она является менее удачной по сравнению с той, которая приводилась в Уголовном уложении 1903 г. Так, словосочетание *«не отдавали себе отчета»* менее конкретно, чем *«не могли понимать свойство и значение совершаемого»*; вообще отсутствует волевой элемент характеристики невменяемости *«невозможность руководить своими поступками»*. Термин *«душевное равновесие»* не вполне соответствует обозначаемому понятию. Наконец, определение детерминант невменяемости не раскрывало их природу [4, с. 127].

Видимо, в связи этим, по смыслу ст. 14 Руководящих начал, даже человек, не страдающий расстройством психической деятельности, мог быть признан невменяемым при

условии, если он в момент совершения общественно опасного деяния не отдавал отчета в своих действиях. Сюда подпадали случаи совершения деяния в состоянии *физиологического опьянения*, в состоянии сильного душевного волнения и т.д. [11, с. 38].

В УК РСФСР 1922 г. законодатель, раскрыв понятие невменяемости (ст. 17), специально оговорил, что *«действие настоящей статьи не распространяется на лиц, которые привели себя в состояние опьянения для совершения преступления»*.

Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г. не содержали особых указаний по поводу совершения преступления в состоянии опьянения. Но в 1925 г. правительство предприняло дополнительные меры по борьбе с пьянством. Одной из таких мер было введение Постановлением ЦИК и СНК СССР от 28 августа 1925 г. государственной монополии на производство и продажу спиртных напитков. При этом ведущее место в борьбе с пьянством и алкоголизмом отводилось культурно-воспитательным мерам в сочетании с административными и уголовно-правовыми мерами. Объектами профилактического воздействия были лица, появившиеся в пьяном виде в общественных местах, а также места торговли спиртными напитками и самогонварение. Эффективной мерой явилась организация принудительного лечения хронических алкоголиков и антиалкогольная пропаганда, а также профилактическая работа с лицами, злоупотребляющими алкоголем [5, с. 79–80].

УК РСФСР 1926 г. признавал лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, вменяемыми, о чем прямо указывалось в примечании к ст. 11, посвященной невменяемости.

Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г. в ст. 12 определяли, что лица, совершившие преступление в состоянии опьянения, не освобождаются от уголовной ответственности. Таким образом, закон признавал таких лиц вменяемыми. При этом в данном случае закон имел в виду совершение преступления в состоянии физиологического (простого) опьянения. Лишь в тех случаях, когда на почве опьянения возникает действительное расстройство душевной деятельности (белая горячка на почве хронического отравления алкоголем, патологическое опьянение на почве острого отравления алкоголем), лицо, совершившее в этом состоянии преступление, считалось действовавшим в состоянии невменяемости [7, с. 243].

Статья 12 УК РСФСР 1960 г. гласила: *«Лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, не освобождается от уголовной ответственности»*, а пункт 10 ст. 39 признавал совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения, обстоятельством, отягчающим ответственность. При этом суд был вправе в зависимости от характера преступления не признавать это обстоятельство отягчающим ответственность. Такое право давалось суду, например, в случае, если констатировалось отсутствие связи содеянного с состоянием опьянения, при случайном или под принуждением потреблении алкоголя и т.п., а также в случае доведения взрослым до состояния опьянения несовершеннолетнего [10, п. 19].

Кроме того, ст. 211¹ УК РСФСР предусматривалась уголовная ответственность за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, совершенное повторно в течение года. В 1992 г. указанная статья была исключена из уголовного законодательства.

Отметим, что совершение преступления в состоянии опьянения в советский период развития нашего государства относилось к наиболее часто учитываемым судами при назначении наказания (около 20 % от всех принимаемых во внимание отягчающих обстоятельств). Чаще всего ссылки на п. 10 ст. 39 УК РСФСР 1960 г. делались при квалификации хулиганских действий (80 % дел о хулиганстве, учиненном в нетрезвом состоянии), а также по делам о разбое и грабеже (63 %) [6].

В советский период времени вопросам уголовной ответственности лиц, совершающих преступления в состоянии опьянения, были посвящены и руководящие разъяснения Верховного Суда СССР.

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 октября 1972 г. № 9 «О судебной практике по делам о хулиганстве» говорилось: «Учитывая, что хулиганские действия в большинстве случаев совершаются на почве пьянства, судам при назначении наказания лицам, совершившим хулиганство в состоянии опьянения, ... надлежит обсуждать вопрос о признании этого факта обстоятельством, отягчающим ответственность. При постановлении приговора суды ... должны обсуждать вопрос о применении принудительного лечения к хулиганам, подлежащим лечению от алкоголизма».

Современное российское уголовное законодательство (УК РФ) первоначально не признавало состояние опьянения ни отягчающим, ни смягчающим наказанием обстоятельством, а Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ было исключено такое основание применения принудительных мер медицинского характера, как совершение преступления лицами, страдающими алкоголизмом и наркоманией.

В то же самое время распространенным является мнение о том, что состояние опьянения повышает общественную опасность совершенных лицом деяний, поскольку опьянение нарушает нормальную деятельность нервной системы человека и его головного мозга. Прежде всего, алкоголь расслабляет процессы торможения. Пьяный человек постепенно утрачивает функции самоконтроля. Негативные свойства характера и личности, присущие практически каждому человеку, сдерживаемые в нормальном состоянии, проявляются в состоянии опьянения: человек становится грубым, развязным, раздражительным. К тому же он нередко теряет правильную ориентацию в окружающей обстановке. При опьянении преступник, как правило, причиняет более существенный ущерб, чем в трезвом состоянии [1, с. 10]. Это подтверждается и некоторыми статистическими данными.

Так, по данным Главного информационно-аналитического центра МВД России (ГИАЦ МВД России), в 2006 г. в состоянии алкогольного опьянения было совершено 94 280 тяжких и особо тяжких преступлений (31 % от всех преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения), а в состоянии наркотического опьянения – 6 239 (58 % от всех преступлений, совершаемых в состоянии наркотического опьянения), в 2007 г. – 79 398 (30,3 %) и 6 422 (54,8 %), в 2008 г. – 67 317 (29 %) и 7 501 (58,4 %), в 2009 г. – 61 236 (28,6 %) и 8 570 (60,8 %), в 2010 г. – 61 800 (26 %) и 8 573 (57,8 %), в 2011 г. – 63 976 (24,3 %) и 10 284 (54,4 %), в 2012 г. – 70 444 (22,4 %) и 13 995 (54,3 %), в 2013 г. – 71 470 (21 %) и 14 398 (50,8 %), в 2014 г. – 70 121 (19,8 %) и 18 558 (56,1 %), в 2015 г. – 68 879 (17,2 %) и 18 662 (56,2 %) преступлений соответственно*.

Кроме того, статистические данные свидетельствуют о достаточно высоком проценте преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, более того, с 2010 г. отмечается их рост (рис.1).

* Состояние преступности – январь–декабрь 2006-2015 гг. // Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <http://mvd.ru>



Рис. 1. Количество зарегистрированных в Российской Федерации преступлений, а также выявленных преступлений, совершенных в состоянии алкогольного и наркотического опьянения в 2006–2015 гг. (по данным ГИАЦ МВД России)

Состояние алкогольного опьянения у лиц, совершающих преступления, встречается гораздо чаще, чем состояние наркотического опьянения (рис. 2).



Рис. 2. Количество выявленных преступлений, совершенных в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, а также лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного и наркотического состояния в 2006–2015 гг. (по данным ГИАЦ МВД России)

Указанные обстоятельства привели к тому, что законодатель постепенно стал ужесточать уголовную ответственность лиц, совершающих преступления в состоянии опьянения. Так, Федеральным законом от 13 февраля 2009 г. № 20-ФЗ «О внесении из-

менения в статью 264 Уголовного кодекса Российской Федерации» статья 264 УК РФ (Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств) была дополнена новым квалифицирующим (отягчающим) признаком – совершение деяния лицом, находящимся в состоянии опьянения (ч. 2, 4, 6).

Представляется, что усиление ответственности за совершение лишь отдельно взятого преступления в состоянии опьянения не решит всех существующих в этой сфере проблем. К тому же, в состоянии опьянения массово совершаются не только нарушения правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, но также убийства, причинение вреда здоровью различной степени тяжести, хулиганства и др. По логике же законодателя получилось, что только преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ, в случае его совершения в состоянии опьянения, обладает повышенной степенью общественной опасности, и поэтому наказание должно усиливаться. Вероятнее всего, в основу такого решения было положено то обстоятельство, что автомобиль и иное механическое транспортное средство само по себе являются источником повышенной опасности, а соответственно, допускаемые нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств создают опасность для многих людей. Но в связи с этим возникает вопрос, почему законодатель не добавил рассматриваемый квалифицирующий признак, например, в ст. 263 УК РФ (Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена) или ст. 350 УК РФ (Нарушение правил или эксплуатации машин) и некоторые другие нормы?

Возможно, для того чтобы исправить создавшуюся нелогичную ситуацию, Федеральным законом от 21 октября 2013 г. № 270-ФЗ законодатель дополнил ст. 63 УК РФ ч. 1.1 следующего содержания: «Судья (суд), назначающий наказание, в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного может признать отягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ».

Таким образом, законодатель с некоторыми коррективами вернулся к тем же правилам определения состояния опьянения как отягчающего обстоятельства, которые были регламентированы в УК РСФСР 1960 г. (п. 10 ст. 39).

Представляется, что при оценке степени общественной опасности преступлений, совершенных в состоянии опьянения, а равно при решении вопроса о признании такого состояния отягчающим обстоятельством необходимо учитывать следующие обстоятельства:

- каким образом лицо было приведено в данное состояние – по собственному волеизъявлению либо по принуждению. Полагаем, что если опьянение (алкогольное, наркотическое, токсическое, иное) явилось результатом физического принуждения (насильственное, против воли лица введение в организм соответствующих веществ, средств), то это может исключать уголовную ответственность (ст. 40 УК РФ) либо расцениваться как обстоятельство, смягчающее наказание (п. «е» ч. 1 ст. 61 УК РФ);

- степень и вид опьянения лица, совершающего преступление. Лишь в том случае, когда лицо находилось в состоянии физиологического опьянения, может ставиться вопрос о признании такого состояния в качестве отягчающего обстоятельства. Паталогическое опьянение – это временное психическое расстройство, которое исключает способность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и способность руководить своими действиями (бездействием). В таком состоянии лицо признается невменяемым, а соответственно, не подлежит уголовной ответственности;

- характер совершаемого преступления. В частности, нельзя расценивать состояние опьянения отягчающим обстоятельством в случаях, когда преступление по своему характеру не было связано с таким состоянием;

- влияние состояния опьянения на степень общественной опасности содеянного и личность виновного.

Кроме того, Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ Уголовный кодекс РФ дополнен ст. 264.1, регламентирующей ответственность за управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством *лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутому административному наказанию* за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения *либо имеющим судимость* за совершение преступления, предусмотренного ч. 2, 4 или 6 ст. 264 либо ст. 264.1 УК РФ.

Отметим, что в 2015 г. было зарегистрировано 41 030 преступлений, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ, и выявлено 27 859 лиц, его совершивших [12, с. 528].

Итак, объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, образуют альтернативно: а) деяние при наличии административной преюдиции (лицо управляет автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством в состоянии опьянения и при этом должно быть подвергнуто административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения); б) деяние при наличии судимости (лицо управляет автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством в состоянии опьянения и имеет судимость за преступления, предусмотренные ч. 2, 4, 6 ст. 264 или ст. 264.1 УК РФ).

Установление административной преюдиции в данном составе преступления представляется некорректной. Согласимся с мнением ученых о том, что решение законодателя в этой части содержит серьезный методологический изъян, поскольку «повторное совершение административного проступка не превращает его волшебным образом в преступление: количество и качество общественной опасности в повторно совершаемых проступках не достигает того уровня, который позволяет признавать их преступными и уголовно наказуемыми деяниями» [4].

В случае, когда состав данного преступления образует наличие судимости, говорить о рецидиве преступлений не приходится, поскольку субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, характеризуется неосторожной формой вины, а, как известно, рецидивом преступлений признается совершение *умышленного* преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное *умышленное* преступление (ч. 1 ст. 18 УК РФ).

Введением данной нормы законодатель демонстрирует свою беспомощность в противодействии деяниям, связанным с управлением механическим транспортным средством лицами, находящимися в состоянии опьянения.

К тому же анализ данных, приведенных на рис. 1 и 2, показывает рост преступлений, совершаемых в состоянии опьянения. Так, в 2006 г. в состоянии опьянения (алкогольного и наркотического) было совершено 8 % от всех зарегистрированных преступлений, в 2007 г. – 7,64 %, в 2008 г. – 7,62 %, в 2009 г. – 7,62 %, в 2010 г. – 9,9 %, в 2011 г. – 11,7 %, в 2012 г. – 14,9 %, в 2013 г. – 16,7 %, в 2014 г. – 17,6 %, в 2015 г. – 18,2 %. Таким образом, прирост преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, в 2015 г. по отношению к 2006 г. составил 32,7 %, а прирост преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения за этот же период, – 208,5 %.

Таким образом, можно заключить, что уголовно-правовые меры, предпринимаемые государством в сфере противодействия преступлениям, совершаемым в состоянии опьянения, не являются эффективными. Представляется, что одних уголовно-правовых средств не достаточно в таком противостоянии. Необходимо поднимать в первую очередь культурный и экономический уровень населения.

Литература

1. Агильдин В.В. Уголовная ответственность за преступления, совершенные в состоянии опьянения // Криминологический журнал БГУЭП. 2010. № 3 (13).
2. Декреты Советской власти. Т. VII. 10 дек. 1919 – 31 марта 1920 г. М.: Политиздат, 1975.
3. Исаев И.А. История государства и права России: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002.
4. Коробеев А.И. Криминализация управления транспортным средством в состоянии опьянения: назад в будущее? // Современные проблемы уголовной политики: мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф., 25 сентября 2015 г.: в 2 т. / под ред. А. В. Симоненко. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2015. Т. 1.
5. Костюк Н.М. Правовая оценка состояния опьянения при нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (статья 264 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 11 (302). Право. Вып. 36.
6. Кругликов Л.Л. Учет состояния опьянения при назначении наказания // Уголовный процесс. 2006. № 9.
7. Курс советского уголовного права: в 6 т. Часть Общая. Т. 2. Преступление. М., 1970.
8. Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.) / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2004.
9. Мишунин П.Г. Очерки по истории советского уголовного права 1917–1918 гг. М.: Юрид. лит., 1954.
10. О практике применения судами законодательства, направленного на усиление борьбы с пьянством и алкоголизмом: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 1 ноября 1985 г. № 15.
11. Орлов В.С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. М.: Юрид. лит., 1958.
12. Преступность, уголовная политика, закон / под ред. А.И. Долговой. М.: Рос. криминолог. ассоц., 2016.
13. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1986.
14. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2004.
15. Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. М., 1998.
16. Солодкин И.И. Очерки по истории русского уголовного права (первая четверть XIX в.). Л., 1961.

УДК 343.9

О НАСИЛИИ, ЕГО ВИДАХ И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ ОТРАЖЕНИИ

Александр Николаевич Игнатов, профессор кафедры Крымского филиала Краснодарского университета МВД России доктор юридических наук, старший научный сотрудник

E-mail: aleksandrignatov@mail.ru

В статье констатируется, что, несмотря на то, что насилие является способом совершения весьма значительного количества преступлений, закрепление в уголовном законодательстве понятия насилия и его видов отсутствует. Автор приходит к выводу, что отсутствие уголовно-правовой оценки психического насилия как отдельного вида насилия связано в немалой степени с тем, что законодатель и судебно-следственная практика сегодня исходят из судебно-медицинского экспертного подхода к пониманию вреда, причиняемого человеку вследствие насильственного воздействия на него.

Ключевые слова: насилие; физическое насилие; психическое насилие; преступление; уголовное законодательство.

ON VIOLENCE, ITS TYPES AND THEIR CRIMINAL-LEGAL PRESENTATION

Aleksandr Nikolayevich Ignatov, chair professor of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia Doctor of Law, Senior Researcher

In the article states that despite of the fact that violence is a modus operandi for great amount of offences, criminal legislature lacks definition of violence and its types. The author concludes that deficiency in criminal legal evaluation of psychical violence as a separate type of violence is stipulated by legislative, court and investigative practice proceeding from court-medical expert approach to the conception of damage caused to a person by a violent influence.

Keywords: violence; physical violence; psychical violence; offence; criminal legislature.

Насилие существовало всегда. Каждому обществу на определенном этапе его развития соответствуют определенный уровень и формы проявления насилия. Другими словами, насилие имеет глубинную антропологическую природу: изменяясь на протяжении эпох, насилие не уходит из человеческой жизни, изменяются лишь формы и способы его актуализации. В процессе культурно-исторической эволюции человечества изменяется понимание сущности феномена насилия и подходы к его осмыслению. Рефлексия социумом насилия как такового происходит только при условии противоправности (недозволенности, запрещенности) такого насилия.

Исходя из сущности насилия и его внешних проявлений, можно выделить два вида насилия: физическое (энергетическое) и психическое (информационное) [7]. Такой подход объясняется прежде всего предметом воздействия. Предмет насильственного воздействия – человек.

Человек как живая система представляет собой единство двух взаимодействующих, но качественно различных подструктур – надбиологической, которая обеспечивает ее социальную сущность, и биологической, которая является предпосылкой его социального существования [2, с. 18], то есть представляет собой неразрывное единство физического и духовного, биологического и социального.

Существование человека представлено прежде всего функционированием и развитием живого организма высшего порядка. В этом состоит биологическая сущность человека. Организм является биологической основой человека, которая составляет его материальную организацию. Причинение физического вреда другому человеку достигается именно с помощью насильственного воздействия на его организм. Однако жизнь человека не сводится к биологической стороне ее существования, но и невозможна вне ее. Как живой организм человек является природным существом, который подчиняется биологическим закономерностям и имеет особый элемент – психику (понятие которой охватывает весь спектр психических явлений: сознание и бессознательное, волю, эмоции, психические состояния и т.д.). Психика хотя и представляет собой одну из важных функций человеческого организма, но не является физиологической. Факт возможности психически воздействовать на человека на определенном расстоянии доказывает, что границы индивида не ограничиваются физическими размерами его тела, а включают в свою сферу также психические явления, которые предметом физического насилия быть не могут, следовательно, психика является предметом психического насилия [13, с. 67].

Физическое (энергетическое) насилие. Организм как биологический субстрат человека состоит из отдельных частных структур – органов, тканей и тканевых элементов, объединенных в единое целое. Орган (более или менее обособленная часть биологической системы, имеющая самостоятельное функциональное значение в организме) и ткань (совокупность клеток и межклеточного вещества, объединенная единством происхождения и функций) являются наиболее общими элементами структуры организма человека и составляют самостоятельный уровень организации живой материи [8, с. 6]. Таким образом, предметом воздействия при физическом насилии являются структурные элементы организма человека (органы и ткани, их физиологические функции).

С внешней стороны физическое насилие представляет собой энергетическое воздействие на органы и ткани (их физиологические функции). Посягательство на жизненные свойства или функции организма человека заключается в энергетическом воздействии на обмен веществ и энергии организма с окружающей средой и внутри самого организма, на движение, контрольно-регуляторную функцию и на другие физиологические функции. При энергетическом воздействии процесс вредных изменений в предмете воздействия носит чисто материальный характер и связан с переносом физической энергии (механической, химической, тепловой, ядерной и др.).

Энергетическое воздействие возможно путем использования материальных факторов внешней среды – механических, физических, химических, биологических [16, с. 14, 112, 138]. В зависимости от этого энергетическое воздействие может быть классифицировано на механическое (включая причинение физического вреда в результате действия кинетической энергии какого-либо предмета), физическое (включая воздействие высоких и низких температур, повреждения электрическим током, действия различными видами лучистой энергии, повышенного и пониженного барометрического давления), химическое (путем использования различных ядовитых и сильнодействующих веществ в жидком, твердом или газообразном состоянии) и биологическое (заражение разного рода патогенными микробами, бактериальными токсинами, которые вызывают болезненные состояния организма) [17, с. 37–45]. Действие указанных факторов возможно посредством воздействия на внешние покровы организма или внутренние органы (их функции).

Психическое (информационное) насилие. Психика как особое качество, присущее человеку, основанное на высшей нервной деятельности, выражается в способности внутреннего отражения действительности в ощущениях, восприятиях, чувствах, мышлении и свободе. Являясь продуктом жизнедеятельности субъекта, психика выполняет функцию ориентации, управления ею. Высшей степенью развития психики является человеческое сознание. Учитывая то, что одним из основных теоретических принципов психологии является признание обусловленности психических явлений материальной

действительностью [4, с. 44], осуществление психического воздействия возможно с помощью различных факторов внешней среды, что составляет содержание психического насилия.

Поскольку человек связан с окружающей средой многочисленными информационными связями, которые в основном устанавливаются на уровне подсознания человека, главным элементом психического насилия может считаться информация.

Способ воздействия на психику с помощью информации обычно заключается в передаче сигнальной и значимой для адресата информации, способной повлиять на его психическое состояние или психические процессы [13, с. 50]. Указанный способ выражается в виде информационного процесса – полного цикла переработки информации, включая трансляцию, восприятие, преобразование и сохранение сигналов [3, с. 96–108]. Преступное насилие нередко осуществляется информационным путем с помощью открытого и «закодированного» сигналов. В последнем случае сигнал, минуя сознание, оказывает непосредственное воздействие на подсознание, чувства, через воображение, создавая нужные субъекту преступления психические образы, которыми в дальнейшем руководствуется в своем поведении объект воздействия [13, с. 70]. Передача информации может осуществляться вербальным и невербальным путем, то есть осуществление передачи соответствующей информации возможно как в словесной форме (через форму – ссора, крик и др. и через содержание – угроза, ругань и др.), так и в форме открытого и имплицитного (скрытого) поведения (движения и позы тела, жесты, мимические выражения, постоянное повторение моделей поведения). Кроме того, осуществление насильственного воздействия на психику человека возможно с помощью образов (тексты, телеинформация, слайд-шоу), языка цифр, звукового воздействия, сигналов, запахов, гипноза и т.п.

В связи с тем, что человек представляет собой единство двух взаимодействующих подструктур – биологической и надбиологической (психики), то как физическое насилие над человеком может иметь последствия в виде причинения ему психических травм, так и в результате воздействия на психику человека возможно нарушение физиологических функций организма и даже смерть человека. Например, такие физические насильственные действия, как введение в кору головного мозга соответствующих химических веществ, электронная стимуляция мозга, могут крайне негативно повлиять на психику человека. Причинение психической травмы возможно также через физическое воздействие непосредственно на тело человека (пытки и т.д.).

На физиологическом уровне причинно-следственная связь между психической травмой и функциональными расстройствами органов и тканей является установленным фактом. В результате психической травмы могут развиваться параличи, треморы, судорожные припадки, расстройства слуха и речи, ряд других расстройств аналогичного характера. Сильный испуг может вызвать внезапную остановку болезненно измененного сердца и смерть. При продолжительном воздействии психотравмирующей ситуации может наступить даже стадия полного истощения тканей, что способно привести к необратимым последствиям для организма [14, с. 52].

Уголовно-правовое отражение насилия и его видов осуществляется посредством криминализации различного рода насильственных деяний и конструирования соответствующих составов преступлений в уголовном законодательстве.

Специфическим интегрирующим признаком, который служит критерием отнесения уголовно наказуемых деяний к категории насильственных преступлений, является насилие как способ совершения преступления. Именно насильственный способ совершения преступления определяет характер и степень общественной опасности деяния, специфику личности преступника, характер и размер наказания.

Любое преступление имеет внешнее выражение, и нет ни одного преступления без свойственного ему способа его совершения, который представляет собой форму проявления преступного деяния и, соответственно, тесно связан с последствием [1, с. 182]. Способ

присущ любому волевому поведению человека, поэтому имманентен преступлению как явлению реальной действительности. Он имеется всегда, независимо от того, указан в законе или нет [12, с. 6–7]. В теории уголовного права под способом совершения преступления понимается форма проявления преступного действия или бездействия (метод, прием или совокупность средств, используемых для совершения преступления) [15, с. 105]. Закрепление того или иного насильственного деяния в Уголовном кодексе дает возможность разграничивать уголовное насилие от легитимного воздействия (воспитательное принуждение, законное наказание, причинение вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, и т.п.) и других непреступных делинквентных форм насилия.

С учетом рассмотренных выше сущности и видов насилия под насилием как способом совершения преступления, на наш взгляд, следует понимать умышленное противоправное энергетическое воздействие на органы и ткани организма человека, их физиологические функции путем использования материальных факторов внешней среды (механических, физических, химических и биологических) и/или воздействие на его психику путем информационного влияния, которое совершается путем действия или бездействия вопреки или помимо его (человека) воли, способное причинить смерть, физическую и/или психическую травму, а также ограничить свободу волеизъявления или действий человека [6].

Как физическое, так и психическое насильственное воздействие могут осуществляться человеком: а) непосредственно – путем личного контакта (используя возможности своего организма – физические или психические). Человек может использовать как мышечную силу своего тела (например, нанесение ударов, сдавливание шеи и т.п.), так и различные механизмы, приспособления, иные средства для усиления мышечной силы тела (например, удар ножом или выстрел оружия и т.п.); б) опосредованно – используя поведение другого человека, который не является субъектом преступления, других живых существ; в) путем опосредствованного выполнения – с помощью осознанного и целенаправленного использования различных процессов и явлений внешнего мира.

Что касается конкретных возможных путей реализации акта криминального (уголовного) насилия, т.е. методов, последовательности движений и приемов или совокупности средств, которые используются для его совершения, то наиболее типовыми формами реализации насильственного способа совершения преступления являются следующие:

- *различного рода повреждения* (в виде причинения вреда здоровью путем нарушения анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека) – наиболее распространенный способ совершения насильственных преступлений;

- *побои* – не являются особым видом повреждений и характеризуются причинением многократных ударов;

- *мучение* (причинение мук) – совершение продолжительных по времени и непрерывных в своей содержательной совокупности умышленных действий, лишаящих пострадавшего необходимых естественных условий его жизнедеятельности (пищи, питья, тепла и т.п.), или оставление его во вредных для здоровья условиях и т.п., в силу чего причиняется физическая боль;

- *истязание* – многократное и/или продолжительное причинение боли: щипание, дергание, нанесение многочисленных, но мелких повреждений тупыми или остроколющими предметами, действие термических факторов и иные аналогичные действия. Следует отметить, что, в отличие от побоев, при которых виновным лицом используются механические факторы внешней среды (действие кинетической энергии какого-нибудь предмета), мучение и истязание могут осуществляться с использованием действия физических факторов внешней среды (действие высоких или низких температур, повышенного и сниженного барометрического давления, повреждение электрическим током, воздействие различными видами лучевой энергии и т.п.);

- *пытки* – насильственные действия, имеющие характер побоев, истязаний или мучений, способ совершения которых характеризуется большей продолжительностью во времени и/или изошренным соединением указанных форм физического насилия между собой и/или с разными формами психического воздействия на потерпевшего;

- *издевательство* – циничное унижение достоинства и чести пострадавшего;

- *глумление* – представляет собой наиболее острую (тяжелую) форму издевательства, которое характеризуется исключительным цинизмом совершенных действий.

Также типичными формами реализации акта незаконного насилия являются различного рода *угрозы* (убийством, применением физической силы, лишением свободы, привлечением к уголовной ответственности, распространением различных сведений, повреждением или уничтожением имущества, поджогом, лишением материального обеспечения и т.п.).

Относительно уголовно-правовой оценки насилия следует полностью согласиться с мнением А.Э. Жалинского, что оценивать опасность насилия необходимо, как минимум, по двум направлениям: по его содержанию, выделяя конкретные формы, интенсивность, механизмы; по его последствиям, выявляя цель, для достижения которой насилие используется как способ [5, с. 112]. Однако подход законодателя к выделению и закреплению видов насилия и различных форм его проявления далеко не совершенен, а легального определения самого понятия насилия до сих пор нет.

В то же время насилие является способом совершения весьма значительного количества преступлений, предусмотренных УК РФ: либо уголовный закон содержит прямое указание на насильственный способ совершения преступления (когда именно определенный способ совершения придает деянию характер общественно опасного или позволяет отмежевать его от других деяний), либо понимание такого способа совершения преступления вытекает из содержания самой уголовно-правовой нормы (при возможности совершения преступления различными способами и т.п.). Насильственный способ совершения преступления является условием дифференциации уголовной ответственности, в том числе в пределах одного и того же состава преступления.

При этом законодатель при конструировании насильственных составов как прямо применяет термин «насилие», «физическое насилие», «насильственные действия», так употребляет и другие общие термины («угроза», «жестокое обращение», «унижение человеческого достоинства», «нанесение побоев», «пытки», «понууждение», «принуждение», «истязание», «нападение», «издевательство», «садизм», «особая жестокость», «мучение», «терроризирование» и др.), а также термины, характеризующие последствия преступного деяния («причинение смерти», «причинение вреда здоровью», «причинение физической боли», «причинение физических страданий», «причинение психических страданий», «причинение нравственных страданий» и др.). Кроме того, для выражения насильственного способа совершения преступления законодатель при формулировании диспозиции соответствующих норм использует словосочетания: «путем ...», «... способом», «с использованием ...», «сопряженное с ...», «имеют характер ...», «с применением ...», «сопровожаемое ...» и т.п. Однако, используя понятие «насилие», законодатель не дает его толкования, а другие указанные понятия довольно часто применяет непоследовательно, допуская разное их толкование или раскрывая содержание одного понятия через другие, не поясняя при этом содержания последних. Типичный пример такой законодательной «техники» – статья 116 УК РФ, в которой «побои», согласно ч. 1, определены законодателем как «нанесение побоев или совершение иных насильственных действий (курсив наш – А.И.), причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 настоящего Кодекса, в отношении близких лиц, а равно из хулиганских побуждений, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы».

Отдельной проблемой является то, что законодатель игнорирует необходимость закрепления в уголовном законе наряду с физическим насилием и психического насилия, вместо указания на которое в тексте закона упорно использует словосочетание «угроза его (насилия – *А.И.*) применения».

При этом невозможность игнорировать существование психического «информационного» воздействия на человека, т.е. психического насилия как вида насилия наряду с физическим и, соответственно, способа совершения насильственных преступлений, законодатель вынужден компенсировать употреблением при формулировании диспозиций соответствующих составов преступлений различных, порой противоречивых, а иногда откровенно каламбурных формулировок. Например, «... путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего» (ст. 110 УК РФ), «причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями ...» и тут же «... причинение физических или нравственных страданий ...» (ст. 117 УК РФ), «... соединенное с применением насилия, издевательств или пытки» (ст. 302 УК РФ), «... связанное с унижением чести и достоинства или издевательством над потерпевшим либо сопряженное с насилием» (ст. 335 УК РФ) и пр.

Отметим, что такой подход к уголовно-правовой оценке психического насилия как отдельного вида насилия связан в немалой степени с тем, что законодатель и судебно-следственная практика сегодня исходят из медицинского (точнее, сугубо судмедэкспертного) подхода к пониманию жизни и здоровья человека, соответственно и вреда, причиняемого вследствие насильственного воздействия на него.

Так, в частности, статья 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», дает следующее его определение: «здоровье – состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма» [9]. Таким образом, исходя из данного определения, отечественное законодательство в сфере охраны здоровья под возможным вредом здоровью предусматривает нарушение физического, психического и социального благополучия человека при (вследствие) заболевании либо расстройстве функций органов и (или) систем организма.

В Правилах определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека [11], «под вредом, причиненным здоровью человека, понимается нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психических факторов внешней среды». В Медицинских критериях определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека [10], которые используются при производстве судебно-медицинской экспертизы в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве, указывается, что «под вредом, причиненным здоровью человека, понимается нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психогенных факторов внешней среды».

Как можем видеть, в указанных нормативных актах при формулировании понятия вреда здоровью (несмотря на любопытное расхождение в формулировке «психических» и «психогенных» факторов воздействия), в сравнении с положениями базового закона (ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»), наблюдается существенное сужение понимания вреда здоровью посредством сведения его к вреду, причиняемому физическому и лишь отчасти психическому благополучию человека. Относительно психического благополучия следует отметить, что, исходя из содержания данных нормативных актов, вред здоровью, причиняемый посредством воздействия психических факторов внешней среды, сводится опять же к сугубо физическому благополучию, поскольку может влечь за собой либо нарушение анатомической це-

лостности, либо физиологической функции органов и тканей человека. Указание же, содержащееся в базовом законе, на заболевания (в том числе психические) либо на расстройства функций систем организма (в том числе центральной нервной системы) в данных нормативных актах отсутствует. Таким образом, исходящий из рассмотренного выше нормативного судебно-медицинского экспертного подхода уголовно-правовой подход к пониманию насильственного воздействия на человека и его последствиям ограничен лишь восприятием потенциального вреда анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека.

Как представляется, закрепление в уголовном законодательстве понятия насилия и его видов (физическое (энергетическое) и психическое (информационное), а также содержания соответствующих смежных понятий позволит значительно усовершенствовать законодательную технику и архитектуру соответствующих составов преступлений и, соответственно, избежать ошибок при уголовно-правовой оценке насильственных деяний.

Литература

1. Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М.: Юрид. лит., 1963.
2. Дубинин Н.П. Что такое человек? М.: Мысль, 1983.
3. Дубровский Д.И. Информация, сознание, мозг. Киев: Высш. школа, 1980.
4. Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии: учебник для вузов. М., 1996.
5. Жалинский А.Э. Насильственная преступность и уголовная политика // Советское государство и право. 1991. № 3.
6. Игнатов А.Н. Насилие как способ совершения преступления: понятие и сущность // Форум права. 2010. № 3.
7. Игнатов А.Н. Уголовное насилие: отдельные вопросы // Право Украины. 2005. № 3.
8. Морфология человека: учеб. пособие / В.Г. Властовский [и др.]; под ред. Б.А. Никитюка, В.П. Чтецова. М.: Изд-во МГУ, 1983.
9. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 03.07.2016). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: приказ Минздравсоцразвития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н (в ред. от 18.01.2012). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: постановление Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522 (в ред. от 17.11.2011). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. Панов Н.И. Основные проблемы способа совершения преступления в советском уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1987.
13. Петин И.А. Механизм преступного насилия. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.
14. Сердюк Л.В. О понятии насилия в уголовном праве // Уголовное право. 2004. № 1.
15. Совершенствование мер борьбы с преступностью в условиях научно-технической революции / И.С. Горелик [и др.]; отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1980.
16. Судебная медицина: учебник для вузов / Л.О. Барсегянц [и др.]; под общ. ред. В.В. Томилина. М.: ИНФРА-М: Норма, 1996.
17. Шарипов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001.

УДК 343.2/7

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РОССИИ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Константин Александрович Волков, судья Хабаровского краевого суда, профессор кафедры Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия кандидат юридических наук, доцент

E-mail: volkovka@mail.ru

В статье дается исторический и правовой анализ развития российской уголовной политики за последние двадцать лет. Рассматриваются основные достижения действующего уголовного закона, а также высказываются идеи о перспективах его дальнейшего развития. На основе анализа действующего законодательства, статистики и судебной практики выявляются основные недостатки уголовно-правовой политики, предлагаются конкретные пути их решения.

Ключевые слова: Уголовный кодекс РФ; уголовно-правовая политика; недостатки уголовного закона; правовые позиции Конституционного Суда РФ; перспективы развития уголовного закона.

TWENTY YEARS CRIMINAL CODE OF RUSSIA: RESULTS AND PROSPECTS

Konstantin Aleksandrovich Volkov, a judge of the Khabarovsk regional court, chair professor of the Far Eastern branch of the Russian State University of justice *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

The article provides historical and legal analysis of development of Russian criminal policy in the last twenty years. The article contains discussion of the main achievements of the current criminal law, as well as ideas about the prospects of its further development. Basing on the analysis of modern legislation, statistics and court practice the author identifies the main shortcomings of penal policy, proposes specific solutions to them.

Keywords: Criminal code RF; criminal-legal policy; the shortcomings of the criminal law; the legal position of the constitutional Court of the Russian Federation; prospects of development of the criminal law.

24 мая 2016 г. российская правовая наука отметила 20 лет с момента принятия Государственной Думой РФ Уголовного кодекса Российской Федерации. Для российской «конституции» в области уголовной политики 20 лет – возраст юношеский, и говорить о полноценной оценке его эффективности, наверное, еще рано. Вместе с тем определенные предварительные заключения об итогах действующего уголовного закона можно сделать уже сейчас.

Причиной разработки в середине 90-х гг. прошлого столетия нового уголовного закона стали закономерные процессы, связанные с изменениями социально-экономических отношений, политического режима, качественных и количественных показателей преступности в стране, с изменениями в позитивном смежном законодательстве. Кроме того, необходимо было привести действовавшее на тот момент уголовное законодательство в соответствие с международным обязательством России в области борьбы с наиболее опасными формами проявления преступности (терроризм, организованная преступность, коррупция и т. д.). По мнению Э.Ф. Побегайло, принятие нового УК РФ представляло собой серьезное достижение российской науки уголовного права и современного законодательства [9, с. 2].

Оценивая достижения УК РФ 1996 г. сквозь призму двух десятилетий, можно отметить, что его появление позволило решить многие задачи, поставленные перед разработчиками. В частности, произошла переоценка приоритетов уголовно-правовой охраны, впервые определены принципы уголовного права, по-новому сформулированы задачи уголовного закона, расширены и получили новую регламентацию многие институты уголовного права (обстоятельства, исключаящие преступность деяния, освобождение от уголовной ответственности и наказания и т.п.), проведена криминализация и декриминализация общественно опасных деяний с учетом новой криминогенной ситуации. В рекомендациях по результатам парламентских слушаний «Уголовный кодекс Российской Федерации – пять лет спустя: проблемы и перспективы совершенствования норм уголовного законодательства», утвержденных Постановлением Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 23 апреля 2002 г. № 206, отмечалось, что УК РФ в целом адекватно отражает потребности уголовно-правового регулирования качественно новых общественных отношений в Российской Федерации и соответствует мировым стандартам.

Вместе с тем критический анализ действующего двадцать лет уголовного закона приводит нас к убеждению, что говорить о достижении адекватности уголовно-правового регулирования преждевременно. На наш взгляд, главным достоинством УК РФ 1996 г. стало приведение его норм в соответствие с современными реалиями жизни в России, что прежде всего выразилось в усилении охраны социально-экономических и политических интересов новой элиты российского общества. Причем данный процесс произошел не в момент принятия нового УК РФ, а путем поэтапного внесения соответствующих изменений и дополнений в его содержание. Например, Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ» [7] было внесено изменение в содержание 257 статей уголовного закона, из них 36 статей в Общей части УК РФ и 221 статья в Особой части УК РФ. Нельзя отказать в справедливости тем авторам, которые в этом вопросе более категоричны и называют ситуацию не иначе как «контрреформой уголовного законодательства» [4]. Так, не устояв перед мощным политическим и научным лоббированием отказа от такого уголовно-правового института, как конфискация имущества, разработчики закона исключили его из системы уголовного наказания [3, с. 33–35]. Причем для малоимущих преступников конфискация была сохранена в прежнем объеме путем повышения размера штрафа до уровня в 1 млн руб. Можно вполне согласиться с С.Ф. Милюковым, который видит в этом почти незавуалированный классовый подход. Такую же правовую оценку он дает псевдокриминализации хищений в особо крупных размерах, когда законодатель фактически понизил наказание за хищение в крупном размере, а в ч. 4 ст. 158 УК РФ и других соответствующих нормах лишь указал вместо крупного – особо крупный размер похищенного без какого-либо увеличения верхнего предела наказания [5, с. 12].

Более того, по отдельным изменениям уголовного закона, направленным на дифференциацию уголовной ответственности по социальному принципу, была дана критическая оценка со стороны высших судебных органов страны. Так, Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 11 декабря 2014 г. № 32-П признал не соответствующими Конституции РФ положения ст. 159.4 УК РФ, предусматривающие ответственность за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности. В частности, Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что специальным видом мошенничества для предпринимателей установлены юридические преференции для предпринимателей. Несправедливым было названо и то обстоятельство, что мошенничество в крупном и особо крупном размере для предпринимателей по ст. 159.4 УК РФ начинается с суммы в шесть раз более высокой, чем для «простых» мошенников по ст. 159 УК РФ. Кроме того, в отличие от простого мошенничества, в ст. 159.4 УК РФ отсутствует целый ряд квалифицированных составов, а санкция статьи в два раза мягче простого мошенничества [10].

В дальнейшем вал поправочных законодательных инициатив, не имеющих большей частью объективных оснований, не прекратился. За двадцатилетний период существования в уголовный закон было внесено более 1000 поправок путем принятия 186 федеральных законов о внесении изменений и дополнений (по состоянию на 24 мая 2016 г.).

Не касаясь предметного анализа всех внесенных поправок уголовного закона, выделим основные их недостатки.

Во-первых, сегодня большинство правоведов сходятся во мнении, что, несмотря на внешне обновленные ориентиры, современное состояние уголовно-правовой политики характеризуется крайней нестабильностью. По мнению В.А. Номоконова, реальной уголовной политики сегодня не видно, при этом «появляется проблема неадекватной ... уголовной политики, не соответствующей ни современным данным науки, ни объективным социальным потребностям, ни естественным ожиданиям общества...» [6, с. 18]. Как следствие, лейтмотивом большинства взглядов на современный уголовный закон в юридической литературе является констатация его кризисного состояния.

Мы согласны с теми авторами, которые убеждены, что нестабильность уголовной политики во многом обуславливается отсутствием официально утвержденной концепции уголовной политики России, которая представляла бы единую систему положений, определяющих сущность, цель, приоритеты и критерии эффективности нормотворческой и правоприменительной деятельности в сфере противодействия преступности.

Как известно, такой проект концепции был разработан еще пять лет тому назад рабочей группой Общественной палаты по содействию реформам правосудия при участии представителей судов, Российской академии правосудия, опубликован и в целом получил положительную оценку, в том числе со стороны Верховного Суда РФ и Генеральной прокуратуры России. Однако до сих пор Концепция уголовной политики остается в стадии научной идеи, в то время как эффективное противодействие преступности возможно лишь при наличии детально разработанной официальной стратегии государства в сфере борьбы с преступностью.

Во-вторых, прямым следствием нестабильной уголовно-правовой политики стало увеличение числа неработающих норм. Это стало возможным благодаря тому, что процесс совершенствования фасада уголовного закона осуществляется преимущественно за счет установления все новых и новых форм общественно опасного поведения. В то же время криминализация не всегда сопровождается глубокой научной проработкой как самих нормативных конструкций, так и последствий их применения на практике. В связи с этим ряд авторов обоснованно заявляют о наличии в уголовном праве феномена «мертвых норм», когда нормативные предписания уголовного законодательства по тем или иным причинам не находят применения на практике [1].

При этом феномен «мертвых норм» усугубляется появлением в уголовном праве норм «аватаров», когда в рамках существующей ответственности за преступное деяние происходит дублирование отдельных его видов. Современный законодатель искусственно придает таким нормам статус самостоятельного состава преступления, причем не в самом лучшем виде. В качестве примера может служить законодательная дифференциация уголовной ответственности за мошенничество в зависимости от сферы деятельности. Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ в уголовном законе вместо одной нормы о мошенничестве (ст. 159 УК РФ) появилось дополнительно еще шесть (ст. 159.1–159.6 УК РФ).

Изучение законотворческого процесса применительно к уголовному закону свидетельствует о тенденции увеличения количества норм «аватаров» в статьях Особенной части Уголовного кодекса. Так, за последние два года принято 35 федеральных законов по вопросам совершенствования статей Особенной части, из них в четырнадцати случаях законодатель устанавливал новую ответственность в отношении семнадцати преступных посягательств (ст. 170.2, 172.1, 173.1, 200.2, 212.1, 222.1, 223.1, 234.1, 235.1,

238.1, 263.1, 282.3, 284.1, 325.1, 327.2, 330.2, 354.1 УК РФ). Проведенный анализ содержания указанных новелл свидетельствует, что только в половине случаев действительно установлена ответственность за новые общественно опасные деяния, в остальных же случаях законодатель сымитировал появление преступлений.

В-третьих, современный этап уголовной политики свидетельствует об односторонней тенденции либерализации уголовной ответственности и наказания. В ряде случаев это происходит открыто путем декриминализации уголовно-правовых норм (ст. 130, 152, 173, 182, 188, 200 УК РФ и другие). Однако в большинстве случаев это происходит завуалированно, когда законодатель вносит те или иные поправки в действующие статьи уголовного закона. Наряду с отсутствием следственной и судебной практики по новым редакциям это становится серьезным барьером на пути реализации уголовно-правовых норм.

Так, путем добавления в ч. 2 ст. 167 УК РФ признака субъективной стороны состава преступления «из хулиганских побуждений», по сути, произошла декриминализация данного состава. Теперь уничтожение или повреждение имущества, совершенное общеопасным способом, по иным мотивам (кроме как хулиганские побуждения), квалифицируется по ч. 1 ст. 167 УК РФ. Возможно, тем самым законодательная власть пытается искусственно понизить показатели преступности. Однако подобная практика «заигрывания с преступником» привела к абсолютно противоположному результату.

Или другой пример. Очередной вехой на пути становления института норм, регулирующих уголовную ответственность за торговлю людьми, стало принятие Федерального закона от 8 декабря 2003 г., которым в уголовный закон были введены статьи 127.1 «Торговля людьми» и 127.2 «Использование рабского труда» УК РФ. Соответственно из УК была исключена статья 152 УК РФ, поскольку, по замыслу законодателя, ее положения вошли в качестве квалифицирующего признака в ч. 2 ст. 127.1 УК РФ. Однако практика применения ст. 127.1 УК РФ показала, что диспозиция новеллы была сформулирована недостаточно определенно, поэтому в следственной и судебной практике возникли трудности в применении данной нормы. Одним из наиболее серьезных недостатков стало включение в ст. 127.1 УК РФ обязательного признака субъективной стороны торговли людьми – цели эксплуатации человека. Как следствие, значительное количество фактов торговли несовершеннолетних перестало квалифицироваться как преступление [2, с. 6]. Речь шла о случаях, когда виновные занимались торговлей детьми, стремясь достичь иные цели, не связанные с эксплуатацией ребенка: использование ребенка (особенно грудного возраста) в качестве подтверждения ложной беременности, чтобы оказать воздействие на сомневающегося в необходимости жениться мужчину; решение проблемы материнства за счет приобретения чужого ребенка и др. Только через пять лет, осознав свою ошибку, законодатель скорректировал содержание диспозиции ст. 127.1 УК РФ, исключив цель совершения преступления применительно к купле-продаже и иным сделкам в отношении человека.

Вряд ли сегодня можно говорить об эффективности уголовно-правового регулирования при продолжающемся росте зарегистрированной преступности: только за 2015 г. количество преступлений выросло на 8,6 %, по сравнению с прошлым годом, и составило 2 352,1 тыс. преступлений. При этом рост регистрируемых преступлений отмечен в 75 субъектах Российской Федерации*.

Проводя политику гуманизации в сфере борьбы с преступностью, законодатель позабыл о необходимости реализации других принципов уголовного права, которые не менее значимы. Например, связанный с принципом гуманизма принцип справедливости в уголовном праве (ст. 6 УК РФ). Важным аспектом последнего выступает убежденность граждан в торжестве закона над произволом, в способности государства обес-

* Состояние преступности – январь–декабрь 2015 г. URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/7087734> (дата обращения: 15.05.2016).

печить неотвратимость уголовной ответственности путем вынесения обоснованного и законного приговора суда. Однако гуманность по отношению к преступнику часто оборачивается защитой прав не потерпевших, а правонарушителей. В этом случае страдают интересы тех людей, которые становятся объектом преступников. Кроме того, исправление осужденного лица достигается тогда, когда человек, понесший наказание, понимает недостойность своего поведения, недопустимость совершения преступлений и не совершает их хотя бы из страха наказания. Безмерный гуманизм в отношении преступника есть нередко жестокость по отношению к лицу, интересы которого стали предметом преступного посягательства.

В-четвертых, прослеживается тенденция решения некоторых социальных и экономических проблем посредством использования уголовно-правового запрета. Вместо того чтобы создать необходимые условия для развития социально-экономической сферы, уголовный закон перегружается специальными нормами об ответственности за невыполнение правовых норм в области трудовых, экономических и иных отношений. Это привело к появлению в конце 1990-х гг. уголовной ответственности за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (ст. 145.1 УК РФ); за прекращение или ограничение подачи электрической энергии либо отключение от других источников жизнеобеспечения (ст. 215.1 УК РФ) и ряда других норм. Практика применения указанных норм свидетельствует, что проблемы задолженности по зарплате и отключения подачи электрической энергии не были решены, в то же время факты привлечения к уголовной ответственности за данные составы сведены на нет. При этом происходит нарушение оптимального соотношения между общими и специальными нормами уголовного закона. В частности, ничто не мешало ранее применять общие нормы уголовной ответственности за должностные и экономические преступления (ст. 201, 285 и 286 УК РФ).

Однако на фоне расширения специальных норм об уголовной ответственности законодатель забывает повышать их санкцию по сравнению с общими нормами. В итоге преступник несет менее суровое наказание, чем до принятия специальной нормы. Поясним это на примере. Федеральный закон от 8 февраля 2003 г. № 162 ввел уголовную ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ) и нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285.2 УК РФ). Если ранее по ст. 285 УК РФ максимальное наказание за такого рода деяние предусматривалось в виде лишения свободы до четырех лет, то по ст. 285.1 и 285.2 УК РФ предусматривается более мягкое наказание – лишение свободы на срок до двух лет. Согласно ч. 3 ст. 17 УК РФ, если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, то совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме. Безусловно, подобная правовая ситуация нарушает принцип справедливости в уголовном праве.

В-пятых, отмечается слабая юридическая техника новых законопроектов. Собственно, первоначальная редакция УК РФ была далека от идеала, поскольку при его разработке не было осуществлено научное и криминологическое обоснование криминализации и пенализации общественно опасных деяний; не была создана специальная уголовно-правовая норма с разъяснениями оценочных терминов по примеру ряда зарубежных государств; не проведено тщательное системное редактирование проекта, что привело к ошибкам и трудностям уголовно-правового регулирования и пр. При этом указанные недостатки не только не были устранены, но повторяются при принятии новых законопроектов. Так, устраняя в 2003 г. неоднократность как форму множественности, законодатель сохранил ее в ряде норм уголовного закона. Сравнительный анализ Особенной части УК РФ показывает, что ранее уголовный закон содержал признак неоднократности в 63 случаях – в 61 статье УК РФ (ст. 204 и 180 УК РФ содержали по два самостоятельных состава преступления, в которых признак неоднократности употреблялся дважды). В то же время изменения УК РФ в части устранения признака неодно-

кратности затронули 59 статей. Таким образом, в действующем уголовном законодательстве остались нормы, которые не были приведены в соответствие с данными изменениями. Можно привести и другие примеры явных законодательных ошибок при принятии норм уголовного закона (например, ст. 18, 20, 165, 213 УК РФ).

В-шестых, нарушен баланс построения системы уголовных наказаний. Данная ситуация напрямую связана с непоследовательной политикой в области пенализации преступных деяний. В первоначальной редакции УК РФ содержал тринадцать видов наказаний, при этом арест вводился в действие по мере создания необходимых условий для его исполнения. Как известно, до сих пор данные условия пока не созданы. Более того, Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ» как альтернатива лишению свободы за совершение преступления небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления были введены принудительные работы (ст. 53.1 УК РФ). По замыслу законодателя, принудительные работы вводились с 1 января 2014 г., поскольку необходимо было подготовить материально-техническую базу для их реализации. Однако Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 431-ФЗ срок реализации принудительных работ был снова отодвинут – до 1 января 2017 г. На наш взгляд, в ближайшее время перспектива применения принудительных работ маловероятна.

Еще более детективной стала судьба исключительной меры наказания в виде смертной казни, которая, как известно, не применялась с момента принятия уголовного закона. Первоначально это было связано с действием Указа Президента РФ от 16 мая 1996 г., который противоречил уголовному закону. В 1999 г. Конституционный Суд РФ признал, что смертная казнь может быть применена только при реальном предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей. Поэтому Конституционный Суд РФ приостановил применение смертной казни до введения судов присяжных на территории всех субъектов России [13]. Вместе с тем даже после введения суда присяжных в Чеченской Республике перспектива применения смертной казни на территории России была маловероятна. Как следствие, Конституционный Суд РФ в Определении от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р отметил, что в настоящее время происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни как исключительной меры наказания, носящей временный характер («впредь до ее отмены»), это означает, что даже после введения суда с участием присяжных заседателей на всей территории России не открывается возможность применения смертной казни [9]. Однако до сих пор в ст. 59 УК РФ содержится правовая регламентация оснований и порядка применения смертной казни, что создает определенную правовую коллизию и негативным образом сказывается на системе уголовных наказаний.

После поправок уголовного закона в 2003 г. из системы наказаний наряду с конфискацией имущества фактически были исключены на семь лет исправительные работы. Несмотря на неоднократные попытки законодательного изменения порядка назначения и отбывания исправительных работ, содержание данного вида наказания до последнего времени оставалось неизменным – ограничение некоторых трудовых и материальных прав и интересов осужденных. Более того, в пояснительной записке к проекту новелл уголовного закона говорилось, что, «поскольку до настоящего времени не введены в действие предусмотренные УК РФ такие виды наказания, как обязательные работы и ограничение свободы, выбор наказания у судов при рассмотрении дел о преступлениях небольшой и средней тяжести остается между штрафом и лишением свободы». Поэтому создатели законопроекта полагали, что новая редакция закона расширит возможности «назначения исправительных работ не только по месту работы осужденного, но и в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с органами, ведающими исполнением наказания, но в районе места жительства осужденного». В результате, в конечном варианте редакции получилось совершенно противоположное решение, поскольку после модернизации 2003 г. не стало существен-

ных различий по содержанию наказания между исправительными работами и обязательными работами. Только в 2011 г., осознав свою ошибку, законодатель вернулся к первоначальной редакции уголовно-правового регулирования исправительных работ.

Таким образом, в распоряжении судов единственным наказанием осужденных остается лишение свободы на определенный срок. Так, в 2015 г. были осуждены 733,6 тыс. человек, из них 211,1 тыс. человек (29 %) осуждены к наказанию в виде лишения свободы*. По состоянию на 1 мая 2016 г., в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 653,2 тыс. человек**. И хотя количество осужденных в соотношении с населением страны за последние десять лет существенно понизилось, удельный вес таковых продолжает оставаться очень высоким – 463 человека на 100 тыс. населения страны. Ограниченность судебных органов в назначении наказания в виде лишения свободы на определенный срок обуславливает не всегда оправданное расширение сферы применения института условного осуждения с испытательным сроком. Если в советский период времени институт условного осуждения применялся на уровне 13-14 % от общего числа осужденных, то в период действия УК РФ он доходил до 50 %, а в настоящее время составляет 26 %. Сложившаяся негативная тенденция в уголовно-правовой политике требует от законодателя незамедлительного реагирования.

Подводя итог анализу развития современного уголовного законодательства, можно обратиться к словам Президента РФ В.В. Путина, который подчеркнул, что «роль правоохранительной, судебной системы состоит в том, чтобы оградить экономику, граждан от мошенничества и преступников и защитить права, собственность, достоинство всех, кто соблюдает закон» [11]. Достичь указанных целей при сохранении действующей редакции уголовного закона нельзя, что свидетельствует о необходимости его модернизации. Не случайно ряд авторов (Л.Д. Гаухман, В.Ф. Цепелев и др.) вполне обоснованно говорят о необходимости разработки нового УК РФ. Однако в современных условиях данный процесс может растянуться на десятилетия, поскольку это потребует разработки новой уголовно-правовой концепции. Другим вариантом модернизации уголовной политики может стать подготовка и принятие новой редакции УК РФ. При этом проект закона о внесении соответствующих изменений и дополнений в УК РФ должен пройти квалифицированную криминологическую экспертизу с привлечением к его обсуждению широкого числа специалистов.

Литература

1. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. «Мертвые» нормы в Уголовном кодексе: проблемы и решения // Уголовное право. 2010. № 6.
2. Волков К.А., Ивашкин Д.В. Проблемы квалификации торговли людьми и сопряженных с нею преступлений: учеб.-практ. пособие. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2009.
3. Волков К.А., Лужбин А.В. Конфискация имущества – «новая» мера уголовно-правового характера и новые проблемы // Российская юстиция. 2006. № 9.
4. Кузнецова Н. Мнение ученых о реформе УК (или QUI PRODEST?) // Уголовное право. 2004. № 1.
5. Милюков С.Ф. О революционном и эволюционном путях развития уголовного законодательства // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1. Красноярск, 2004.
6. Номоконов В.А. Уголовная политика: пока имитация // Уголовное право: стратегия развития в XXI в.: мат-лы XII Междунар. науч.-практ. конф. М., 2015.
7. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ: федеральный закон от 8 декабря 2003 г. // Российская газета. 2003. 16 декабря.

* Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2015 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418> (дата обращения: 12.05.2016).

** Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya> (дата обращения: 12.05.2016).

8. Определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р // Российская газета. 2009. 27 ноября.
9. Побегайло Э.Ф. Нерадостный юбилей // Российская юстиция. 2006. № 6.
10. По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 УК РФ в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа: постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П // Российская газета. 2014. 24 декабря.
11. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г. // Парламентская газета. 2015. 4–10 декабря.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3 // Российская газета. 1999. 10 февраля.

УДК 343.214

КВАЛИФИКАЦИЯ НЕВЫПЛАТЫ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ, ПЕНСИЙ, СТИПЕНДИЙ, ПОСОБИЙ И ИНЫХ ВЫПЛАТ (СТАТЬЯ 145¹ УК РФ) С УЧЕТОМ МОТИВА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Александр Викторович Курсаев, заместитель начальника отдела Департамента государственной службы и кадров МВД России кандидат юридических наук

E-mail: kursaev@list.ru

В статье анализируется субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 145¹ УК РФ «Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат». Обращается внимание на особенности квалификации данного преступления с учетом его мотивов. Раскрывается содержание понятия «корыстная или иная личная заинтересованность».

Ключевые слова: квалификация преступлений; мотив преступления; корыстная или иная личная заинтересованность.

QUALIFICATION-PAYMENT OF WAGES, PENSIONS, STIPENDS, ALLOWANCES AND OTHER PAYMENTS (ARTICLE 145¹ OF THE CRIMINAL CODE) SUBJECT TO THE MOTIVE OF THE CRIME

Alexander Viktorovich Kursaev, deputy head of the Department of public service and personnel of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *kandidat nauk*, degree in Law

The article analyses the subjective aspect of the crime provided by article 145¹ of the criminal code of Russian Federation «non-payment of wages, pensions, stipends, allowances and other payments». Attention is drawn to the features of qualifications of this crime given his motives. The content of the concept of «mercenary or other personal interest».

Keywords: qualification of crimes; motive of crime; mercenary or other personal interest.

Федеральным законом от 15 марта 1999 г. № 48-ФЗ «О дополнении Уголовного кодекса Российской Федерации статьей 145¹» в УК РФ была введена статья 145¹, устанавливающая ответственность за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат.

Социально-криминологическая обусловленность применения уголовной ответственности за данное деяние общеизвестна.

Как следует из пояснительной записки к проекту названного федерального закона, на момент данной законодательной инициативы весьма остро стояла проблема нарушения трудовых прав граждан в области оплаты труда, связанная с повсеместными

задержками заработной платы и других установленных законом социальных выплат. Несогласие граждан с таким положением проявлялось в экстремальных формах. Процесс невыплаты заработной платы стал хроническим, проявления недовольства работниками приобрели массовый и неуправляемый характер. Так, по данным В.И. Курилова, в 1996 г. в Приморском крае судами было рассмотрено 19 419 исков о взыскании оплаты труда. При этом 19 280 исковых заявлений (99,2 %) было удовлетворено [6, с. 608]. В связи с этим очевидной стала необходимость введения в уголовный закон специального состава преступления.

Несмотря на сложности доказывания, судебная статистика свидетельствует о достаточно широком применении ст. 145¹ УК РФ. Так, если в 2000 г. было зарегистрировано 2 преступления, то в 2002 г. – 4, в 2003 г. – 13, в 2004 г. – 189, в 2005 г. – 372, в 2006 г. – 323, в 2007 г. – 163, в 2010 г. – 825, в 2012 г. – 624, в 2013 г. – 578, в 2014 г. – 613, в 2015 г. – 914 преступлений. Количество же латентных преступлений, по подсчетам специалистов, превышает количество зарегистрированных в 6 раз [9, с. 211].

Безусловно, криминализация деяния, предусмотренного ст. 145¹ УК РФ, в контексте ситуации, сложившейся в Российской Федерации с оплатой труда, не позволяет сомневаться в правильности данного решения. В то же время степень неблагополучия, связанного с невыплатой социальных выплат, опосредована сложившейся экономической ситуацией в стране. Положение с невыплатами подтверждает тезис о том, что только уголовно-правовыми средствами невозможно разрешить серьезные социально-экономические проблемы, возникшие в обществе.

Причинами задержек в выплатах может являться как банальное отсутствие денег на счетах организаций, так и злоупотребления, имеющие место со стороны работодателей. В связи с этим в качестве обязательных элементов рассматриваемого состава преступления законодателем установлено наличие прямого умысла и мотива, заключающегося в совершении преступления в силу корыстной или иной личной заинтересованности. Выделение в диспозиции статьи мотива как обязательного признака состава преступления заслуживает поддержки, так как именно мотив свидетельствует об общественной опасности данного деяния и позволяет отграничить преступное поведение от непроступного. Поэтому правильная квалификация деяния по ст. 145¹ УК РФ требует отграничения от иных действий, хотя и имеющих внешнее сходство с данным преступлением, но не являющимся таковым в силу отсутствия отдельных признаков состава преступления.

Н.Ю. Гронская по этому поводу справедливо отмечает, что «сам факт наличия задолженности не свидетельствует о наличии всех признаков состава преступления, предусмотренного ст. 145¹ УК РФ. Для решения вопроса о привлечении руководителя организации к уголовной ответственности по ст. 145¹ УК РФ необходимо установить, была ли у него реальная возможность произвести соответствующие выплаты в срок и в полном объеме» [2, с. 107].

И действительно, при фактическом отсутствии денежных средств умысел на их противоправную невыплату сформироваться не может.

А.В. Бриллиантов, комментируя субъективную сторону ст. 145¹ УК РФ, отмечает, что корыстный мотив может выражаться в стремлении лица получить имущественную выгоду, в решении текущих финансовых проблем за счет задержки заработной платы, в получении прибыли от временного вложения указанных денежных средств в недвижимость, ценные бумаги и т.п. Иная личная заинтересованность может выражаться в стремлении к карьерному росту, в избавлении от неугодных работников, в желании заручиться поддержкой, показать финансовую состоятельность предприятия за счет имеющихся средств на счете и др. [3, с. 543].

А.И. Сотов указывает, что о прямом умысле могут свидетельствовать: 1) наличие в фонде заработной платы достаточных денежных средств; 2) поступающие денежные

средства не зачислялись в фонд заработной платы; 3) находящиеся в фонде заработной платы денежные средства использовались не по назначению [8].

В целом солидарна с ним и Н.В. Бердычевская, которая отмечает, что для привлечения к уголовной ответственности по ст. 145¹ УК РФ должно быть установлено, что сознанием руководителя организации охватываются два обстоятельства: 1) наступил срок выплаты; 2) в его распоряжении имеются денежные средства, достаточные для выплаты [1, с. 99].

И действительно, несвоевременная выплата и злоупотребления руководителем организации с денежными средствами, предназначенными для выплаты заработной платы и иных выплат, обусловлены желанием получения или фактическим получением материальной выгоды либо избавлением от материальных затрат, желанием улучшить свое благосостояние за чужой счет, используя чужой труд. Уголовный закон в этом случае оперирует термином «корыстная или иная личная заинтересованность», которая выступает в качестве мотива преступления.

Содержание указанных терминов применительно к ст. 145¹ УК РФ достаточно хорошо разработано в доктрине уголовного права. В частности, корыстная заинтересованность может выражаться в стремлении руководителя получить более высокую заработную плату за счет недоплаты другим работникам, извлечь материальную выгоду для себя как учредителя (участника) коммерческой организации путем получения более высокой прибыли за счет невыплаты заработной платы [2, с. 144], получения банковского процента от временного вложения денежных средств, получения прибыли от временного вложения указанных денежных средств в недвижимость, ценные бумаги и прочее [3, с. 469]. О наличии корыстного мотива может свидетельствовать и банальная растрата руководителем денежных средств для удовлетворения собственных или внутрисемейных нужд [11, с. 605].

Б.И. Шалыгин также отмечает, что корыстная заинтересованность, связанная с невыплатой заработной платы, может выражаться в желании обогатиться путем присвоения дорогостоящего автомобиля, оказания «благотворительной помощи» вузу, в котором учатся дети руководителя, премирования «приближенных» сотрудников, повлекшем невыплату заработной платы другим работникам [10, с. 34].

Под «иной личной заинтересованностью» в литературе понимается стремление приукрасить положение дел перед партнерами, вышестоящим руководством, желание подняться по карьерной лестнице или «приблизить» к себе определенных лиц путем оказания финансовой помощи, элементарными случаями присвоения и растраты [11, с. 606], создание видимости благополучия на предприятии [1, с. 100], стремление оказать материальное или иное содействие родственникам или иным близким, в судьбе которых лицо заинтересовано или от которых оно зависит [5, с. 203-204].

Различие между рассматриваемыми понятиями заключается в том, что корыстная заинтересованность предполагает извлечение материальной выгоды для себя или кого-либо, а иная личная заинтересованность связана с удовлетворением личного интереса в результате совершения преступного деяния.

Аналогичных подходов придерживается и судебная практика. В частности, в качестве обстоятельств, свидетельствующих о наличии у руководителя корыстной или иной личной заинтересованности, суды могут рассматривать направление имеющихся денежных средств на нужды, отличные от выплаты заработной платы, с целью увеличить прибыль предприятия, не допустить банкротства, создать видимость благополучного состояния финансово-хозяйственной деятельности, получение руководителем заработной платы и других благ в период, когда другим работникам зарплата не выплачивалась, а также другие факты (см., например, определение Пермского краевого суда от 13 января 2011 г. № 22-6, определение Кировского областного суда от 30 ноября 2010 г. № 22-4201).

В отдельных случаях виновные в целях уклонения от уголовной ответственности пытаются скрыть природу правовых отношений между руководителем организации и работником, «замаскировав» трудовые отношения под гражданско-правовой договор возмездного оказания услуг.

Отношения, возникшие на основании гражданско-правового договора, могут быть признаны трудовыми отношениями в порядке, установленном ст. 19¹ Трудового кодекса РФ. Соответствующие критерии отграничения трудового договора от гражданско-правового выработаны и успешно применяются правоприменительной практикой (письмо ФСС России от 20 мая 1997 г. № 051/160-97; определения Верховного Суда РФ от 21 марта 2008 г. № 25-В07-27; Московского городского суда от 20 апреля 2012 г. № 33-10460/2012, от 10 февраля 2012 г. № 33-4137, кассационное определение Мурманского областного суда от 21 марта 2012 г. № 33-753; апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 22 мая 2013 г. № 33-1778/2013).

Суды в таком случае устанавливают факт заключения именно трудового договора, а затем разрешают вопрос о наличии в действиях виновного корыстной или иной личной заинтересованности, необходимой для привлечения к ответственности по ст. 145¹ УК РФ (определение Мурманского областного суда от 15 мая 2012 г. № 22-1178).

В большинстве случаев деяние, заключающееся в невыплате заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат, происходит на фоне тяжелого финансового состояния организации (реального или мнимого), наличия кредиторской задолженности.

Безусловно, отсутствие вины (например, вследствие отсутствия финансирования у бюджетного учреждения) или наличие ситуации крайней необходимости (оплата долгов предприятия в целях недопущения банкротства и наложения взыскания на производственное оборудование с последующим направлением прибыли на погашение образовавшейся задолженности по заработной плате на предприятии) исключает возможность привлечения к уголовной ответственности по ст. 145¹ УК РФ.

Однако о крайней необходимости можно говорить лишь в том случае, если кратковременное перенаправление денежных потоков с фондов оплаты труда на иные цели обусловлено задачей сохранения предприятия и предотвращения его уничтожения и выступает в качестве необходимого условия для последующих выплат заработной платы работникам [11, с. 600].

Достаточно распространенной является практика, когда руководители в условиях недостаточного финансирования, нередко обусловленного собственными ошибками и просчетами, пытаются сэкономить на оплате труда, перечисляя имеющиеся денежные средства иным кредиторам в ущерб работникам. Однако суды в таком случае при привлечении к уголовной ответственности руководствуются положениями п. 2 ст. 855 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которым при недостаточности денежных средств на счете для удовлетворения всех предъявленных требований оплата труда лицам, работающим или работавшим по трудовому договору (контракту), имеет приоритет по сравнению со всеми другими обязательствами, за исключением обязательств вследствие возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью, а также требований о взыскании алиментов. Нарушение очередности списания денежных средств со счета в ущерб интересам работников в этом случае является основанием для привлечения к ответственности по ст. 145¹ УК РФ (определение Магаданского областного суда от 12 октября 2011 г. № 22-822/2011).

Возможны случаи, когда субъект преступления, используя законодательную конструкцию ст. 145¹ УК РФ, связанную с невыплатой (полной или частичной) заработной платы в течение определенного срока (двух либо трех месяцев), может полностью погашать долг по заработной плате к концу этого срока, а невыплаченные вовремя деньги вкладывать в оборот в целях извлечения дополнительной прибыли.

Не выплачивая заработную плату частично, руководитель организации может также надеяться, что его действия будут оценены судом с учетом ч. 2 ст. 14 УК РФ как малозначительное деяние (постановление Президиума Омского областного суда от 12 декабря 2006 г. № 44-У-1536). Такой руководитель может также периодически задерживать заработную плату в отношении не всех работников предприятия, а только части из них.

Однако уголовный закон для наступления уголовной ответственности не требует, чтобы невыплата заработной платы коснулась всех работников. Обвинительный приговор возможен даже при наличии всего одного потерпевшего, чье право на своевременную и в полном объеме выплату заработной платы нарушено деянием, указанным в ст. 145¹ УК РФ (приговор Миллеровского районного суда Ростовской области от 27 февраля 2012 г. № 1-79/2012, приговор Шахунского районного суда Нижегородской области от 28 ноября 2012 г. № 1-182/12).

Возможность же применения ч. 2 ст. 14 УК РФ, с нашей точки зрения, обусловлена несущественным размером долга по заработной плате, который свидетельствует об отсутствии признака общественной опасности преступления, что не тождественно частичному характеру невыплаты заработной платы.

Важным аспектом правильной квалификации преступного деяния по ст. 145¹ УК РФ является также уяснение того факта, что у виновного отсутствует цель завладения денежными средствами [7, с. 139]. В противном случае речь должна идти о хищении.

Литература

1. Бердычевская Н.В. Ответственность за совершение преступлений, посягающих на конституционные права граждан в сфере трудовых отношений. М., 2011.
2. Гронская Н.Ю. Преступления в сфере оплаты труда и социальных выплат по уголовному законодательству Российской Федерации (ст. 145¹ УК РФ): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2010.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. М., 2007.
5. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий, судебная практика, статистика / под общ. ред. В.М. Лебедева. М., 2009.
6. Полный курс уголовного права / под ред. А.И. Коробеева. Т. 2: Преступления против личности. СПб., 2008.
7. Российское уголовное право. Т. 2. Особенная часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М., 2009.
8. Сотов А.И. Уголовная ответственность за невыплату заработной платы // Главбух. 1999. № 17.
9. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. М., 2013.
10. Шалыгин Б.И. Правовая ответственность за нарушение прав граждан на оплату труда // Трудовое право. 2007. № 4.
11. Энциклопедия уголовного права. Т. 16. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина. СПб., 2011.

УДК 343.221.5

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Артём Юрьевич Забелов, адъюнкт Дальневосточного
юридического института МВД России

E-mail: artem.zabelov@mail.ru

Статья посвящена анализу понятия провокации преступления в отечественном уголовном праве. Проанализированы различные позиции по вопросам соотношения понятий провокации преступления и подстрекательства. Предложено авторское определение провокации преступления и приведены аргументы в пользу рассмотрения данного явления в рамках института соучастия в преступлении.

Ключевые слова: провокация преступления; соучастие в преступлении; подстрекательство.

LEGAL ESSENCE PROVOCATION TO CRIMES

Artem Yuirevich Zabelov, post graduate of the Far Eastern
Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

This article analyzes the concepts of crime provocation in the national criminal law. We analyzed the different positions on the relationship between the concepts of crime provocation and incitement. The author's definition of the crime of provocation and presented arguments in favor of considering this phenomenon as part of the Institute of complicity in the crime.

Keywords: crime provocation; complicity in the crime; incitement.

При изучении вопроса о правовой природе провокации преступления и его месте в уголовном праве наибольшую сложность, на наш взгляд, вызывает формулировка самого понятия этого явления.

Несмотря на то, что вопрос о дефиниции и правовой регламентации провокации преступления рассматривается в отечественной литературе начиная с XIX в., все еще слабо изучены ее сущность и уголовно-правовое значение. Отсутствие общего понятия провокации преступления негативно сказывается на возможности ее квалификационной оценки.

Большинство ученых-правоведов предлагают рассматривать деятельность провокаторов преступления в рамках института соучастия, связывая понятие провокатора с понятием подстрекателя.

Так, еще в XIX в. Г. Колоколов писал: «Нельзя не признать, что бытие подстрекательства несколько не зависит от свойства интересов, которые руководят субъектом в его интеллектуальной деятельности. На этом основании подстрекателем следует считать и того, кто определил другого к преступлению с единственной целью – предать его в руки правосудия» [5, с. 116].

Несколько позже, профессор Н.С. Таганцев, ставя вопрос об ответственности лица, возбуждавшего к преступлению другое лицо в целях дальнейшего его изобличения и предания правосудию, отмечал, что подобные случаи встречаются в правоприменительной практике всех стран. В основном, писал он, такого рода подстрекателями могут быть частные лица, но преимущественно такую деятельность осуществляют низшие агенты полицейской власти, сыщики, исполняя роль так называемых *agent provocateurs*. Он отмечал, что одно только желание подвергнуть законной ответственности подстрекателя не может устранить наказуемости подстрекателя. Даже в тех случаях, когда

подстрекатель руководствуется не личными побуждениями, а своеобразно понимаемыми обязанностями службы или интересами общественными, подобная ссылка недостаточна для признания подстрекательства безнаказанным. Никакой закон, писал он, не уполномочивает и не может уполномочить кого-либо на подобную деятельность. В обязанности полиции вменено раскрытие совершенных преступных деяний или предупреждение готовящихся; но и в том и другом случае эта деятельность не имеет ничего общего с созданием новых преступлений или преступных попыток. Вне зависимости от того, действовал ли данный агент по собственной инициативе или же по приказу начальника, подобные действия лежат за рамками законной деятельности полиции. Исходя из вышеизложенного, ученый приходит к выводу, что в деятельности таких лиц совмещаются все существенные условия подстрекательства [8, с. 769–770].

Вслед за профессором Н.С. Таганцевым его ученик профессор В.Д. Набоков приходит к аналогичному мнению относительно определения места провокации преступления в отечественном праве. Он справедливо отмечает, что «...провокация отделяется от уголовно наказуемого подстрекательства одним признаком – направлением воли, т.е. внутренним отношением подстрекавшего к преступному результату. В обычных случаях, когда речь идет о подстрекателе и о совершенном подстрекаемым преступном деянии, вопрос об этом направлении воли разрешается судом, причем подстрекателю, сознательно склонившему другого к совершению преступления, предстоит трудная задача – доказать, что осуществление преступного деяния не входило в его намерение. Но, обращаясь к услугам политических провокаторов, власть как бы заранее отказывается задавать этот вопрос. Она как бы ставит свой бланк на будущие деяния провокатора. Она заключает с ним оборонительно-наступательный союз, в результате которого он оказывается по отношению к судебной власти как бы вне пределов досягаемости. Вся чудовищность такого положения становится ясной, если представить себе, что намерения могут меняться, что агент-провокатор в любую минуту может передумать и дать совершиться преступному деянию» [10, с. 255–264].

Профессор А.Н. Трайнин в своем исследовании отмечает: «Самостоятельного внимания заслуживает вопрос об ответственности агента-провокатора. Теория обычно выделяет деятельность агентов-провокаторов в особый вид подстрекательства, требующий специальной регламентации. Эта точка зрения основана на смещении понятий мотива подстрекательства и его содержания. Действительно, агент-провокатор, склоняющий к совершению преступного деяния, ставит своей задачей последующее изобличение преступника; в этом мотиве – отличительная черта провокатора. Можно спорить о преимуществах этого мотива склонения другого лица к совершению преступления перед иными мотивами – мстостью, корыстью и т.д. Но кажется бесспорным, что эти субъективные особенности провокатора лежат за пределами понятия подстрекательства: агент-провокатор, во всяком случае, должен довести решимость лица к посягательству до стадии приготовления или даже покушения, иначе теряет смысл сама провокация. ... Особенности мотивов провокатора, как и мотивов других соучастников, всецело подлежат учету суда при определении конкретной меры наказания, поэтому агент-провокатор – подстрекатель в обычном и прямом значении этого понятия, и его ответственность должна определяться общими началами ответственности за соучастие в совершаемом преступлении» [9, с. 297].

В XX в. серьезных изменений в части, касающейся определения места провокации преступления в российском уголовном праве, не наблюдалось. Подавляющее большинство ученых-правоведов склонялись к мнению, что провокация, в какой бы форме она не была реализована, является лишь частью подстрекательства.

Так, профессор А.А. Пионтковский указывал: «... провокатор с точки зрения советского уголовного права, хотя бы он изобличил преступника до окончания преступления, должен рассматриваться как подстрекатель к совершению преступления» [7, с. 574]. М.И. Ковалев в монографии «Соучастие в преступлении» приходит к анало-

гичному выводу: «Вполне мыслимы случаи подстрекательства из ложно понятых интересов службы или каких-либо личных интересов, когда подстрекательство носит характер провокации к преступлению и преследует цель последующего разоблачения исполнителя или сопровождается надеждой на то, что исполнитель после совершения преступления будет разоблачен и наказан, а ему – подстрекателю – удастся избежать ответственности» [4, с. 91]. К сторонникам этого подхода следует отнести и профессора Ф.Г. Бурчака, который, отрицая целесообразность провокационной деятельности сотрудников правоохранительных органов капиталистических стран, заявляет о невозможности ее оправданного существования в нашем государстве. Ученый указывает: «И должностное лицо, и частное лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления, с точки зрения советского права должны рассматриваться как подстрекатели, со всеми вытекающими отсюда последствиями» [1, с. 128].

Как отмечает А.А. Мастерков со ссылкой на профессора В.Д. Иванова, такой односторонний подход в понимании проблемы провокации был связан с позицией Верховного Суда СССР, выраженной в Определении по делу, рассмотренному в 1946 г. Верховный Суд СССР указал: «... лицо, спровоцировавшее другое лицо на совершение преступления, хотя бы с целью последующего изобличения, должно отвечать как за подстрекательство к преступлению» [6, с. 22].

Похожей позиции придерживается и сам А.А. Мастерков, однако отрицает одностороннее определение провокации преступления как разновидности подстрекательства. Он предлагает понимать под провокацией преступления вовлечение другого лица в совершение преступления в целях наступления вредных для этого лица последствий, при этом такие действия должны влечь за собой уголовную ответственность в зависимости от роли провокатора в соответствии с положениями ст. 33–34 УК РФ [6, с. 161].

Схожей позиции придерживается Е.В. Говорухина, признающая правильность определения провокации преступления через вовлечение лица в совершение преступления. По ее мнению, понятие «вовлечение» – более широкое, чем понятие «подстрекательство», и помимо склонения охватывает собой содержание понятий побуждения и принуждения. Кроме того, вовлечение в совершение преступления, в отличие от склонения, возможно путем обмана, когда вовлекаемый (провоцируемый) не осознает своего участия в совершении преступления. Однако она указывает, что использование понятия «вовлечение в преступление» предполагает рассмотрение данного явления за рамками института соучастия. Именно поэтому квалификация действий провокатора в соответствии с положениями ст. 33–34 УК РФ является неверной. Российский законодатель не связывает вовлечение в преступную деятельность с институтом соучастия, а считает такую деятельность образующей объективную сторону отдельных преступлений (ст. 150, 151 УК РФ). В связи с этим предлагаемая А.А. Мастерковым квалификация провокации преступления, считает Е.В. Говорухина, представляется спорной и противоречащей его же пониманию провокации. Далее она указывает, что определение правовой природы провокации преступления прямо зависит от решения вопроса о наличии соучастия в преступлении при провокации и о соотношении данного деяния с подстрекательством к совершению преступления, и полагает, что провокация обладает собственными характеристиками, отличными от института соучастия [2, с. 20].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в настоящее время в науке отечественного уголовного права отсутствует единство мнений по обозначенной проблеме. Проанализировав воззрения различных ученых на природу провокации преступления, мы приходим к выводу, что до недавнего времени все известные отечественные правоведы рассматривали провокацию исключительно в рамках соучастия и в тесной связи с понятием подстрекательства. Лишь с относительно недавнего времени некоторые ученые предлагают свои, нетривиальные подходы к определению места провокации преступления в уголовном праве.

Нам представляется верным суждение о том, что провокация преступления не ограничивается только лишь понятием подстрекательства, так как провокаторская деятельность носит более сложный характер. Подстрекательство является лишь составной частью провокации, помимо него вовлечение в совершение преступления может быть осуществлено и путем организации совершения преступления, где провокатор подбирает исполнителей, подыскивает объект посягательства, составляет план его совершения, распределяет роли между соучастниками, а также совершает иные действия организационно-подготовительного характера. В подобных ситуациях деятельность провокатора выходит за пределы только лишь подстрекательства к совершению преступления, и он по существу превращается в организатора совершения преступления [3, с. 17].

Несомненно, что любая провокационная деятельность должна с субъективной стороны характеризоваться прямым умыслом, а также наличием «двойственности» в целях провокатора. Первая цель провокатора – склонение лица к совершению того или иного преступления либо организация его совершения. Именно поэтому само понятие «провокация преступления» намного шире понятия подстрекательства. Вторая цель – привлечение лица к уголовной ответственности посредством его изобличения в совершении данного преступления. Необходимо учитывать, что данные цели должны преследоваться провокатором совокупно, иначе провокации не будет.

В юридической науке спорным остается вопрос о преобладании целей в деятельности провокатора. Так, профессор В.Д. Иванов отмечает: «... При подстрекательстве подстрекатель, желая совершения преступления исполнителем, ставит перед собой цель возбудить у последнего решимость совершить преступление. А поэтому подстрекатель, внося таким образом свой вклад в достижение преступных последствий, является соучастником совершенного преступления. Провокатор же руководствуется иной целью, которая носит двойную форму. С одной стороны, провокатор, возбуждая решимость у спровоцированного им лица совершить преступление, ставит перед собой цель добиться его совершения. Но одновременно с этой целью он преследует и другую, которая является доминирующей в его деятельности, – сообщить о совершении преступления спровоцированным им лицом в органы правосудия для привлечения его за содеянное к уголовной ответственности. Именно данная, главенствующая цель провокационной деятельности и отличает провокатора от подстрекателя» [3, с. 17].

По нашему же мнению, нельзя возвышать одну цель, преследуемую провокатором, над другой, т.к. провокатору в равной степени необходимо, и чтобы спровоцированное им лицо совершило действия, запрещенные уголовным законом, и чтобы предать его в дальнейшем в руки правосудия. Ведь в случае, если провокатор не достигнет первой из указанных целей, то ему не о чем будет сообщать органам правопорядка и соответственно вторая цель им также не будет достигнута.

Основываясь на изученном материале, мы предлагаем следующее определение провокации преступления. *Провокация преступления* – это организация, а равно склонение другого лица к совершению преступления в целях привлечения этого лица к уголовной ответственности. Из данного определения следует, что *провокатор преступления* – это лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления или организовавшее совершение преступления в целях привлечения спровоцированного лица к уголовной ответственности. Данное определение включает в себя ранее обозначенные две цели в деятельности провокатора, наличие которых и отличает его от других соучастников преступления. Следовательно, провокацию преступления следует рассматривать в рамках института соучастия в преступлении. Однако определять провокатора преступления исключительно в качестве подстрекателя особого рода нам представляется в корне неверным, так как помимо склонения провокатором лица к совершению им уголовно наказуемого деяния деятельность провокатора может выражаться еще и в организации совершения преступления в целях привлечения спровоцированного лица к уголовной ответственности.

Следует отметить, что необходимости в закреплении в качестве нормы Общей части УК РФ определения провокации преступления нет, так как одной из целей преследуемых провокатором, в любом случае будет склонение лица к совершению того или иного преступления либо организация его совершения. Все из указанных действий можно рассматривать как деятельность уже обозначенных в уголовном законе соучастников преступления – будь то подстрекатель или организатор.

Таким образом, действия провокатора необходимо квалифицировать в зависимости от его роли в совершении преступления по ст. 33-34 УК РФ.

Литература

1. Бурчак Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. Киев, 1970.
2. Говорухина Е.В. Понятие и правовые последствия провокации в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002.
3. Иванов В.Д. Провокация или правомерная деятельность? // Уголовное право. 2001. № 3.
4. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Ч. 2: Виды соучастников и формы участия в преступной деятельности. Свердловск, 1962.
5. Колоколов Г.Е. О соучастии в преступлении. М., 1881.
6. Мастерков А.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты провокационной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2000.
7. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961.
8. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Т. 1. СПб., 1902.
9. Трайнин А.Н. Избранные труды. СПб., 2004.
10. Труды Юридического общества. Т. 1. СПб., 1910.

УДК 343.341

ВЛИЯНИЕ ХУНХУЗНИЧЕСТВА НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КИТАЙСКО-ВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ (1920–1930-е гг.)

Сергей Юрьевич Яхимович, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России кандидат исторических наук

E-mail: sergyahim-69@yandex.ru

Статья посвящена проблеме китайского бандитизма в Маньчжурии и влияния этого криминального фактора на функционирование КВЖД – крупнейшего транспортно-промышленного комплекса региона. Выявлена прямая зависимость деятельности КВЖД от уровня активности хунхузничества на линии дороги и причины низкой эффективности местных правоохранительных органов в борьбе с бандитизмом в 1920–1930-е гг.

Ключевые слова: хунхузничество; бандитизм; охранные войска; полиция; Маньчжурия; Китайско-Восточная железная дорога.

INFLUENCE KHUNKHUZNICHESTVA ON ACTIVITY CHINESE EAST RAILROAD (1920–1930th)

Sergey Yurievich Yakhimovich, chair associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *kandidat nauk*, degree in History

Article is devoted to a problem of the Chinese gangsterism in Manchuria and influences of this criminal factor on functioning KVZhD – the largest transport-industrial complex of region. Direct dependence of activity KVZhD with a level of activity khunkhuznichestva on a line of road

and the reason of low efficiency of local law enforcement bodies in struggle against gangsterism in 1920–1930th is revealed.

Keywords: khunkhuznichestvo; gangsterism; security armies; police; Manchuria; the Chinese Eastern Railway.

Криминогенная ситуация, сложившаяся вокруг Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в 1920–1930-х гг., определяла здесь состояние активности многочисленных бандитских группировок. В Особом районе восточных провинций (ОРВП) – специально созданной в 1920 г. китайскими властями административно-территориальной единице на основе бывшей полосы отчуждения КВЖД – наиболее опасной преступной силой было хунхузничество. Это китайское криминальное движение оказывало заметное влияние на жизнь всей Маньчжурии, а также на функционирование КВЖД – крупнейшего в регионе транспортно-промышленного комплекса.

Хунхузами (кит. – «краснобородые») с конца XVIII столетия в Маньчжурии называли разбойников всех видов, однако сами они имели свои особенности и отличия как по численности банд (от нескольких человек до нескольких тысяч), так и по идеологии (профессиональные уголовники – «братья», «независимые храбрецы» – со своим кодексом поведения; политические и религиозные тайные общества; беглые солдаты; крестьянские отряды самообороны; случайные грабители без принципов) [6; 8]. Общая численность их в северо-восточных провинциях Китая в 20–30-х гг. XX в. постоянно варьировалась, но всегда была достаточно высокой, что вызывало серьезные опасения у местных жителей. Так, по некоторым оценкам, в 1928 г. в Маньчжурии действовали до 100 тыс. хунхузов, а японская военная разведка докладывала о 62 тыс. бандитов в регионе [2, с. 9; 11, с. 38], но все эти данные приблизительные, менявшиеся в зависимости от обстоятельств.

Бандитские шайки промышляли разного рода преступной деятельностью – воровством, контрабандой, похищением людей и т.п., но главным их занятием являлся разбой и грабеж своих соотечественников и иностранцев, в основном русских, как в самой Маньчжурии, так и в российских приграничных территориях. Среди классических хунхузов (именно уголовно ориентированных бандитов) действовал не только определенный «кодекс чести», но и строжайшие иерархия и дисциплина. Это была своеобразная криминальная корпорация, схожая по своим принципам со знаменитыми китайскими триадами или многочисленными тайными обществами различной направленности, что создавало определенные трудности в борьбе с ними [2, с. 10–12]. Набеги хунхузов сопровождалась не только тотальным грабежом мирного населения, но, в случае оказания им сопротивления или обращения к властям за помощью, масштабным террором и насилием, иногда даже массовыми убийствами как наказанием за непокорность или для поддержания криминального имиджа [13, р. 12]. Однако такие крайности без особой необходимости не практиковались.

Лакомым куском для налетов китайских бандитов была КВЖД, имевшая развитую инфраструктуру, транспортировавшая крупные составы с богатыми грузами и пассажирами. Для решения проблемы охраны дороги от нападений хунхузов Российская империя создала в полосе отчуждения мощное вооруженное соединение – Особый Заамурский округ отдельного корпуса пограничной стражи (около 25 тыс. чел. [2, с. 73]) и полицию, активно действовавшие до начала 1918 г. После вспыхнувших революционных событий в России заботу по обеспечению безопасности на дороге взяли на себя центральные китайские власти, введя на КВЖД свои войска в том же году. Правитель Маньчжурии маршал Чжан Цзолин (сам бывший хунхуз, как и многие его генералы [3, с. 28–29]), провозгласивший в 1922 г. фактическую независимость трех северо-восточных провинций от пекинского правительства, с этого периода взял на себя роль защитника интересов КВЖД. После японской оккупации этих провинций и создания

марионеточного государства Маньчжоу-Го борьбу с хунхузами продолжили жандармские и полицейские формирования новых властей. Как бы то ни было, несмотря на периоды расцвета или вынужденного отступления в леса, никакой из перечисленных организованных сил так и не удалось справиться с «независимыми храбрецами» – этим бичом Маньчжурии. Тому было множество причин, в частности, умение преступников сливаться с мирным китайским населением, которое или из боязни, или сочувствия почти никогда не выдавало хунхузов властям. Любому бандиту всегда было у кого укрыться в случае грозящей ему опасности [6].

Китайские вооруженные формирования, охранявшие дорогу в 1920–1930-х гг., состояли из нескольких самостоятельных структур. Непосредственно для борьбы с отрядами хунхузов использовались охранные войска ОРВП, им содействовали железнодорожная полиция (финансировавшаяся за счет дороги) и железнодорожные отделы Главного полицейского управления (ГПУ) ОРВП. Для облегчения выполнения своих задач охранные войска пользовались льготным 50%-ным проездом по КВЖД и перевозом своих грузов, однако на деле практически ничего не платили дороге, которая несла колоссальные потери от набегов хунхузских банд и дармовой перевозки малоэффективных китайских охранных подразделений, так как последние были не в состоянии организовать результативную борьбу с бандитизмом. Чжан Цзолинь охотно прибегал к услугам своих бывших «братьев» во время войн с конкурентами на власть в Китае, но бесперебойно функционирующая транспортная артерия КВЖД была ему необходима в военных целях, поэтому он не мог позволить безнаказанно ее грабить и устраивал периодические показательные карательные экспедиции против хунхузов. Об одной из них, проведенной сыном маньчжурского диктатора маршалом Чжан Сюэляном в 1921–1922 гг. с привлечением бронепоезда, красочно повествует в своем очерке советский писатель Е. Полевой, подчеркивая, что именно такие антибандитские действия были характерны для охранных войск. Сводились они к тому, что хунхузы, вовремя проинформированные о приближении войск, растворялись в тайге, а жертвами солдат становились в основном китайские крестьяне, проживавшие вдоль КВЖД и заподозренные в криминале, которым тут же отрубали головы (обычное тогда наказание для пойманного хунхуза) и складировали их на товарные платформы бронепоезда для устрашения бандитов. Как отмечает автор, среди десятков и даже сотен этих голов не было вероятно ни одной хунхузской, получить которую было нелегко [6]. Подобные операции являлись не чем иным, как попытками властей «сохранить свое лицо», что очень важно на Востоке.

Кроме скидок и займов охранным войскам дорога вынуждена была суживать немалые средства китайской регулярной армии, полицейским, судебным и административным органам. Динамику таких «добровольных» долговых отношений, вызванных ростом активности хунхузов в зоне КВЖД, можно проследить, например, из справки о задолженности китайского правительства перед дорогой на 1 января 1925 г. К этому времени общая сумма обоюдных долгов составляла 27 737 665 золотых руб., из которых перед КВЖД задолжали: китайские охранные войска – 21 551 181 руб.; городская и поселковая полиция ГПУ – 2 585 622 руб.; арестные дома – 306 580 руб.; судебные учреждения – 250 252 руб.; китайское военное командование – 244 511 руб.; дипломатические бюро Гиринской и Цицикарской провинций – 497 741 руб.; прочие китайские государственные учреждения – более 526 700 руб. Убытки, понесенные дорогой вследствие ненадлежащей охраны китайскими властями ее станций и служащих от нападений хунхузов, оценивались в 2 159 127 руб. Последняя сумма складывается из ущерба от действий хунхузничества на КВЖД по годам: до 1920 г. – 33 825 руб.; в 1920 г. – 1 980 514 руб.; в 1921 г. – примерно 108 430 руб.; в 1922 г. – 13 500 руб.; в 1923 г. – 22 858 руб.; за 1924 г. – данных нет. При этом долги дороги перед китайским правительством на отчетный период составляли всего 384 070 руб. *.

* Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-2. Оп. 11. Д. 372. Л. 28–30.

Из приведенных цифр видно, что маньчжурская администрация не только постоянно использовала КВЖД в качестве безотказного кредитора, но и не могла действительно защитить этот источник финансирования от террора хунхузов, пик активности которых в указанный период пришелся на 1920 г. Это был год лишения русского персонала дороги прав экстерриториальности, учреждения ОРВП и очередного обострения военных действий между китайскими милитаристами, чем не преминули воспользоваться «краснобородые». Следует также отметить и то, на что правление КВЖД указывало в переписке со штабом охранных войск по вопросам долга, – с 1924 г. магистраль находилась в совместном советско-китайском пользовании и приносила доход обеим странам, однако «мы, правление дороги, не можем рассматривать охранные войска, как связанные с дорогой». При этом штаб войск «несет известные обязательства по охране дороги, и целый ряд перемещений войск вызывается именно этой необходимостью защиты дороги»^{*}.

Полиция, как и охранные войска, также не могла справиться с хунхузами в силу своей малочисленности и низкой компетентности. В составе полиции служило немало русских, в основном бывших белогвардейцев, доля которых в подразделениях была значительной. По данным секретаря Харбинского губбюро РКП(б) Е.И. Накорякова, на 1 сентября 1924 г. в железнодорожной полиции ГПУ состояло 2 792 чел., из которых русских – 351 чел., в полиции КВЖД (всего 4 участка) – 637 чел., из которых 470 русские – все либо бывшие царские полицейские чины, либо белогвардейцы^{**}. При этом со стороны полиции (как китайцев, так и русских граждан Китая) нередко были случаи вымогательств, злоупотреблений властью и сговора с преступниками. Примером может служить нашумевший в 1932 г. случай с похищением в Харбине известного французского пианиста Каспэ, за освобождение которого бандиты требовали 300 тыс. японских иен. В итоге деньги собрать не удалось, и музыкант был убит. При расследовании дела выяснилось, что одним из главарей банды являлся сотрудник полиции Н. Мартынов [2, с. 110]. Вопросы личного обогащения чиновников и служащих всех уровней вообще отличали китайскую действительность того времени, поэтому криминальное поведение самих органов правопорядка не было редкостью. Еще в 1909 г., когда будущий маньчжурский диктатор Чжан Цзолинь после очередного повышения по службе был на приеме у советника мукденского генерал-губернатора, его спросили – зачем из вожака хунхузов он превратился в военного, тот кратко ответил: «Я хотел высокого чина и богатства» [3, с. 30]. Подобная мотивация была присуща многим полицейским и военным, что отражалось на характере выполнения ими служебного долга.

В погоне за богатством представители власти сами занимались преступной деятельностью, а с хунхузами предпочитали договариваться, если это способствовало продвижению дела. Например, ближайший сподвижник маньчжурского властителя генерал Чжан Цзунчан (в прошлом также хунхуз), контролировавший ряд территорий вдоль КВЖД с 1923 г., пустил 233,3 тыс. га под посевы опиумного мака, запрещенного к культивированию в Китае. Объем производства составил 240 тыс. кг опиума, а доходы от нелегального опиумного бизнеса – 8 млн юаней [3, с. 161–162]. Такое обширное хозяйство в зоне хунхузской активности содержать без негласных договоренностей с ними было вряд ли возможно.

Вместе с тем желание разбогатеть двигало и теми, кто уходил в хунхузы, в том числе и солдатами. Дезертирство из армии и даже полиции имело массовый характер. Солдаты, обладавшие вооружением, целыми подразделениями, иногда с командирами становились солдатами-хунхузами (бинфэй) и мародерствовали еще более бесцеремонно, чем настоящие хунхузы. Нехватка денег приводила к криминализации армии –

^{*} Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-2. Оп. 11. Д. 372. Л. 112.

^{**} Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 31. Д. 17. Л. 23.

в мирное время солдаты нередко превращались в «краснобородых», а в период вербовки военнотружущих хунхузы бандами шли в армию [9, с. 258]. В зоне КВЖД это привело к тому, что во время многочисленных войн между милитаристскими группировками 1920-х гг. хунхузы чувствовали себя как никогда вольготно и почти безнаказанно обирали имущество и персонал дороги. Так, в июле 1925 г. дальневосточная газета «Тихоокеанская звезда» сообщала, что все предприятия вблизи КВЖД (особенно на ее восточном направлении, где была густая лесистая местность) платят хунхузам дань большую, чем налоги китайскому правительству, и все равно страдают от поборов и похищений людей за выкуп. Так, был захвачен инженер Мулиньского углепромышленного комбината Устругов, за освобождение которого пришлось отдать бандитам 2 вагона китайского обмундирования; пленена изыскательская партия во главе с инженером Калугиным – выкуп составил 200 комплектов обмундирования, столько же плащей-дождевиков, большое количество продуктов и других вещей. А посылаемые в район китайские войска не только неохотно участвовали в операциях против хунхузов, но и часто переходили в их ряды [5].

Частные фирмы и концессии нередко нанимали собственную охрану из тех же хунхузов или русских эмигрантов. С очередной фазой активизации бандитизма после японской оккупации Маньчжурии в 1931–1932 гг. русские эмигранты, особенно проживавшие в небольших поселках на линии КВЖД, вынуждены были создавать вооруженные отряды самообороны из бывших военных и молодежи, чьи услуги также стали пользоваться состоятельные предприниматели Харбина и всего ОРВП [7]. Обратной стороной жизни русских эмигрантов в чрезвычайно криминогенной обстановке, сложившейся в ОРВП в 1920–1930-х гг., стало их обращение к бандитизму. Белоэмигранты, воевавшие длительное время, редко находили себя в мирной жизни и часто вливались в отряды, совершавшие нападения на советскую территорию, но очень быстро «белая идея» в этих формированиях перевоплощалась в обычный криминал. Маршал Советского Союза В.И. Чуйков, побывавший в Харбине в 1926 г. в качестве дипкурьера, вспоминал, что, проезжая по КВЖД, его напарник посоветовал ему «...держать наготове пистолет; белогвардейцы стали обыкновенными бандитами, для них и дипкурьер может быть лишь заманчивой добычей, международное право для них – пустой звук. Такой случай с нашими дипкурьерами однажды уже был» [12, с. 22]. Часть эмигрантов, испытывавших серьезные материальные трудности, изначально шли в криминал, образуя шайки так называемых «белых (или русских) хунхузов», как их именovali китайцы. Иногда, еще с дореволюционного периода, они вливались в отряды «краснобородых», где ценили их боевые качества, при этом современниками отмечалось, что среди «русских хунхузов», оперировавших на КВЖД, традиционно было немало кавказцев [4].

Перманентная гражданская война между группировками китайских милитаристов и пережитки феодализма в Маньчжурии не могли способствовать искоренению хунхузничества, наоборот, эти внутренние факторы стимулировали его рост. Другой причиной, толкавшей китайское население к криминальной деятельности, являлась его массовая бедность, крайне низкий и нестабильный уровень жизни. Одним из главных факторов, способствовавших росту хунхузничества и его влиянию на деятельность КВЖД, была сложная и часто меняющаяся политическая ситуация вокруг дороги. Как только дорога становилась частью театра военных действий, немедленно повышалась активность хунхузов, яркими примерами могут служить события времен восстания ихэтуаней (1899–1901) и Русско-японской войны (1904–1905) [2, с. 70–74]. В дальнейшем эта тенденция просматривалась при эскалации напряженности вокруг КВЖД между заинтересованными в ней странами.

Борьба Китая, СССР и Японии (а до начала 1920-х гг. также Франции и США) за политико-экономическую гегемонию на КВЖД проводилась различными методами, в частности, некоторые стороны этого процесса прибегали к использованию в своих

интересах организованной преступности. Особенно активно в этом направлении действовали офицеры японской военной миссии (ЯВМ) в Китае, имевшие опыт тесных контактов с хунхузами со времен Русско-японской войны. Когда в 1920 г. японские войска попытались в обход китайской армии установить полный контроль над КВЖД, им для этого понадобилось усилить формальные поводы. С этой целью японское командование заключило секретные договоры с шестью авторитетными главарями крупных хунхузских формирований, чьи отряды, вооруженные ЯВМ, должны были непрерывно совершать нападения на линию дороги, взрывать железнодорожное полотно, грабить и убивать мирных жителей и служащих КВЖД. Такая акция должна была показать неспособность китайских войск и полиции противостоять «краснобородым» и инициировать передачу КВЖД под японскую охрану [10, с. 129].

В тот период этот план своей цели так и не достиг, однако уже через 12 лет японская армия подчинила себе всю Маньчжурию, и снова встал вопрос о КВЖД. На этот раз с дороги следовало «выдавить» СССР, используя привычный метод – террор хунхузских банд. Привлекая отряды «краснобородых», японо-маньчжурские власти практически парализовали работу дороги. Откровенное бездействие японской полиции поощряло бесчинства хунхузов. Апогей их разгула в зоне КВЖД пришелся на 1933–1935 гг. Только в 1935 г. в результате атак бандитов на дорогу были убиты 350 железнодорожников и пассажиров, 650 – тяжело ранены, 451 чел. похищен, на 131 поезд были совершены нападения, 74 железнодорожные станции сожжены [1, с. 140]. Колоссальные потери в мирное время, учитывая, что уже 23 марта 1935 г. Советский Союз был вынужден подписать договор о продаже своей доли КВЖД в пользу Маньчжоу-Ди-Го, а фактически Японии, и приступил к свертыванию своего присутствия во всей Северной Маньчжурии. После советского исхода с дороги японцы загнали хунхузов обратно в леса, но уничтожить криминальное братство не смогли, более того, часть хунхузских отрядов присоединилась к антияпонскому партизанскому движению в Маньчжурии [2, с. 112]. Вновь вернуться на КВЖД СССР удалось только после победы над милитаристской Японией в 1945 г. Хунхузничество продолжало свою деятельность вплоть до провозглашения в 1949 г. КНР, чья сильная власть и твердая позиция по борьбе с бандитизмом быстро покончила с этим преступным явлением в Маньчжурии.

Таким образом, хунхузы, оставаясь солидной криминальной угрозой для Маньчжурии, оказывали сильное влияние на эффективность работы КВЖД, так как рассматривали дорогу в качестве богатой добычи, способной повлиять на их благосостояние и положение в криминальном мире. Кроме того, заинтересованные политические силы посредством манипуляции хунхузскими бандами могли добиваться воздействия на политико-экономическую ситуацию вокруг КВЖД. В результате нападений бандитских отрядов дорога несла огромные убытки, а жизнь и здоровье персонала подвергались сильному риску, что крайне осложняло функционирование предприятия, особенно в условиях неэффективной охранной деятельности китайских сил правопорядка. В 1920–1930-е гг. просматривалась определенная закономерность – чем активнее хунхузы орудовали на линии КВЖД (независимо от причин) и чем большую дезорганизацию в ее работу они вносили, тем ниже становилась результативность местных правоохранительных органов, в лучшем случае она оставалась на прежнем уровне. Поскольку основные силы правоохранительных структур в 1920–1930-х гг. были заняты борьбой с хунхузничеством, произошел бурный всплеск уголовной преступности всех оттенков не только на периферии, но и особенно в больших городах, где традиционно располагались крупные полицейские подразделения. В целом активные действия организованной преступности в Маньчжурии оказали огромное влияние на всю криминальную ситуацию в регионе.

Литература

1. Белоусов С.Р. Дважды перевербован // Проблемы Дальнего Востока. 1992. № 1-3.
2. Ершов Д.В. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. М., 2010. URL: <http://iknigi.net/avtor-dmitriy-ershov/42135-hunhuzy-neobyavlenaya-voyna-etnicheskiy-banditizm-na-dalнем-vostoke-dmitriy-ershov/read/page-6.html> (дата обращения: 02.05.2016).
3. Каретина Г.С. Чжан Цзолинь и политическая борьба в Китае в 20-е годы XX в. М., 1984.
4. Киселев Д.В. Связи российских подданных с китайской преступностью на Дальнем Востоке в начале XX в. // Вопросы истории. 2010. № 11.
5. Налоги в пользу хунхузов // Тихоокеанская звезда. 1925. 7 июля.
6. Полевой Е. Хунхузы // По ту сторону китайской границы. Белый Харбин. М.; Л., 1930. URL: <http://profilib.com/kniga/152401/e-polevoy-po-tu-storonu-kitayskoy-granitsy-belyy-kharbin.php> (дата обращения: 15.03.2016).
7. Смирнов С.В. Русские эмигранты и хунхузы в Маньчжурии (1920-1930-е гг.). URL: <http://www.synologia.ru/> (дата обращения: 27.04.2016).
8. Соковнин М.А. Хунхузы Маньчжурии // Военный сборник. 1903. № 12.
9. Сухачёва Г.А. Хунхузничество в Маньчжурии и Приморье: использование его разными политическими силами (20-е гг. XX в.) // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточно-азиатских цивилизаций (Пятые Крушановские чтения, 2006 г.): в 2-х т. Т. 2. Владивосток, 2008.
10. Усов В.Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М., 2002.
11. Фризендорф М. Северная Маньчжурия. Хабаровск, 1928.
12. Чуйков В.И. Миссия в Китае. Записки военного советника. М., 1981.
13. Horrible bandit outrage // Peking & Tientsin Times. 1927. June 4.

УДК 343.9

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ИЗМЕНЕНИЯ ВИДА ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ

Николай Александрович Тюфяков, адъюнкт Омской академии МВД России

E-mail: tna-1971@mail.ru

В настоящей статье на основе изученного теоретического материала и анализа нормативно-правовых актов, принятых на различных этапах развития и функционирования отечественной уголовно-исполнительной системы, прослежены истоки и предпосылки зарождения института изменения вида исправительного учреждения, а также процесс его развития, совершенствования и реформирования.

Ключевые слова: изменение вида исправительного учреждения; тюремное заключение; поощрительные институты; общественно-полезный труд; дисциплинарные меры поощрения и взыскания; исправительно-трудовое право; дифференциация карательно-воспитательного воздействия.

DEVELOPMENT OF INSTITUTE OF CHANGE THE TYPE OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS IN THE RUSSIAN PENAL-CORRECTIONAL LAW

Nikolai Aleksandrovich Tiufiakov, post graduate of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia

In the present article on the basis of the studied theoretical material and the analysis of the normative legal acts adopted at various stages of development and functioning of domestic criminal and executive system sources and prerequisites of origin of institute of change of a type of correctional facility, and also process of its development, improvement and reforming are tracked.

Keywords: change of a type of correctional facility; imprisonment; incentive institutes; socially useful work; disciplinary actions of encouragement and collecting; corrective-labor right; differentiation of retaliatory and educational influence.

В зависимости от поведения и отношения к труду, для лица, осужденного за совершение преступления к лишению свободы, отечественное уголовно-исполнительное законодательство предполагает возможность улучшать или ухудшать условия отбывания наказания в исправительных учреждениях разных видов.

В настоящее время эта возможность осуществляется в пределах одного исправительного учреждения как путем изменения осужденному администрацией исправительного учреждения одних условий отбывания наказания на другие (ст. 87 УИК РФ), так и путем перевода осужденного в другое учреждение с более легким или более строгим режимом (ст. 78 УИК РФ). Оба элемента относятся к прогрессивной системе отбывания наказания и исторически шли рядом друг с другом, пройдя ряд важных этапов, связанных с развитием пенитенциарного законодательства в XIX и начале XX в., с советским периодом создания и развития исправительно-трудового права, современным состоянием уголовно-исправительной системы.

Рассматриваемые в статье исторические этапы развития уголовно-исполнительного законодательства показывают, что исследуемые правоотношения существовали не всегда, так как цели наказания были различными.

Проблемно-хронологический подход к изучению данных этапов позволяет выделить особенности становления и развития института изменения вида исправительного учреждения и его основных критериев в российском уголовно-исполнительном праве.

Первый этап – *пенитенциарное законодательство XIX – начала XX в.*

Этот этап развития отечественной пенитенциарной системы характеризуется возрастанием роли тюремного заключения к середине XIX в. и зарождением поощрительных институтов уголовно-исполнительного законодательства. Связано это прежде всего с тем, что в российское общество стали проникать идеи либерализма.

Наиболее значимым законодательным актом начала реформы тюремной системы являлся Устав о ссыльных [2], который был принят в 1822 г., просуществовал он почти сто лет, дополнялся и перерабатывался в 1857, 1890 и 1909 гг.

Устав о ссыльных регулировал назначение и исполнение ссылки на каторжные работы и ссылки на поселение. В соответствии с § 193 Устава все заключенные распределялись на 6 разрядов в зависимости от характера совершенного преступления и трудовых навыков. Так, осужденных за значительные преступления использовали на более тяжелом производстве на заводах. Самых физически здоровых использовали при строительстве дорог, в ремесленном деле, сельскохозяйственном производстве и т.д. Осужденные инвалиды и самые слабые зачислялись в последний разряд «неспособных».

В Уставе о ссыльных впервые говорится об исправлении осужденных. При поступлении на работы все каторжане размещались по острогам и зачислялись в отряд испытуемых. Заключенные, которые подавали «надежду на исправление», перечислялись в отряд исправляющихся. Устав о ссыльных 1909 г. уже закреплял критерии исправления: доказательство покорности начальству, опрятность, воздержанность, трудолюбие осужденного, вставшего на путь исправления (ст. 96) [20].

Содержание в отряде исправляющихся существенно улучшало положение осужденного. Ему предоставлялось право на осуществление работ без оков под надзором

мастеров или заводской стражи. По окончании срока каторжных работ арестанта могли перевести в разряд поселенцев.

Ссылка постепенно становилась альтернативой длительного тюремного заключения и смертной казни, по сути, являлась изменением условий содержания заключенных, хотя и не всегда в лучшую сторону, поскольку, несмотря на определенную дифференциацию и индивидуализацию наказания, оказывала недостаточное воспитательное воздействие на осужденного.

Другим известным уголовно-исполнительным актом являлась Инструкция смотрителю губернского замка 1831 г. [7], которой регулировалось исполнение наказания в виде тюремного заключения.

Этот нормативно-правовой акт представляет интерес с точки зрения изменения подхода к труду осужденного, который рассматривался, во-первых, как элемент нравственного и духовного исправления арестанта, а во-вторых, как необходимость развития привычки трудиться, «дабы, по возвращении в недра общества, соделались они полезными сами себе и семействам своим».

Устав о содержащихся под стражей 1906 г. [19] продолжал идеи духовно-нравственного и религиозного воспитания заключенных. Осужденным выдавались книги, разрешалось чтение газет и журналов. Труд был обязательным, так как «праздный образ жизни наносит вред психике и нравственности».

Определенной новеллой пенитенциарного законодательства стало право арестанта на получение вознаграждения. Оплата его труда рассматривалась в качестве поощрения арестанта. Так, статья 359 Устава о содержащихся под стражей предполагала денежное вознаграждение арестантам, назначаемое из вырученного дохода: 1) приговоренным к заключению в тюрьме – четыре десятых части; 2) приговоренным к отдаче в исправительные арестантские отделения – три десятых; 3) осужденным к ссылке в каторжные работы – одна десятая [19, с. 298–299].

В качестве мер поощрения за примерное поведение арестанты, отличившиеся «добрым поведением, исполнением обязанностей веры и прилежанием к труду или успехами в изучении мастерства» [19, с. 260], могли быть переведены в особый отряд исправляющихся с ослаблением режима содержания. Арестанты данного отряда получали отличную от других одежду и после определенного испытания допускались к надзору за другими арестантами.

В качестве условия, запрещающего перевод в отряд исправляющихся, было закреплено изобличение арестанта в двукратном побеге или покушении на побег. Подвергнутые более двух раз телесным наказаниям могли быть переведены в отряд по истечении двух лет после последнего наказания (ст. 320). За проступки и «предание порокам» предполагался перевод из особого отряда обратно в обычные арестанты с «лишением преимуществ». Данной категории осужденных возвращение в отряд исправляющихся разрешалось по истечении трех лет (ст. 321).

Практика данного режима содержания указывает, что законодательство того времени большое внимание уделяло не только вопросам воспитания, но и моральному стимулированию к примерному поведению путем перевода в особый отряд исправляющихся и предоставления льгот. Отношение к труду начинает стимулироваться денежным вознаграждением, в этом заключается главное отличие Устава о содержащихся под стражей от действовавшего параллельно с ним Устава о ссыльных. Вместе с тем, условия содержания в тюрьмах были трудными, а управление местами заключения – очень сложным. М.Н. Гернет, характеризуя традиционную пенитенциарную политику того времени, отмечает: «Огромное число циркуляров относилось не к условиям тюремного быта, а к канцелярщине: к разнообразным формам всяких ведомостей, отчетов и справок. За этим бумажным хламом лишь очень редко выявлялась неприглядная тюремная действительность. Тюремные язвы скрывались, и о них говорилось очень сдержанно» [3, с. 24].

Наметившиеся тенденции развития рассматриваемых пенитенциарных институтов получили свое продолжение и в других нормативно-правовых актах, принимаемых государством, вплоть до 1917 г.

Рассматриваемый период с точки зрения исследуемого вопроса особенно интересен процессом применения дифференциации отбывтия наказания к осужденным и применением поощрительных институтов для стимулирования правопослушного поведения. Положительное поведение и отношение к труду выходят на первый план и начинают рассматриваться как главные показатели оценки исправления осужденного. Это говорит о начале развития правоотношений, возникающих в процессе перевоспитания и исправления осужденных, поскольку государство и общество при наказании еще не ставили таких целей.

Следующим этапом является *советский период создания и развития исправительно-трудового законодательства (с 1917 по 1991 г.)*.

Изменения социально-политической и экономической формации, связанные с появлением Советского государства – РСФСР, а в дальнейшем СССР, способствовали развитию поощрительных институтов [4], в том числе для осужденных к лишению свободы. Тенденции изменения объема карательного воздействия в большую или меньшую сторону, в зависимости от поведения осужденного, были расширены и качественно преобразованы. Советский период характеризуется становлением, развитием и укреплением законодательно рассматриваемого института.

Реформируя старую систему мест лишения свободы, Народный комиссариат юстиции РСФСР Постановлением от 23 июля 1918 г. утвердил Временную инструкцию «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового» [16].

Временная инструкция предполагала различные виды тюремного заключения, применение различных режимов и репрессивных мер, в зависимости от поведения осужденных. Так, репрессивные меры применялись «к нарушающим порядок и дисциплину и к нежелающим работать без основательных причин». В исключительных случаях, при частых рецидивах недопустимого поведения, к осужденному применялся перевод в специальную тюрьму (изолятор) с более строгим режимом (п. 3 ст. 28).

Нормы Временной инструкции «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового» были дополнены Положением «Об общих местах заключения РСФСР», утвержденным Постановлением Народного комиссариата юстиции РСФСР от 15 ноября 1920 г. [15].

В соответствии с § 47 Положения «Об общих местах заключения РСФСР» все поступающие в места заключения преступники помещались в разряд испытуемых. Во время пребывания в разряде испытуемых заключенные содержались в одиночных камерах. В случае если испытуемый в течение этого времени не обнаружил исправления, он переводился в штрафной разряд. Заключенные штрафного разряда подвергались особо строгому режиму. Обнаруживающие признаки исправления заключенные переводились в разряд исправляющихся. Заключенные разряда исправляющихся за плохое поведение переводились обратно в разряд испытуемых или штрафной разряд (§ 49).

За основу переводов бралась характеристика осужденного, в которой отражались его поведение, успехи в учебе и работе. На основании характеристики коллегия тюрьмы переводила осужденного из одного разряда в другой, а также решала вопросы о предоставлении заключенным тех или иных льгот (свидания, отпуск, досрочное освобождение) [1, с. 73].

Таким образом, в Положении «Об общих местах заключения РСФСР» приобретает четкое выражение «прогрессивная система» исполнения наказания, основу которой составляет отношение заключенного к установленному порядку отбывания наказания и его поведение. При перемещении из разряда в разряд происходит увеличение льгот и снижение карательного воздействия. Таким образом осуществлялось стимулирование

осужденных к примерному поведению – главному критерию изменения вида исправительного учреждения.

В дальнейшем вопросы изменения вида исправительного учреждения для лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, нашли свое отражение в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР, утвержденном Постановлением ВЦИК РСФСР от 16 октября 1924 г., в котором «прогрессивная система» получила свое наиболее полное выражение. Основным ее содержанием считалось распределение осужденных по исправительно-трудовым учреждениям (ИТУ) различных типов, деление в каждом ИТУ осужденных на разряды «с переводом из низших в высшие и обратно в зависимости от особенностей их личности, социального положения, мотивов и причин преступления, поведения и успехов в работах и занятиях» (ст. 7 ИТК РСФСР).

Статья 47 ИТК РСФСР, основываясь на специальных и психических особенностях личности осужденных, с учетом их поведения, предполагала ряд переводов из одних мест заключения в другие с разным режимом отбывания наказания. Так, в изоляторы специального назначения со строгой изоляцией переводились осужденные в порядке дисциплинарного взыскания (п. 4). В переходные исправительно-трудовые дома переводились заключенные, которые по отбытии части срока лишения свободы в других местах заключения обнаружили приспособленность к трудовой жизни и признаны распределительной комиссией подлежащими переводу в обстановку полусвободного режима (п. 5).

В целом положения ИТК РСФСР 1924 г. носили достаточно прогрессивный характер, поскольку аккумулировали в себе все передовые пенитенциарные идеи. На первое место выдвигались цели перевоспитания и исправления осужденного. Большое внимание уделялось стимулированию правопослушного поведения и трудовой деятельности посредством применения дифференциации на категории и применения мер поощрения и взыскания.

С принятием Положения «Об исправительно-трудовых лагерях», утвержденного Постановлением СНК СССР от 7 апреля 1930 г. [14], несмотря на политизированность происходящих в стране процессов, развитие прогрессивной системы отбывания наказания продолжилось. В лагерях устанавливалось три вида режима: первоначальный, облегченный и льготный режим. Изменение режимов происходило также в зависимости от поведения и отношения к труду заключенного.

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1933 г. [9] расширил виды мест лишения свободы. К уже существующим были добавлены: изоляторы для подсудимых, пересыльные пункты, учреждения для применения к лишенным свободы мер медицинского характера (институты психиатрической экспертизы, колонии для туберкулезных и других больных), учреждения для несовершеннолетних (школы ФЗУ индустриального и сельскохозяйственного типа). Исправительно-трудовые колонии подразделялись на фабрично-заводские, сельскохозяйственные, массовых работ и штрафные.

Особая роль принадлежала наблюдательной комиссии, создаваемой при местах лишения свободы, в функции которой входило выдвижение ходатайств перед Главным управлением о переводе заключенных в штрафную колонию или в места лишения свободы другого вида, или в более отдаленные места лишения свободы (ст. 79).

Перевод в места лишения свободы с более строгим режимом применялся как дисциплинарная мера к лишенным свободы лицам, нарушающим установленные в местах лишения свободы правила внутреннего распорядка и трудовую дисциплину (ст. 35). Осужденные направлялись, как правило, в штрафные исправительно-трудовые колонии, режим в которых определялся на основе строгой изоляции (ст. 37).

Впервые законодательно был закреплен и обратный процесс. В соответствии со ст. 82 ИТК РСФСР 1933 г., когда поведение лишенного свободы свидетельствовало об его исправлении, дисциплинарная мера могла быть с него снята по ходатайству начальника учреждения или наблюдательной комиссии. В данном случае происходил перевод в учреждение с более мягким режимом. Критериями исправления являлись особо высокие пока-

затели производительности труда на производстве, участие в политико-воспитательной работе и в других областях деятельности мест лишения свободы, а также «за ценные производственные предложения и за общественно полезную инициативу» (ст. 77).

Таким образом, ИТК РСФСР 1933 г. наряду с расширением важных законодательных положений, связанных с расширением видов мест лишения свободы, в частности колоний различных видов, вводил целенаправленный воспитательный процесс исправления осужденных. Трудовое воспитание, расширение мер поощрения и взыскания были призваны закрепить идеологическую направленность этого процесса. Изменение вида исправительного учреждения, так называемый перевод, законодательно выглядел как мера поощрения или взыскания.

В Постановлении Совета министров СССР от 8 декабря 1958 г. № 1334 «Об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах Министерства внутренних дел СССР» [12] определялись основные задачи мест лишения свободы, средства воздействия на осужденных, меры поощрения и взыскания. Были определены три вида режима отбывания наказания: общий, строгий и облегченный.

Основными местами отбытия наказания стали исправительно-трудовые колонии общего, облегченного, строгого режимов и тюрьмы.

Основными исправительно-трудовыми учреждениями были колонии общего режима. В колонии направлялись осужденные к общему режиму по приговору суда, а также переведенные в целях исправления и перевоспитания из колоний строгого или облегченного режима или из тюрем.

При хорошем поведении и добросовестном отношении к труду осужденные по отбытии не менее одной трети срока наказания могли быть переведены в колонию облегченного режима. А в случае нарушения дисциплины, они переводились в колонию строгого режима или в тюрьму.

Таким образом, явным изменением условий содержания осужденных были переводы в исправительно-трудовые колонии облегченного режима. Заключение в данных учреждениях содержались в жилых зонах под надзором администрации, следовать на работы могли без сопровождения, им разрешалось пользоваться личными вещами, приобретать по безналичному расчету продукты и промышленные товары без ограничения, свидания и переписка также не ограничивались. Был установлен заработок в соответствии с тарифами и окладами. Вместе с тем предполагалось, что в случае нарушения дисциплины, осужденные исправительно-трудовых колоний облегченного режима могли быть переведены в колонии общего и строго режима.

При примерном поведении и добросовестном отношении к труду осужденным, при отбытии не менее одного года с момента помещения в колонию строго режима, разрешался перевод в колонию общего режима.

Злостно нарушающие режим осужденные подлежали переводу в тюрьму. В тюрьмы также направлялись наиболее опасные преступники, осужденные к тюремному заключению. Устанавливалось два вида режима: общий и строгий. Строгий режим применялся к осужденным, злостно нарушающим установленный в тюрьме порядок, и к переведенным из исправительно-трудовых колоний за нарушение дисциплины.

За примерное поведение, по отбытии не менее одной трети наказания, тюремное наказание могло быть заменено на оставшийся срок лишения свободы в исправительно-трудовой колонии (п. 40).

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июня 1963 г. «Об организации исправительно-трудовых колоний-поселений и о переводе в них осужденных, твердо вставших на путь исправления» [8] система мест лишения свободы была дополнена еще одним видом – колониями-поселениями. Указом были установлены значительные ограничения в условиях перевода в колонии-поселения лиц, содержащихся в колониях общего, усиленного и строгого режимов. Осужденные должны были не только твердо встать на путь исправления, но и отбыть две трети срока наказания.

Законодательное разграничение переводов из исправительно-трудовых учреждений в другие колонии аналогичного вида и изменение вида исправительного учреждения для лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, произошло с принятием Закона СССР от 11 июля 1969 г. № 4074-VII «Об утверждении Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик» [11].

Особенностью данного нормативно-правового акта являлось введение института изменения условий содержания осужденных. Статья 22 Основ исправительно-трудового законодательства определяла, что «в зависимости от поведения и отношения к труду условия содержания осужденных могли быть изменены как в пределах одного исправительно-трудового учреждения, так и путем перевода в другие исправительно-трудовые учреждения с иным режимом содержания». В первом случае условия содержания осужденных могли быть изменены по постановлению начальника исправительного учреждения, а во втором – только в судебном порядке.

Изменение вида исправительного учреждения осуществлялось по отбытии установленного срока, в порядке поощрения за хорошее поведение и честное отношение к труду и обучению (ст. 33). Для осужденных был предусмотрен перевод из одной колонии в другую колонию иного вида режима, из колонии в тюрьму, а также из тюрьмы в колонию.

Не подлежали переводу в колонию-поселение особо опасные рецидивисты; лица, осужденные за особо опасные государственные преступления; лица, которым наказание в виде смертной казни заменено лишением свободы в порядке помилования или амнистии; лица, которым наряду с наказанием за совершенное преступление назначены меры принудительного лечения от алкоголизма или наркомании, а также не прошедшие полного курса лечения венерического заболевания [11].

В качестве мер взыскания (ст. 34) злостные нарушители требований режима отбывания наказания могли быть представлены к переводу для отбывания наказания из колонии-поселения в исправительно-трудовую колонию того вида режима, который им ранее был определен судом, а лица, осужденные за преступления, совершенные по неосторожности, с направлением в колонию-поселения для лиц, совершивших преступления по неосторожности, и лица, осужденные за умышленные преступления с направлением в колонию-поселения для лиц, совершивших умышленные преступления, – в колонию общего режима; осужденные, переведенные из колонии особого режима в колонию строгого режима, – в колонию особого режима; из исправительно-трудовой колонии – в тюрьму на срок не свыше трех лет с отбыванием оставшегося срока наказания в колонии; из воспитательно-трудовой колонии общего режима – в воспитательно-трудовую колонию усиленного режима [11].

С принятием Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик и исправительно-трудовых кодексов союзных республик, а также с учетом ряда предписаний уголовного законодательства возникла возможность говорить не только о прогрессивной системе исполнения лишения свободы, но и о прогрессивной системе исполнения уголовных наказаний [17].

19 декабря 1970 г. был утвержден и 1 июля 1971 г. вступил в действие новый Исправительно-трудовой кодекс РСФСР [10]. Он последовательно повторял положения Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик.

В нем были определены следующие виды исправительно-трудовых учреждений: исправительно-трудовые колонии (общего, усиленного, строгого и особого режимов, колонии-поселения); тюрьмы (общего и строго режимов); воспитательно-трудовые колонии (общего и строго режимов).

Следуя канонам прогрессивной системы отбывания наказаний, ИТК РСФСР было предусмотрено изменение условий содержания лиц, осужденных к лишению свободы, в зависимости от поведения и отношения к труду. Условия содержания осужденных могли изменяться как в пределах одного исправительного учреждения, так и путем перевода в другие исправительные учреждения (ст. 21). Перевод осужденных из одной колонии

в другую иного вида режима, из колонии в тюрьму, а также из тюрьмы в колонию мог быть произведен только судом как мера поощрения или взыскания. Строго регламентировался и срок, после отбытия которого осужденный мог быть представлен к переводу. Так, осужденные, твердо вставшие на путь исправления, могли быть представлены к дальнейшему переводу из исправительно-трудовой колонии общего, усиленного и строго режимов в колонию-поселение по отбытии не менее одной трети срока.

Основополагающими средствами исправления и перевоспитания осужденных новый ИТК РСФСР называл: режим отбывания наказания, общественно полезный труд, политико-воспитательную работу, общеобразовательное и профессионально-техническое обучение осужденных.

Таким образом, ИТК РСФСР 1970 г. имел достаточно эффективную систему поощрительных институтов, которые в целом обеспечивали на тот момент исполнение уголовно-исполнительного законодательства. Развитие рассмотренных институтов в целом дало положительный импульс к демократическим преобразованиям и нововведениям, заложенным в Уголовно-исполнительный кодекс 1997 г., а также позволило шире использовать современные педагогические и психологические аспекты достижения целей и задач современного российского уголовно-исполнительного законодательства – исправление осужденных и предупреждение новых преступлений.

Современный период развития пенитенциарного права.

В начале 90-х гг. XX в., после распада СССР, Россия, вступив на путь рыночных отношений [5], начала реформирование уголовно-исполнительного законодательства и уголовно-исполнительной системы в целом. В 1997 г. был принят новый Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее – УИК РФ) [18].

В ходе реализации положений нового кодекса произошли значительные изменения всей системы исполнения уголовных наказаний. В соответствии с Указом Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 1314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [13] была создана подведомственная Министерству юстиции Федеральная служба исполнения наказаний.

УИК РФ, используя вектор общей гуманизации исполнения наказаний, обеспечил соблюдение всех прав и гарантий человека при отбытии им наказания за уголовное преступление.

В главе 11 «Общие положения исполнения наказаний в виде лишения свободы» вопросам изменения вида исправительного учреждения посвящена статья 78, регламентирующая весь спектр применения данного института по принципу действия «социальных лифтов». Указанная статья, наряду с другими поощрительными институтами, предусматривает критерии изменения вида исправительного учреждения осужденному в зависимости от его поведения и отношения к труду в течение всего периода отбывания наказания.

В настоящее время процесс исполнения наказаний в части исправления осужденного проходит комплексно, в сочетании правового, социально-психологического и педагогического аспектов. Обеспечивается это прежде всего принципами уголовно-исполнительного законодательства, закрепленными в ст. 8 УИК РФ: «законности, гуманизма, демократизма, равенства осужденных перед законом, дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения, соединения наказаний с исправительным воздействием» [18].

Труд осужденных как составляющая часть рассматриваемого института стал регулироваться нормами трудового законодательства: продолжительность рабочего времени строго регламентирована законом, обеспечивается техника безопасности, соблюдаются санитарные условия на производствах, время привлечения осужденных к труду теперь входит в общий трудовой стаж. Отношение к труду рассматривается не как увеличение объемов выработки на производстве, а как стремление трудиться.

Как средство формирования примерного поведения осужденных иные черты приобрела и воспитательная работа в местах лишения свободы. Законом определены формы и методы этой работы. В соответствии со ст. 109 УИК РФ целью этой работы должно стать формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу и труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития. Воспитательная работа с осужденными проводится с учетом индивидуальных особенностей личности, характера осужденных и обстоятельств совершенного преступления.

Наряду с совершенствованием механизма воспитательной работы с осужденными расширяются и их образовательные возможности в условиях заключения. Они не только продолжают свое обучение (в том числе в рамках получения высшего образования), но и приобщаются к религии [6].

Придерживаясь четкой дифференциации карательно-воспитательного воздействия путем реализации изменения объема правоограничений в большую или меньшую сторону при переводе из одного исправительного учреждения в другое, институт изменения вида исправительного учреждения выходит на ключевое место всего уголовно-исполнительной права, так как служит общим целям исполнения наказания – исправлению осужденных.

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. Период развития пенитенциарного законодательства XIX – начала XX в. в России в целом характеризуется усилением роли тюремного заключения и появлением принципа дифференциации осужденных на разряды (исправляемые – исправляющиеся). Тенденции замены одного наказания другим обуславливаются экономическими условиями: необходимостью трудоемких работ и освоением новых земель путем ссылки. Постепенное смягчение наказания и закрепление института изменения осужденным условий отбывания тюремного наказания за примерное поведение и отношение к труду свидетельствуют о перемене подходов к процессу отбывания наказаний в виде лишения свободы. Однако изменение условий отбывания наказания рассматривается еще как дисциплинарная мера. Происходит повышение роли исправительной функции труда.

2. При становлении Советского государства выделяется этап возникновения и развития исправительно-трудового права и действия исправительно-трудовых кодексов союзных республик. Приоритетной становится задача исправления осужденных. На первый план выходит принцип индивидуализации наказания. Труд осужденных, условия режима и культурно-воспитательная работа являются основными средствами для их исправления, а поведение осужденного – основным критерием оценки его личности. Таким образом, закладываются основы прогрессивной системы отбывания наказания. Это позволяет прийти к выводу, что как система институт изменения вида исправительного учреждения для лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в полном объеме сформировался только во второй половине XX в. Вместе с тем, непосредственное изменение вида исправительного учреждения трактовалось только как перевод осужденных в другое место заключения.

3. Законодательное разграничение переводов осужденных в учреждения аналогичного вида и изменение вида исправительного учреждения произошло с принятием в 1969 г. Закона СССР «Об утверждении Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик».

ИТК РСФСР 1970 г. уже содержал основания для изменения вида исправительного учреждения осужденным как в сторону ослабления режима содержания, так и в сторону усиления карательного воздействия. Однако по-прежнему рассматривает этот институт как меру поощрения или взыскания.

4. В настоящее время сочетание методов прогрессивной системы отбывания уголовных наказаний и использование исторического опыта позволяет говорить о самостоятельности института изменения вида исправительного учреждения для лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы (ст. 78 УИК РФ). В то же время, являясь

субинститутом системы современных поощрительных институтов, он занимает одно из ключевых мест уголовно-исполнительной системы государства и служит важнейшим стимулятором правопослушного поведения осужденных. Приоритетными задачами современного уголовно-исполнительного законодательства в контексте рассматриваемого вопроса являются совершенствование правоотношений, возникающих вследствие изменения вида исправительного учреждения, а также поиск новых стимулов правопослушного поведения осужденных.

Литература

1. Быков А.В. Становление и развитие пенитенциарной системы в Западной Сибири в 1920-е гг. Омск: Омская академия МВД России, 2011.
2. Высочайше утвержденный Устав о ссыльных от 22 июля 1822 г. № 29128 // Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. Собр. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXXVIII.
3. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 3. М.: Юрид. лит., 1952.
4. Дизер О.А. Административно-правовые основы предупреждения и пресечения полицией проституции и правонарушений, ей сопутствующих. М., 2013.
5. Дизер О.А. Правовые и организационные проблемы противодействия правонарушениям в области общественной нравственности // Административное право и процесс. 2012. № 6.
6. Зверев В.О. Духовность как важная категория нравственного воспитания вузовской молодежи: новый взгляд на старую проблему // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2009. № 1.
7. Лопато Т.М. Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. Пермь, 1903. URL: http://vipbook.info/uploads/posts/2016-03/1459036968_lopato-t.m.-sbornik-uzakoneniya-i-rasporuyazheniy-po-tyuremnoy-chasti.html.
8. Об организации исправительно-трудовых колоний-поселений и о порядке перевода в них осужденных к лишению свободы, твердо вставших на путь исправления: указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июня 1963 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР: постановление Всесоюзного центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР от 1 августа 1933 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР: закон РСФСР от 18 декабря 1970 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. Об утверждении Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик: закон СССР от 11 июля 1969 г. № 4074-VII. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. Об утверждении Положения об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах Министерства внутренних дел СССР: постановление Совета министров СССР от 8 декабря 1958 г. № 1334 // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 601. Л. 318-329.
13. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти: указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 1314 // Российская газета. 2004. 12 марта.
14. Положение об исправительно-трудовых лагерях: утверждено Советом народных комиссаров СССР 7 апреля 1930 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 54. Л. 52-66. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. Положение об общих местах заключения РСФСР: постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР от 15 ноября 1920 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
16. Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959 гг.): история законодательства / сост. П.М. Лосев, Г.И. Рагулин. М.: Госюриздат, 1959.
17. Ткачевский Ю.М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М.: Городец, 2007.
18. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 28.11.2015) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
19. Устав о содержащихся под стражею, по продолжении 1906 года (XIV том Св. Зак.). Со всеми узаконениями и распоряжениями правительства по тюремной части, последовавшими по 1 января 1909 года. / сост. А.Н. Рябчиков. СПб.: Изд. юрид. книж. магазина Н.К. Мартынова, 1909. Доступ из СПС «Гарант».
20. Устав о ссыльных (изд. 1909 г.) // Свод законов Российской империи. Кн. 4. Т. XIV / под ред. А.А. Добровольского. Изд. 2-е. СПб.: Юрид. книж. магазин И.И. Зубкова, 1913. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14.5.htm>.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 34.096

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ТЕРМИНОВ «ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ», «ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ» И «МЕРЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ»

Виктор Николаевич Бойко, профессор кафедры доктор юридических наук, профессор;
Ирина Александровна Симакина, доцент кафедры кандидат юридических наук, доцент
(Дальневосточный юридический институт МВД России)
E-mail: ugpravodvui@mail.ru
jazimina@inbox.ru

В статье рассматриваются вопросы соотношения таких понятий, как «профилактика», «предупреждение правонарушений» и «меры административного предупреждения» в связи с принятием Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Анализируются выявленные несоответствия и предлагается авторское определение этих терминов.

Ключевые слова: правонарушение; профилактика; предупреждение; меры предупреждения; меры принуждения; надзор.

BY THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP OF THE TERM «CRIME PREVENTION», «PREVENT OFFENSES» AND «ADMINISTRATIVE MEASURES WARNINGS»

Viktor Nikolaevich Boyko, chair professor Doctor of Law, Professor;
Irina Aleksandrovna Simakina, chair associate professor *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor
(Far Eastern Law Institute of Internal Affairs of the Russia)

The article deals with the relation of such concepts as «prevention», «prevention of crime» and «administrative warning measures» in connection with the adoption of the Federal Law «On the basics of crime prevention in the Russian Federation». Analyzes revealed inconsistencies and offers the author's definition of these terms.

Keywords: crime; prevention; warning; prevention measures; enforcement; oversight.

Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 10 июня 2016 г. принят Федеральный закон «Об основах системы профилактики в Российской Федерации» [3].

В связи с этим необходимо отметить, что, во-первых, принятие такого рода закона является своеобразной новеллой российского законодательства, а, во-вторых, вступление в силу отдельных его положений вызывает ряд вопросов, разобраться в сути которых мы бы и хотели в данной публикации.

Итак, начнем с анализа самого документа. Структура закона вполне логична и традиционна – имеются пять глав, объединяющие тридцать четыре статьи и содержащие общие положения, полномочия, права и обязанности субъектов профилактики правонарушений и лиц, участвующих в профилактике правонарушений, виды профилактики правонарушений и формы профилактического воздействия, организационные основы функционирования системы профилактики правонарушений и заключительные положения.

В статье 2 Федерального закона «Об основах системы профилактики в Российской Федерации» раскрываются основные понятия, среди них дается определение термина «профилактика правонарушений», под которой понимается «совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения». Далее в статье 6 приводятся основные направления профилактики правонарушений, среди которых называется, в частности, предупреждение правонарушений. Исходя из данных положений, мы, таким образом, можем сделать вывод, что предупреждение правонарушений как группа мер является понятием более узким, чем профилактика правонарушений, и полностью включается в определение последних. Однако такое же сочетание можно отметить и по отношению к термину «меры административного предупреждения». Значит, в теории меры профилактики правонарушений и меры административного предупреждения можно считать равнозначными терминами? Для того чтобы в этом разобраться, мы решили обратиться к существовавшему уже более двух десятилетий мнению относительно понятия и содержания термина «меры административного предупреждения» [1, с. 154].

В соответствии с рассматриваемой точкой зрения меры предупреждения относятся к числу методов управления, т.е. являются способами и средствами правового принуждения, которые гарантируют, а при необходимости обеспечивают соблюдение и исполнение правил поведения, содержащихся в административно-правовых и иных нормах права. Административное принуждение как метод управления состоит в психическом, материальном или физическом воздействии на сознание и поведение людей, однако подчеркивается, что административное принуждение, применяемое в управленческой деятельности, не имеет цели причинить личности физические страдания или унижить ее достоинство, но вместе с тем оно не лишено устрашающего и карательного свойств. То есть мы видим, что, исходя из характера воздействия, профилактика правонарушений как термин не может быть равнозначной определению административного принуждения и, как следствие, определению мер предупреждения, так как не имеет своей целью наказание. Возможно, это связано с тем, что к мерам административного принуждения традиционно относят не только меры предупреждения, но и иные группы мер, так как меры административного принуждения могут применяться и к лицам, не совершившим правонарушений (например, в целях предупреждения правонарушений, наступления общественно опасных последствий при стихийных бедствиях, эпидемиях, эпизоотиях), и к правонарушителям.

Таким образом, различие рассматриваемых терминов проявляется ввиду того, что, исходя из целей использования, способов обеспечения правопорядка и общественной безопасности, специфики возникающих при этом правоотношений и особенностей применяемых мер административного принуждения, последние подразделяются на четыре группы: меры административного предупреждения; меры административного пресечения; меры административно-процессуального обеспечения; меры административного наказания. Следовательно, чтобы разобраться в сути вопроса, нам необходимо рассмотреть более подробно понятие и сущность мер административного предупреждения.

Мы уже упоминали, что меры административного предупреждения используются субъектами их применения в целях предотвращения фактов правонарушений и наступления обстоятельств, угрожающих безопасности граждан. Таким образом, можно согласиться с мнением о том, что «... они выступают в качестве ограничений административно-правового характера, административно-побудительных действий в отношении того или иного физического, должностного и юридического лица ...» [1, с. 155].

Таким образом, поскольку законодательно закрепленного определения меры предупреждения не имеют, то, по нашему мнению, можно использовать следующую трактовку: «под мерами административного предупреждения понимают способы и средства, направленные на предупреждение правонарушений и недопущение их отрицательных, вредных последствий, а также на предотвращение наступления обстоятельств, угрожающих жизни и безопасности граждан или нормальной деятельности государственных органов, предприятий, учреждений и организаций» [1, с. 155]. И если исходить из этого определения, то можно повторно заключить, что профилактика правонарушений не является равнозначной термину «меры административного предупреждения».

В качестве промежуточного вывода можно заключить, что термин «предупреждение правонарушений» является наиболее узким из рассматриваемых определений и полностью поглощается такими категориями, как «профилактика правонарушений» и «меры административного предупреждения». При этом последние два понятия не являются взаимозаменяемыми и не дублируют друг друга.

Однако при повторном обращении к Федеральному закону «Об основах системы профилактики в Российской Федерации», для подтверждения этого тезиса, у нас вновь возникли вопросы. Так, исходя из положений ст. 15, 16, 17, 21 и 23 закона, профилактика правонарушений имеет два вида – общую профилактику и индивидуальную. При этом последний вид может осуществляться с применением специальных мер профилактики в таких формах, например, как правовое просвещение и правовое информирование, профилактическая беседа, профилактический учет, внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения, профилактический надзор, социальная адаптация, ресоциализация и т.д. Отсюда можно предположить, что под профилактикой правонарушений понимается более широкая совокупность мер, чем указано в определении, данном в ст. 2 рассматриваемого закона. Для обоснования данного мнения рассмотрим некоторые из предложенных форм профилактического воздействия более подробно.

Внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения, как форма профилактического воздействия практически дословно повторяет ст. 29.13 КоАП РФ, за тем исключением, что в первом случае говорится о возможности внесения представления при выявлении причин и условий как преступлений, так и административных правонарушений, а во втором случае только последних.

Согласно существующим научным точкам зрения, устранение причин и условий совершения правонарушений – это пример одной из мер административного предупреждения, поскольку, несмотря на то, что выявляются обстоятельства, в прошлом уже способствовавшие противоправному деянию, однако основной целью является предотвращение совершения нового правонарушения. Таким образом, мы можем относить деятельность по выявлению и устранению причин и условий, способствовавших совершению правонарушений, сразу к двум из рассматриваемых понятий – и к профилактике правонарушений (как это закреплено законодательно), и к мерам административного предупреждения (как это следует из научной литературы). Но, как мы указали выше, исходя из приведенного в законе определения [4], формы профилактического воздействия, в отличие от мер предупреждения, не имеют карательной направленности. Обеспечение же действия нормы об обязательности исполнения внесенного представ-

ления об устранении причин и условий, способствовавших совершению правонарушения, реализуется посредством государственного принуждения, например, введением ответственности по ст. 19.6. КоАП РФ «Непринятие мер по устранению причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения».

Следующая из указанных в законе форм, которую мы бы хотели рассмотреть более подробно, – профилактический надзор. Он, согласно ст. 23 Федерального закона «Об основах системы профилактики в Российской Федерации», состоит в наблюдении за поведением лица, состоящего на профилактическом учете, и соблюдением им ограничений, установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В научной литературе и в Федеральном законе «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [2] рассматривается схожий термин – административный надзор – как одна из мер административного предупреждения. Под административным надзором при этом понимается осуществляемое органами внутренних дел наблюдение за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом в соответствии с указанным федеральным законом временных ограничений его прав и свобод, а также за выполнением им обязанностей, предусмотренных настоящим федеральным законом.

В данном случае мы вновь наблюдаем внешнее сходство терминов при внутреннем их противоречии, обусловленном необходимостью применения государственного принуждения при осуществлении и административного, и профилактического надзора. И если для эффективной реализации административного надзора механизм разработан и включает в себя ряд мер принуждения (например, возможность привлечения к ответственности лиц, не соблюдающих ограничений и не выполняющих обязанностей, установленных при административном надзоре (ст. 19.24 КоАП РФ), то для реализации профилактического надзора механизма еще нет. Кроме того, включение в такой механизм каких-либо мер принуждения видится нам необоснованным в силу закрепленного определения профилактики правонарушений, которое исключает, как мы уже говорили, какое-либо принуждение вообще.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что если профилактика правонарушений направлена на предотвращение только преступлений и административных правонарушений, то группа мер административного предупреждения призвана упреждать и наступление обстоятельств, угрожающих жизни и безопасности граждан или нормальной деятельности государственных органов, предприятий, учреждений и организаций.

Таким образом, нам представляется, что принятие Федерального закона «Об основах системы профилактики в Российской Федерации» является актуальным, так как, действительно, до принятия данного закона не существовало какого-либо нормативно закрепленного определения для целой группы мер – мер предупреждения или профилактики. Кроме того, при отсутствии единого определения не представлялось возможным и объединение в одном нормативном правовом акте всех видов мер предупреждения, как, например, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях закреплены меры административной ответственности или меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

Указанный закон призван был устранить данный пробел, однако приведенное в нем определение мер профилактики, на наш взгляд, нуждается в доработке. Мы полагаем, что более уместным было бы описание мер профилактики правонарушений, взяв при этом за основу определение термина «меры административного предупреждения», добавив в него возможность применения профилактических методов и для предотвращения преступлений, исключив возможность применения таких мер в других случаях, не охваченных действиями по совершению правонарушений.

В качестве примера приведем авторское определение: «Профилактика правонарушений – совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий,

способствующих совершению правонарушений, недопущение отрицательных последствий преступлений и административных правонарушений, оказание воспитательного воздействия, а в предусмотренных законом случаях – применение принудительных предупредительных мер в целях недопущения нарушения норм права отдельными лицами».

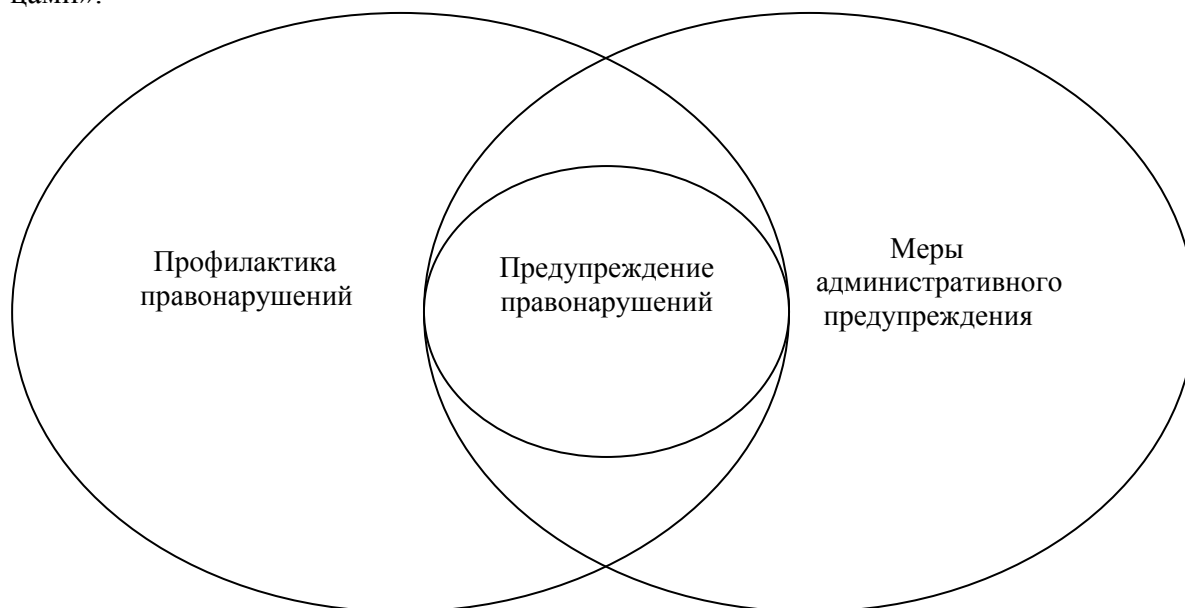


Схема взаимосвязи понятий «профилактика правонарушений», «предупреждение правонарушений», «меры административного предупреждения»

Данное определение, на наш взгляд, поможет устранить существующие разногласия между определением терминов «профилактика правонарушений» и «меры административного предупреждения», поскольку при внесении соответствующих изменений будет прослеживаться логическая связь – наиболее обширным станет определение «профилактика правонарушений», в которое частично будет входить определение «меры административного предупреждения» и полностью определение «предупреждение правонарушений».

Литература

1. Корнев А.П. Административное право России. М., 1999.
2. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ // Российская газета. 2011. 8 апреля.
3. Об основах системы профилактики в Российской Федерации: федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Российская газета. 2016. 28 июня.

УДК 342.922

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ВОЗМЕЩЕНИИ
ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЮ ГРАЖДАН
АДМИНИСТРАТИВНЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЕМ В ОБЛАСТИ
БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ**

Елена Владимировна Елфимова, начальник кафедры
кандидат юридических наук;

Юлия Шарифулловна Никонова, адъюнкт
(Уральский юридический институт МВД России)

E-mail: Elfimovaav@mail.ru
uliy-nikonova@mail.ru

В статье анализируется порядок возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью потерпевших в результате дорожно-транспортного происшествия, и проблемы, с которыми сталкиваются потерпевшие при реализации указанного права. Обосновывается вывод о необходимости приведения Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» в соответствие с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие; возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью.

**SOME PROBLEMS ARISING IN THE REPARATION
OF HARM CAUSED TO LIFE AND HEALTH OF CITIZENS
ADMINISTRATIVE OFFENCE IN THE FIELD OF ROAD SAFETY**

Elena Vladimirovna Elfimova, chair head *kandidat nauk*, degree in Law;
Yulia Sharifullovna Nikonova, post graduate
(Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia)

The article examines the procedure of compensation of harm, caused to life and health of victims of road traffic accident and the problems faced by the victims during the implementation of the law. The conclusion about the necessity of bringing the Federal law «About obligatory insurance of a civil liability of owners of vehicles» in accordance with the Code of the Russian Federation about administrative offences.

Keywords: traffic accident; compensation of damage, caused to life and health.

В России ежегодно увеличивается количество автотранспортных средств, что приводит к росту числа дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) и причинению в результате их совершения вреда жизни и здоровью граждан*. Одной из мер, призванных обеспечить безопасность в сфере дорожного движения, следует рассматривать обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств. Обязательное страхование направлено на минимизацию негативных последствий дорожно-транспортных происшествий и гарантирует обеспечение прав и законных интересов потерпевших. Однако при реализации норм Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее – Закон об ОСАГО) [4] потерпевшие сталкиваются с непреодолимыми

* Официальный сайт Госавтоинспекции МВД России 2007–2016 гг. URL: <http://www.gibdd.ru/stat/> (дата обращения: 18.05.2016).

на сегодняшний день проблемами, а правоприменитель – с определенными сложностями организационного и нормативного характера.

Наряду с Законом об ОСАГО порядок возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью потерпевшего в результате ДТП, регулирует Гражданский кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном» (далее – Закон об ОСГОП) [5].

По договору страхования ответственности владельцев транспортных средств, страховщик принимает на себя обязанность возместить ущерб, нанесенный страхователем при эксплуатации автотранспортных средств третьим лицам. Гарантированность возмещения вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу потерпевших, в установленных законодательством пределах является одним из основных принципов Закона об ОСАГО (ст. 3), а также Закона об ОСГОП (ст. 4).

Важно, что в указанных законах закреплён перечень лиц, которые могут быть признаны потерпевшими. Так, Законом об ОСАГО потерпевшим признается лицо, жизни, здоровью или имуществу которого был причинен вред при использовании транспортного средства иным лицом, в том числе пешеход, водитель транспортного средства, которым причинен вред, и пассажир транспортного средства – участник дорожно-транспортного происшествия (ст. 1). По Закону об ОСГОП, под потерпевшими понимается более узкий круг граждан, а именно пассажир, жизни, здоровью и имуществу которого причинен вред, а также дети, которые следуют вместе с пассажиром и жизни или здоровью которых при перевозке причинен вред независимо от того, признаются ли они пассажирами (ст. 3).

При наступлении страхового случая потерпевший имеет право на возмещение вреда, причиненного его жизни и здоровью [1, ст. 931; 4, ст. 11; 5, ст. 13]. Однако, став участником общественных отношений в сфере административно-правового регулирования обязательного страхования, потерпевший не может в полной мере реализовать указанное право из-за несовершенства законодательства, действующего в данной области. Рассмотрим проблемы, с которыми сталкиваются потерпевшие.

Первая проблема появляется при оформлении дорожно-транспортного происшествия. Так, в соответствии с требованиями Правил дорожного движения Российской Федерации [9] (далее – ПДД) ДТП, в результате которого пострадали люди, может быть оформлено только с участием уполномоченных на то сотрудников полиции, в отличие от ДТП, в результате которого люди не пострадали [9, п. 2.5]. При этом процедура оформления ДТП с пострадавшим происходит, как правило, в отсутствие самого пострадавшего и представляет собой более сложный и трудоемкий процесс, что обусловлено необходимостью:

- проведения первоначальных проверочных действий на месте ДТП, предусмотренных приказом МВД России от 2 марта 2009 г. № 185 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения» [6] (далее – Административный регламент), а именно установление водителей, свидетелей, транспортных средств, которые участвовали в ДТП, других причастных к нему лиц; принятие мер к сохранности вещественных доказательств, следов, имущества и других предметов; принятие мер по розыску водителя, скрывшегося с места ДТП; установление причин и условий, способствовавших совершению ДТП; организация движения транспорта в объезд места ДТП и проведение аварийно-спасательных работ; принятие мер к обозначению и ограждению опасных мест; определение числа пострадавших, оценка тяжести их состояния, вызов «скорой медицинской помощи», а при необходимости – сотрудников Министерства Российской Федерации по делам граж-

данской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и до их прибытия оказание пострадавшим первой помощи, при необходимости, организация доставки пострадавших в ближайшее медицинское учреждение, выяснение данных о пострадавших [6, п. 210, 211, 213];

- составления схемы места совершения административного правонарушения [6, п. 214], производства осмотра места совершения административного правонарушения [3, ст. 28.1.1; 6, п. 220–226], письменного опроса участников и свидетелей дорожно-транспортного происшествия [6, п. 215], направления водителей (участников ДТП) на медицинское освидетельствование на состояние опьянения [3, ст. 27.12; 6, п. 136–137.6].

Проведение указанных выше мероприятий в отсутствие потерпевшего не в полной мере достигает задач производства по делам об административных правонарушениях, определенных ст. 24.1 КоАП РФ, поскольку другие участники ДТП, заинтересованные в исходе дела, как правило, предоставляют сведения, на основе которых невозможно обеспечить всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств дела. Впоследствии, в ходе осуществления административного расследования, правоприменители вынуждены повторно выполнять указанные мероприятия с участием потерпевшего в целях достижения названной задачи [2], что увеличивает время и трудозатраты на совершение процессуальных действий. Однако отводимый законодательством шестимесячный срок административного расследования определен в том числе и с учетом возможности возникновения описанных ситуаций и не нуждается в корректировке.

Вторая проблема связана с тем, что после оформления ДТП, в случае если потерпевший намерен воспользоваться своим правом на страховую выплату, он обязан при первой возможности уведомить страховщика о наступлении страхового случая и в кратчайшие сроки направить страховщику заявление о страховой выплате и документы, предусмотренные Правилами обязательного страхования: документы, выданные и оформленные медицинской организацией, в которую был доставлен или обратился самостоятельно потерпевший, с указанием характера полученных потерпевшим травм и увечий, диагноза и периода нетрудоспособности; заключение судебно-медицинской экспертизы о степени утраты профессиональной трудоспособности, а при отсутствии профессиональной трудоспособности – о степени утраты общей трудоспособности (в случае наличия такого заключения); справку о дорожно-транспортном происшествии, выданную подразделением полиции; копии протокола об административном правонарушении, постановления по делу об административном правонарушении или определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении [10, п. 3.10, 4.1].

Однако по факту ДТП, в результате которого причинен вред здоровью потерпевшего, уполномоченными на то сотрудниками Госавтоинспекции выносятся определение о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования по признакам состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.24 КоАП РФ, что обусловлено необходимостью проведения судебно-медицинской экспертизы в целях установления вреда, причиненного здоровью потерпевшего [3, ст. 28.7].

Срок проведения административного расследования по указанному составу административного правонарушения может быть продлен до шести месяцев [3, ст. 28.7]. Таким образом, у потерпевшего отсутствует объективная возможность предоставить страховщику в кратчайший срок копию протокола об административном правонарушении либо копию постановления по делу об административном правонарушении, поскольку любое из двух решений может быть вынесено только по окончании административного расследования.

Предоставление в кратчайший срок страховщику документов, выданных и оформленных медицинской организацией, а также заключения судебно-медицинской

экспертизы также не всегда возможно. Речь идет о случаях, когда потерпевший после получения травмы находился на стационарном лечении, при этом нередко в тяжелом болезненном состоянии либо в состоянии комы.

В связи с этим считаем целесообразным дополнить список документов, предоставляемых страховщику, определением о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования, что позволит потерпевшему, не дожидаясь окончания административного расследования, обратиться к страховщику, а сроки предоставления медицинской документации и заключения судебно-медицинского эксперта соотнести со сроками проведения административного расследования таким образом, чтобы указанные документы могли быть предоставлены по окончании административного расследования, поскольку сроки проведения административного расследования напрямую зависят от сроков производства судебно-медицинской экспертизы.

Анализируя законодательство в части предоставления документов для получения страхового возмещения (страховой выплаты), думается, что более соответствующим реалиям сегодняшнего дня, на наш взгляд, является Закон об ОСГОП. Так, в соответствии с Правилами оформления документов для получения страхового возмещения потерпевшему (выгодоприобретателю) помимо общего списка документов достаточно предоставить один документ, составленный представителем органа внутренних дел, – справку о дорожно-транспортном происшествии, после этого у потерпевшего возникает право на получение страховых выплат [7, п. 2].

Третья проблема связана со своевременностью получения страховой выплаты. Причитающаяся потерпевшему страховая выплата за причинение вреда его здоровью в результате дорожно-транспортного происшествия осуществляется в счет возмещения расходов, связанных с восстановлением здоровья потерпевшего (с учетом дополнительных расходов на медицинскую реабилитацию, приобретение лекарственных препаратов, протезирование, ортезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение и прочие расходы) и с восстановлением утраченного им заработка (дохода) в связи с причинением вреда здоровью в результате дорожно-транспортного происшествия [4, ст. 12], то есть после того как пострадавший закончит лечение и понесет расходы. Но в большинстве случаев выплаты нужны пострадавшим в процессе лечения, что связано с медицинскими услугами, которые пострадавший не всегда может получить по полису обязательного медицинского страхования. Законом об ОСГОП на такой случай предусмотрена предварительная выплата, которая составляет 100 тыс. руб. Выплачивается она в счет выплаты страхового возмещения в случае причинения вреда жизни потерпевшего, а также в случае наличия одного из квалифицирующих признаков причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего в течение трех рабочих дней с момента получения заявления выгодоприобретателя и представления необходимых документов [5, ст. 15; 7].

Однако возможность получения предварительной выплаты Законом об ОСАГО не предусмотрена. Поэтому в целях уравнивания требований законодательства в части реализации указанной возможности считаем необходимым дополнить Закон об ОСАГО нормами, предусматривающими введение процедуры получения предварительной выплаты, обеспечив потерпевшего своевременной помощью.

Кроме того, следует отметить, что размер страховой выплаты по Закону об ОСАГО определяется в соответствии с нормативами и в порядке, установленными Правительством Российской Федерации, в зависимости от характера и степени повреждения здоровья потерпевшего в пределах страховой суммы [8], которая в части возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью каждого потерпевшего, составляет 500 тыс. руб.

На наш взгляд, установленная Законом об ОСАГО страховая сумма объективно не соразмерна, когда вред причинен жизни потерпевшего либо когда причинен тяжкий вред здоровью последнего. Указанные суммы страховых выплат не в полной мере со-

ответствуют ущербу, который причиняется потерпевшим (выгодоприобретателям). Например, наиболее соответствующий причиненному ущербу размер страховой суммы предусмотрен Законом об ОСГОП, а именно за причинение вреда жизни потерпевшего в размере не менее чем 2 025 000 руб. на одного пассажира, по риску гражданской ответственности за причинение вреда здоровью потерпевшего – в размере не менее чем 2 000 000 руб. на одного пассажира.

Таким образом, рассмотрев некоторые проблемы возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью потерпевшего в результате ДТП, можно заключить, что на сегодняшний день процедура возмещения вреда осложняется тем, что нормы Закона об ОСАГО не в полной мере соответствуют нормам КоАП РФ. На получение страховой выплаты потерпевшие необоснованно тратят значительное количество времени, а предусмотренные выплаты не в достаточной степени возмещают вред и покрывают расходы, понесенные потерпевшими. В связи с этим важным представляется приведение Закона об ОСАГО в соответствие с КоАП РФ путем внесения в первый изменений и дополнений на примере Закона об ОСГОП, что позволит обеспечить единство процедуры возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью потерпевшего в результате дорожно-транспортного происшествия.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 06.04.2015). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Елфимова Е.В., Никонова Ю.Ш. О некоторых проблемах, возникающих при расследовании дорожно-транспортных происшествий // Российский юридический журнал. 2015. № 3.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 08.06.2015). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном: федеральный закон от 14 июня 2012 г. № 67-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 2 марта 2009 г. № 185. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Об утверждении Правил оформления документов для получения страхового возмещения и предварительной выплаты по договору обязательного страхования гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу пассажиров: постановление Правительства РФ от 22 декабря 2012 г. № 1378. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Об утверждении Правил расчета суммы страхового возмещения при причинении вреда здоровью потерпевшего: постановление Правительства РФ от 15 ноября 2012 г. № 1164. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. О Правилах дорожного движения (вместе с Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения): постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 (в ред. от 21.01.2016). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Положение о правилах обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств: утверждено Банком России от 19 сентября 2014 г. № 431-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 342.9

ПОНЯТИЕ КАТЕГОРИИ «КОМПЕТЕНЦИЯ»: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Алексей Владиславович Степанов, заместитель начальника Пермского института ФСИН России (по научной работе) кандидат юридических наук, доцент
E-mail: a.stepanov1975@mail.ru

В данной статье рассматриваются различные определения категории «компетенция», содержащиеся в словарях, нормативно-правовых актах. Дается анализ точек зрения ученых о содержании данной категории. Формулируется авторское определение компетенции как правового феномена.

Ключевые слова: компетенция; полномочия; предметы ведения; права и обязанности; задачи и функции; государственный орган.

CONCEPT OF THE CATEGORY «COMPETENCE»: THEORETICAL AND LEGAL ANALISES

Alexey Vladislavovich Stepanov, deputy head, scientific of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

This article discusses the various definitions of «competence» category contained in dictionaries, normative-legal acts. The analysis of the points of view of scientists about the content of this category. Formulates the author's definition of competence as a legal phenomenon.

Keywords: the competence; authority; maintenance items; rights and duties; tasks and functions; the public authority.

В настоящее время «компетенция» является ключевым понятием публичного права, ядром конституционных и управленческих отношений [49, с. 3].

«Компетенция» в силу своего межотраслевого характера и широкого употребления в различных отраслях не имеет единого определения как в теории, так и в действующем законодательстве [12]. Соответственно вопрос о понятии компетенции, ее содержании, структуре до настоящего времени остается дискуссионным [9].

Анализируя данный вопрос, логично признать, что компетенция – понятие сложное и включает в себя от одного до нескольких составных элементов. Для более полного понимания института компетенции необходимо провести анализ различных точек зрения на предмет существования тех или иных структурных элементов, из которых складывается понятие компетенции.

Говоря о нормативно-правовом регулировании, следует отметить, что на сегодняшний день законодательное определение понятия «компетенция» отсутствует. Не действующий в настоящее время Федеральный закон от 24 июня 1999 г. «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» содержал указанное понятие применительно к органу государственной власти.

В Конституции Российской Федерации термин «компетенция» не раскрывается, но упоминается в ст. 125, посвященной Конституционному Суду РФ.

В законодательстве можно отметить следующие варианты использования понятий «компетенция», «предметы ведения (сферы деятельности)», «полномочия»:

1. Полномочия и компетенция [33, п. 2, пп. 5 п. 7 ст. 2; п. 2 ст. 10; пп. 1, 28 п. 3 ст. 12; ст. 25], сферы деятельности и компетенция [31, пп. 12 ст. 2; п. 3 ст. 28; п. 2 ст. 105] употребляются как независимые друг от друга понятия.

2. Указывается компетенция органа через перечисление его функций [32, пп. 3 п. 2, пп. 6 п. 2 ст. 11; пп. 2 п. 1, пп. 4, 6 п. 2 ст. 12; п. 1 ст. 13; п. 3 ст. 19; п. 1, 2 ст. 26; ст. 27].

3. Компетенция устанавливается путем указания прав и обязанностей [28, п. 2 ст. 33].

4. Компетенция устанавливается через перечисление полномочий органа [34, ст. 14, 15].

Существуют и иные варианты соотношения понятий, что принципиально ситуации не меняет.

Такое положение явно «вносит разночтение в определение сфер деятельности разных ветвей власти и диссонанс в законотворческий процесс, а в итоге приводит к отрицательным последствиям в практической деятельности федеральных органов и органов субъектов Федерации» [16, с. 29].

По справедливому замечанию М.Е. Сидоровой, отсутствие законодательных определений в праве таких категорий, как компетенция «провоцирует возникновение правовых дискуссий по этому вопросу, что, в свою очередь, приводит к искаженному пониманию самих... норм, поэтому требуется законодательное закрепление данных понятий в текстах нормативных правовых актов» [41, с. 23–24].

В настоящее время некоторые словари определяют компетенцию как круг полномочий и прав [39], предоставленных законом или иным документом (нормативно-правовым актом) органу или должностному лицу [37], за рамки которого они не могут выходить в своей деятельности [7]. Другие дополнительно относят к ее элементам круг вопросов, по которым они обладают правом принятия решений [21], в которых лицо обладает опытом, познаниями, полномочиями решать [20]. Третьи – совокупность прав и обязанностей [18], принадлежащих конкретному государственному органу (органу местного самоуправления) или должностному лицу, по решению определенного круга вопросов (предмета ведения) (выполнению ими государственных или общественно значимых задач и осуществлению соответствующих функций управления общественными процессами) и определяющих его место в системе государственных органов (органов местного самоуправления) [40, с. 137].

Представители научного сообщества по-разному подходят к определению перечня элементов компетенции.

Г.В. Атаманчук включает в компетенцию цели, задачи и функции [4, с. 120; 5, с. 209], впоследствии он определил компетенцию «как совокупность прав и обязанностей».

Немногочисленные исследователи связывают компетенцию с правоспособностью [2, с. 89, 160] (частью публичной правоспособности) [43], дееспособностью («способностью совершать правительственные распоряжения») [14], правосубъектностью. Так, О.С. Иоффе характеризовал компетенцию как «обобщенное выражение имеющейся у госорганов правосубъектности различных видов» [38].

Значительная группа ученых полагает, что в компетенцию входят властные права [17, с. 45] и обязанности [8, с. 10], которыми они обладают для достижения поставленных целей, осуществления задач.

Компетенцию органа государства рассматривают также как совокупность всех его прав и обязанностей и правоспособности. Например, В.В. Лаптев пишет: «Компетенция... органа включает не только обладание реальными субъективными правами и обязанностями, но и возможность обладать ими, т.е. правоспособность» [23, с. 39].

Многие авторы характеризуют компетенцию через категорию «полномочие», включающую в себя права и обязанности. Ф.Р. Гаджиева предлагает рассматривать компетенцию в широком и узком смыслах. Компетенция в широком смысле – это все

полномочия органа по осуществлению функции в определенной сфере, а в узком – круг главных полномочий определенного органа [12].

В рамках данной точки зрения авторы считают, что компетенция представляет собой совокупность (круг) [3] (объем) властных (юридических) полномочий [11; 36] (круг властных прав и неразрывно связанных с ним обязанностей) [3] совершать определенного вида властные действия исполнительно-распорядительного и нормоустановительного характера, через которые раскрываются функции органа (субъекта) в определенных пределах.

Вместе с тем, С.С. Студеникин, соглашаясь, что обязанности и полномочия являются элементами компетенции, отделяет их друг от друга и определяет компетенцию как «круг обязанностей, полномочий и ответственность различных государственных органов, осуществляющих исполнительную и распорядительную деятельность» [42, с. 9].

По мнению Д.Н. Бахраха, компетенция состоит из властных полномочий и круга объектов (споров о праве и иных материально-правовых вопросов), на которые распространяется власть субъекта [6, с. 46]. Э.Г. Липатов в компетенцию предлагает включать полномочия и средства осуществления полномочий [24].

Е.Б. Лупарев, говоря о компетенции как о совокупности полномочий, дополняет ее содержанием задачами и функциями, необходимыми для осуществления прав и обязанностей [25, с. 214–215]. Подобным образом понимает компетенцию и В.Х. Махов [27, с. 15].

Отмечая логическую взаимосвязь представленных элементов, А.Д. Кан говорит, что «если речь идет о понимании функций как предметно-целевых действий конкретных органов, закрепленных законодательством, то представить права и обязанности органа без перечня затруднительно». При этом задачи органа, продолжает автор, выступают в качестве системообразующего фактора функций и служат основанием разграничения прав и обязанностей между органами государственной власти и (или) органами местного самоуправления. А.Д. Кан отмечает, что данная теоретическая позиция взята за основу построения всех Положений о федеральных органах исполнительной власти специальной компетенции. При этом задачи, функции, права и обязанности не излагаются как нечто отличное друг от друга, а, наоборот, даются в логической взаимосвязи, так как с точки зрения государственного управления разделять нормы о функциях, нормы о задачах и нормы о правах и обязанностях не целесообразно. Комплексное изложение компетенции, заключает А.Д. Кан, дает законченное понимание того, какие права и обязанности по осуществлению конкретных функций имеет данный орган в соответствии с возложенными на него задачами [15, с. 65].

Не все ученые согласны с включением функций в структуру компетенции. Так, А.Ю. Якимов считает нецелесообразным полагать, что «в компетенции как бы отдельно «присутствуют» функции и полномочия (права и обязанности). Функции управления сами по себе – явления не юридические и поэтому не могут быть элементами компетенции. Компетенция органа очерчивается путем указания на управленческие функции, возложенные на орган применительно к той или иной сфере деятельности. В результате у органа возникают права и обязанности по выполнению указанных функций применительно к соответствующим объектам управления. Следовательно, речь идет лишь о способе нормативного закрепления компетенции, а не о включении функций в ее структуру. В компетенцию входят не сами управленческие функции, которые орган вправе и обязан выполнять, а право и обязанность осуществлять определенного рода функции управления» [52, с. 12].

Н.А. Тарасьян предлагает включать в ее состав цели, задачи, функции, полномочия, название органа, характеризующее его место в системе управления [47].

Ю.М. Козлов, полагая, что «правовое положение органов государственного управления находит свое конкретное выражение в их компетенции», дополнительно к ранее указанным элементам добавляет формы и методы [1, с. 148].

Ю.Н. Стариков дополняет структуру правовыми средствами. Компетенция государственного органа, по его мнению, – это круг вопросов, предусмотренных нормативным правовым актом, которые правомочен разрешать государственный орган, – другими словами, принадлежащий государственному органу круг ведения и пределы его действия по осуществлению государственных функций и решению государственных задач. В компетенцию включаются, считает автор, полномочия государственного органа, его ответственность, правовые средства, формы и методы реализации прав и исполнения обязанностей [44].

В.М. Манохин, Ю.С. Адушкин, соглашаясь по большинству элементов, исключают из приведенного перечня цели и задачи [26, с. 61].

Следующая многочисленная группа ученых связывает (увязывает) компетенцию с предметами ведения.

Т.М. Бялкина под предметами ведения предлагает понимать те сферы (области) общественных отношений, в рамках которых субъекты в соответствии с законодательством вправе осуществлять правовое регулирование, совершать иные юридически значимые действия [9].

В.В. Копейчиков понимает под компетенцией «вытекающие из задач, которые призвана решать государственная организация, закрепленные за нею конкретные права и обязанности, совокупность этих прав и обязанностей, являющихся, в свою очередь, детализацией свойственных данной государственной организации предметов ведения» [19, с. 133].

По мнению О.Е. Кутафина, К.Ф. Шеремета и других исследователей, компетенция является сложной правовой категорией (явлением), структура которой складывается из предметов ведения («общественных отношений, в которых орган юридически компетентен») [22, с. 22–23, 31], прав (правомочий) (как средств осуществления деятельности) и обязанностей (как содержания деятельности) [36, с. 184], определяющих возможные и должные действия государственных органов, которые они осуществляют в пределах своей территории [35, с. 369–379].

Близкая к указанной точке зрения позиция гласит, что компетенция состоит из совокупности предметов ведения [10, с. 49], властных и иных полномочий органов [41, с. 10] по регулированию сфер общественной жизни (осуществлению функций и решению задач [29]), определенных в законах, иных правовых актах и учредительных документах, носящих правовой характер.

А.В. Стукалов предлагает рассматривать дефиниции «полномочия», «предметы ведения» как часть и целое термина «компетенция», аккумулирующего все правовые признаки остальных [45].

Некоторые ученые наряду с полномочиями субъекта управленческой деятельности и предметами ведения как юридически определенными сферами и объектами воздействия включают в структуру компетенции сопутствующие элементы: цели как долгосрочную нормативную ориентацию и публичные функции [46].

Еще одну значительную группу ученых объединяет мнение о необходимости включения в понятие компетенции такого элемента, как «ответственность».

По мнению Г.Х. Хадисова [50], П.С. Глазковой и Е.Н. Попериной [13], содержание компетенции выражено в соответствующих полномочиях, предметах ведения и ответственности.

Ю.А. Тихомиров считает, что компетенция – это возложенный законно на уполномоченный субъект объем публичных дел, включающий в себя:

а) нормативно установленные цели;

б) предметы ведения как юридически определенные сферы и объекты воздействия (воздействие на развитие сфер государственной и общественной жизни, отраслей экономики, социально-культурного строительства; устойчивый вид деятельности; юридические действия; материальные объекты; финансово-денежные средства; государствен-

ные и иные институты, органы, организации, руководители и должностные лица; правовые акты, различные комбинации которых, по его мнению, отличают разных субъектов права);

в) властные полномочия как гарантированная законом мера принятия решений и совершения действий;

г) ответственность за их неисполнение [48].

Е.Б. Лупарев [25], Н.А. Тарасьян [47], считая, что компетенция является определяющей характеристикой как общего, так и отраслевого правового статуса государственного органа, включают в ее структуру совокупность властных полномочий, предметы ведения, функции, ответственность за неисполнение полномочий, иногда – нормативно установленные цели, совокупность форм, методов работы и др.

Е.Б. Чернобровкина, в свою очередь, дополняет приведенный перечень элементов определенными территориальными пределами [51].

Представляется, что подходы к определению компетенции субъектов всех уровней публичной власти в государстве должны быть едиными, в том числе и при использовании терминологии в отношении элементов их компетенции.

Резюмируя, следует отметить, что компетенция органов государства определяется прежде всего путем указания на определенные сферы (области) общественной жизни, на которые должна быть направлена деятельность того или иного органа.

Для каждого из них устанавливается конкретный набор функций, который и указывает на специфику органа, на его место в системе государственных органов. Функции органа указывают на то, какие действия он должен совершить для выполнения задач, поставленных перед ним. Посредством функций органы государства оказывают управляющее воздействие на общественные отношения, возникающие и развивающиеся в определенной сфере (области) жизни общества.

Для того чтобы орган мог осуществлять определенные направления деятельности, он должен обладать для этого определенными полномочиями. Полномочия как совокупность прав и обязанностей органа должны по своему содержанию обеспечить ему достижение поставленных перед ним задач через выполнение функций. Также необходимо сказать, что право органа является его обязанностью перед личностью, обществом и государством. Орган государства обязан реализовывать права, когда этого требуют интересы вышеуказанных субъектов. Следовательно, права органа – это такие права, которые он должен (обязан) реализовывать при соответствующих обстоятельствах.

Руководствуясь всем вышеизложенным, представляется возможным сформулировать авторскую позицию на определение компетенции государственного органа, под которой в современных условиях можно понимать совокупность юридически установленных его полномочий (прав и обязанностей) в определенной сфере (области), через которые раскрываются задачи и функции органа, определяющие его место в системе государственных органов.

Сказанное позволяет сделать вывод о тождественности категорий «компетенция» и «правовой статус». Данный подход позволяет внятно определить правовое положение и социальное предназначение того или иного государственного органа в механизме государства, при этом не отвлекая внимание от основной цели деятельности государственных органов – упорядочения общественных отношений через правоустановление и правореализацию, для достижения которой каждый орган должен обладать правовым статусом, реализуемым через осуществление полномочий (прав и обязанностей), т.е. компетенции.

Литература

1. Административное право: учебник / под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. М., 2001.
2. Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955.

3. Алибаева Г.А. Теоретические аспекты соотношения понятий «функция» и «полномочия» в деятельности исполнительных органов // Вестник Казахского национального университета. 2009. № 4 (52).
4. Атаманчук Г.В. Государственное управление: проблемы методологии правового исследования. М., 1975.
5. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления: курс лекций. М., 1997.
6. Бахрах Д.Н. Подведомственность юридических дел и ее уровни // Журнал российского права. 2005. № 4.
7. Большой юридический словарь / под ред. А.В. Малько. М., 2009.
8. Бондаренко А.А. Административно-правовой статус органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации в условиях административной реформы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
9. Бялкина Т.М. Компетенция местного самоуправления (проблемы теории и правового регулирования): дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2007.
10. Бялкина Т.М. Проблемы правового регулирования компетенции местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. № 3.
11. Волкова Л.П. Компетенция органов исполнительной власти: понятие и условия установления // Административное право и процесс. 2008. № 5.
12. Гаджиева Ф.Р. Компетенция арбитражных судов: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010.
13. Глазкова П.С., Поперина Е.Н. Соотношение понятий «предметы ведения», «вопросы местного значения», «компетенция», «полномочия» органов местной власти. URL: <http://sibac.info/12522> (дата обращения: 10.03.2016).
14. Денисов А.И. Теория государства и права. М., 1948.
15. Кан А.Д. Правовые вопросы управления объединением промышленности. Ростов н/Д, 1989.
16. Карапетян Л.М. Федеративное устройство Российского государства. М., 2001.
17. Ковачев Д.А. Функции, задачи, компетенция и правоспособность государственного органа // Правоведение. 1985. № 4.
18. Кожевников С.Н. Государство и право: краткий словарь терминов и разъяснений по правоведению. М., 2009.
19. Копейчиков В.В. Механизм Советского государства. М., 1968.
20. Крюковских А.П. Словарь исторических терминов. М., 1998.
21. Кураков А.Л. Экономика и право: словарь-справочник. М., 2004.
22. Кутафин О.Е., Шеремет К.Ф. Компетенция местных Советов. М., 1986.
23. Лаптев В.В. Правовое положение государственного промышленного предприятия в СССР. М., 1963.
24. Липатов Э.Г. Компетенция органов власти субъектов Российской Федерации в сфере правотворчества: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2009.
25. Лупарев Е.Б. Административно-правовые споры: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2003.
26. Манохин В.М., Адушкин Ю.С. Российское административное право. Саратов, 2000.
27. Махов В.Х. Контрольные функции органов государственной власти Российской Федерации в условиях проведения административной реформы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
28. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. (в ред. от 29.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; 2016. № 1 (ч. I). Ст. 6.
29. Нанба С.Б. Понятие и структура компетенции муниципальных образований // Журнал российского права. 2008. № 6.
30. Незнамов А.В. Особенности компетенции по рассмотрению интернет-споров. М., 2011.
31. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 г. (в ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598; 2016. № 1 (ч. I). Ст. 78.
32. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте: федеральный закон

от 27 июля 2010 г. (в ред. от 04.11.2014) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4194; 2014. № 45. Ст. 6154.

33. О Верховном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. (в ред. от 04.11.2014) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6. Ст. 550; № 45. Ст. 6130.

34. О военном положении: федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. (в ред. от 12.03.2014) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. Ст. 375; 2014. № 11. Ст. 1088.

35. Овчинников И.И., Писарев А.Н. Муниципальное право России: учебник. М., 2007.

36. Постовой Н.В., Таболин В.В., Черногор Н.Н. Муниципальное право России: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2015.

37. Радько Т.Н. Теория государства и права в схемах и определениях: учеб. пособие. М., 2011.

38. Развитие цивилистической мысли в СССР. Ч. 1 / сост. О.С. Иоффе. Л., 1975.

39. Родионова А.В. Педагогический глоссарий. М., 2010.

40. Румянцев О.Г., Додонов В.Н. Юридический энциклопедический словарь. М., 1996.

41. Сидорова М.Е. Полномочия органов местного самоуправления в сфере землепользования и строительства и проблемы их реализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

42. Советское административное право / под ред. С.С. Студеникина. М., 1962.

43. Сосновский С.А. Правовые проблемы распределения компетенции федеральных органов исполнительной власти. СПб., 2011.

44. Стариллов Ю.Н. Курс общего административного права: в 3 т. Т. I: История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. М., 2002.

45. Стукалов А.В. Место и роль жилищно-коммунального хозяйства в решении вопросов местного значения органами публичной власти // Административное и муниципальное право. 2011. № 12.

46. Стрельников В.В. Особенности административно-правового статуса органов российской прокуратуры // Право и безопасность. 2011. № 2 (39).

47. Тарасьян Н.А. Компетенция органов местного самоуправления в финансово-экономической сфере: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004.

48. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции // Журнал российского права. 2000. № 10.

49. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М., 2001.

50. Хадисов Г.Х. Распределение компетенции органов внутренних дел в правоохранительной сфере на различных уровнях управления: теоретические и организационно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

51. Чернобровкина Е.Б. Разграничение компетентности представительных и исполнительных органов государственной власти в области бюджета: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

52. Якимов А.Ю. Субъекты административной юрисдикции (правовой статус и его реализация). М., 1996.

УДК 342.9

**ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ГИБДД
ПО ВЫЯВЛЕНИЮ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ
ПУТЕМ ФИКСАЦИИ СПЕЦИАЛЬНЫМИ ТЕХНИЧЕСКИМИ
СРЕДСТВАМИ****Алексей Владимирович Кузнецов**, адъюнкт Омской академии МВД России

E-mail: ku.olga@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы современного правового регулирования установки комплексов фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения. Анализируются основания и порядок их установки. Высказаны предложения по совершенствованию положений законодательства об использовании комплексов фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения в целях повышения безопасности дорожного движения и снижения дорожно-транспортного травматизма.

Ключевые слова: средства автоматической фиксации; стационарные средства автоматической фиксации; передвижные средства автоматической фиксации.

**ORGANIZATION OF ACTIVITY OF TRAFFIC POLICE OFFICERS
ON THE IDENTIFICATION OF ADMINISTRATIVE OFFENCES
BY FIXING THE SPECIAL TECHNICAL MEANS****Alexey Vladimirovich Kuznetsov**, post graduate of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia

The article discusses the issues of modern legal regulation of the installation of the complexes of photo and video recordings of violations of traffic rules. Analyzes the reason and order of their installation. Suggestions on improvement of the legislation on the use of complexes of photo and video recordings of violations of traffic rules in order to improve road safety and reduce road traffic injuries

Keywords: the funds autocommit; stationary media autocommit; mobile media autocommit.

Общепризнано, что превышение установленного ограничения скорости движения является основным фактором, способствующим гибели граждан и получению ими тяжелых ранений при дорожно-транспортных происшествиях (ДТП). В связи с этим предупреждение и пресечение именно данного вида нарушений – главная задача полицейского надзора в сфере дорожного движения [6, с. 4].

В рекомендациях Европейской комиссии по надзорной деятельности 2004/345/ЕС, политических рекомендациях Европейского совета безопасности транспорта (ETSC) государствам – членам ЕС для обеспечения соблюдения ограничений скорости движения всеми водителями предлагается разработать специальные национальные планы ведения надзора и определить конкретные, выраженные в цифрах, цели на каждый год. При этом традиционные методы надзора в планах должны в оптимальной пропорции сочетаться с применением технических средств, выявляющих и фиксирующих нарушения в автоматическом режиме, имеющих функцию фотосъемки, видеозаписи.

Известно, что за рубежом уже длительное время используются технические средства автоматической фотовидеофиксации (ТСАФ, фотовидеофиксаторы) административных правонарушений, выражающихся в превышении установленного ограничения скорости движения, проезде на запрещающий сигнал светофора, несоблюдении дистанции до движущегося впереди транспортного средства.

Если в начале 90-х гг. XX в. был сделан вывод о том, что эффективность ТСАФ в снижении количества ДТП и числа пострадавших нуждается в дополнительном изучении, то в настоящее время специалисты всех цивилизованных стран считают ведение надзора за дорожным движением с помощью фотовидеофиксаторов одной из самых результативных мер повышения его безопасности. При этом основной областью применения ТСАФ был и остается контроль скоростного режима, что связано не с техническими возможностями фотовидеофиксаторов, а со значением соблюдения ограничений скорости движения для его безопасности [6, с. 5].

Комплексы фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения являются в настоящее время действенным средством надзора полиции за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения его безопасности [2, с. 4].

Приказ МВД России от 2 марта 2009 г. № 185 (в ред. от 22.12.2014) «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения» [5] является единственным нормативным актом, регламентирующим основания и порядок размещения средств автоматической фиксации на местности.

В соответствии с данным нормативным правовым актом «основанием для осуществления контроля за дорожным движением с использованием средств автоматической фиксации является решение органа управления Госавтоинспекции о применении таких технических средств. При контроле за дорожным движением могут использоваться:

- стационарные средства автоматической фиксации, размещаемые на конструкциях дорожно-транспортной инфраструктуры или специальных конструкциях;
- передвижные средства автоматической фиксации, размещаемые на участках дорог в зоне ответственности постов, маршрутов патрулирования.

Места установки и режим работы стационарных средств автоматической фиксации определяются руководителем органа управления Госавтоинспекции. Места и время применения передвижных средств автоматической фиксации определяются решением руководителя подразделения о порядке несения службы сотрудником. Применение средств автоматической фиксации в местах, где ограничения движения установлены временными дорожными знаками, не допускается» [5].

Одним из основных вопросов применения стационарных специальных технических средств является проблема нормативного закрепления оснований установки и использования рассматриваемых средств. В настоящее время таковым является лишь названный выше ведомственный нормативный правовой акт. Подобное положение дел вряд ли соответствует потребностям правового регулирования в рассматриваемой сфере в силу значимости и резонансности общественных отношений в области дорожного движения, а также вовлеченности в них большого количества граждан.

В соответствии со ст. 14 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 30.03.2015) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [4] к вопросам местного значения городского поселения относится «дорожная деятельность в отношении автомобильных дорог местного значения в границах населенных пунктов поселения и обеспечение безопасности дорожного движения на них, включая создание и обеспечение функционирования парковок (парковочных мест), осуществление муниципального контроля за сохранностью автомобильных дорог местного значения в границах населенных пунктов поселения, а также осуществление иных полномочий в области использования автомобильных дорог и осуществления дорожной деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации».

По нашему мнению, правовым основанием установки и использования стационарных специальных технических средств должен являться нормативный правовой акт,

издаваемый органами (главой) местного самоуправления. В данном случае можно говорить о противоречии положений федерального закона и ведомственного нормативного правового акта в рассматриваемой сфере и компетенции органов местного самоуправления и ГИБДД МВД России.

По мнению ряда авторов, «компетенция является главным элементом правового статуса государственного органа, определяющим его роль и назначение в системе соответствующих государственных органов». [1; 8, с. 154–158].

Как полагает известный специалист в области конституционного и административного права Ю.А. Тихомиров, «в самом общем виде компетенция представляет собой комплекс легально установленных способов осуществления публичных функций. Она состоит из элементов двоякого рода. К собственно компетенционным элементам относятся предметы ведения как юридически определенные сферы и объекты воздействия, а также властные полномочия как гарантированная законом мера принятия решений. К сопутствующим элементам следует отнести прежде всего цели как долгосрочную нормативную ориентацию, выражающуюся в непрерывном решении возникающих задач посредством осуществления компетенции» [9, с. 34].

По определению Б.М. Лазарева, «компетенция имеет два прочно вошедших в обиход значения: а) круг вопросов, в которых данное лицо или лица обладают познаниями, и б) круг полномочий (прав и обязанностей) вестись чем-либо» [3, с. 11].

«Само государство представляет собой сложную социальную управляющую систему. Динамика целей и функций государства существенно влияет на остальные элементы, равно как и испытывает их воздействие» [7, с. 47].

Каждый государственный орган действует от имени государства на основе закона и наделен властными полномочиями, в том числе и издает обязательные для исполнения правовые акты.

В соответствии с п. «к» ст. 72 Конституции РФ к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов относится, в частности, «административное и административно-процессуальное законодательство». При этом установлено, что «законы и иные нормативные акты субъектов Российской Федерации не могут противоречить федеральным законам, принятым по предметам совместного ведения». Данное положение касается всего административного законодательства.

В то же время можно констатировать, что нормы приказа МВД России от 9 марта 2009 г. № 185 выходят за рамки компетенции ведомства. Исходя из положений действующего законодательства, правовым основанием установки и использования стационарных специальных технических средств должен являться нормативный правовой акт, издаваемый органами (главой) местного самоуправления.

В пользу данного положения можно привести следующие аргументы.

В настоящее время финансирование установки и обслуживания специальных технических средств осуществляется за счет средств региональных бюджетов. Так, в Омске, например, заключено Соглашение от 14 августа 2012 г. № 12-с между Главным управлением по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям Омской области и Управлением Министерства внутренних дел Российской Федерации по Омской области об обеспечении функционирования и развития систем аппаратно-программного комплекса «Безопасный город». В соответствии с ним Главное управление по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям Омской области обязуется:

- организовывать бесперебойное функционирование, плановое и внеплановое обслуживание специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средств фото- и киносъемки, видеозаписи, в том числе фиксирующих правонарушения в области дорожного движения, входящих в АПК «Безопасный город» (далее – технические средства);

- обеспечивать реализацию мероприятий по использованию информации, полученной посредством применения технических средств;
- организовывать и обеспечивать передачу изображений по проводным, оптическим и другим электромагнитным системам с технических средств до мест размещения оборудования, выполняющего функции концентрации, обработки и хранения информации;
- в пределах своей компетенции осуществлять мероприятия, направленные на модернизацию и развитие АПК «Безопасный город» в рамках лимитов бюджетных ассигнований;
- в кратчайшие сроки информировать УМВД России по Омской области о возникающих неполадках в работе технических средств и сроках их устранения;
- согласовывать с УМВД России по Омской области места размещения технических средств и их технические характеристики;
- осуществлять подготовку и согласование проектов долгосрочных целевых программ Омской области, предусматривающих реализацию мероприятий, направленных на функционирование и развитие АПК «Безопасный город»;
- участвовать, по предварительному согласованию, в мероприятиях, проводимых УМВД России по Омской области по вопросам функционирования и развития АПК «Безопасный город»;
- назначать лиц, ответственных за взаимодействие с УМВД России по Омской области, в целях реализации настоящего Соглашения.

Содержание данного документа вполне согласуется с нормами Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и развивает их, конкретизируя их полномочия в области безопасности дорожного движения.

В целях решения вопроса о компетенции субъектов управления при установке специальных технических средств нами было проведено социологическое исследование. В ходе проведенного нами в 2014 г. опроса 243 сотрудников дорожно-патрульной службы ГИБДД МВД России на вопрос: «Кто должен принимать решение об оборудовании того или иного участка дороги стационарными средствами автоматической фиксации?» были получены следующие ответы:

- 1) начальник ГИБДД по субъекту Российской Федерации (33 %);
- 2) высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (10,5 %);
- 3) глава администрации муниципального образования (14 %);
- 4) глава администрации муниципального образования по представлению начальника ГИБДД по субъекту Российской Федерации (39,5 %);

В качестве иного в 3 % случаев было указано, что такое решение должно приниматься начальником строевого подразделения ГИБДД.

Таким образом, исходя из анализа полномочий МВД России, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и результатов проведенного нами социологического исследования, представляется целесообразным такой порядок установки и применения стационарных специальных технических средств, при котором начальника ГИБДД по субъекту Российской Федерации должен подготовить представление о местах с наибольшей аварийностью и требующих в связи с этим оборудования указанными средствами, после чего органами (главой) местного самоуправления должен издаваться нормативный правовой акт о местах установки специальных технических средств и об их обслуживании.

Правовой основой применения передвижных средств автоматической фиксации на сегодняшний день также является рассматриваемый приказ МВД России от 2 марта 2009 г. № 185. В соответствии с данным нормативным правовым актом «основанием для осуществления контроля за дорожным движением с использованием передвижных средств автоматической фиксации является решение органа управления Госавтоин-

спекции о применении таких технических средств». Данная формулировка также представляется неудачной, поскольку расстановка сотрудниками ДПС ГИБДД передвижных комплексов и мобильных приборов основывается на анализе очагов аварийности участков автомобильных дорог и улиц, характеризующихся систематическим совершением ДТП по причине превышения скорости водителями транспортных средств, с учетом оперативной обстановки, задач на текущие сутки. Фактически в настоящее время решение об использовании передвижных средств автоматической фиксации принимается командиром строевого подразделения ГИБДД.

В пользу этого говорит и проведенное нами исследование (опрос 243 сотрудников дорожно-патрульной службы ГИБДД МВД России). На вопрос: «Кем должны определяться место и время применения передвижных средств автоматической фиксации?» были получены следующие ответы:

- 1) инспектором, несущим службу на конкретном участке дороге, – 12 %;
- 2) командиром строевого подразделения ДПС ГИБДД – 54 %;
- 3) начальником территориального отдела ГИБДД – 8 %;
- 4) начальником ГИБДД по субъекту Российской Федерации – 20%;
- 5) главой администрации муниципального образования по представлению начальника ГИБДД по субъекту Российской Федерации – 6 %.

Учитывая изложенное, считаем возможным внести изменения в приказ МВД России от 2 марта 2009 г. № 185, касающиеся закрепления полномочий об использовании передвижных средств автоматической фиксации за командиром строевого подразделения ГИБДД.

Решение об использовании передвижных средств автоматической фиксации должно приниматься командиром строевого подразделения ГИБДД в связи с тем, что расстановка сотрудников ДПС ГИБДД с передвижными комплексами основывается на анализе очагов аварийности участков автомобильных дорог и улиц, характеризующихся систематическим совершением ДТП, с учетом оперативной обстановки и задач на текущие сутки.

Литература

1. Дизер О.А. Организационно-правовые аспекты деятельности специализированных подразделений милиции по предупреждению и пресечению правонарушений в сфере общественной нравственности // *Полицейское право*. 2006. № 1 (5).
2. Дрыжак С.А. Эффективность размещения комплексов фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения в процессе их эксплуатации // *Безопасность дорожного движения*: сб. науч. тр. Вып. 11. М.: НИЦ БДД МВД России, 2011.
3. Лазарев Б.М. Компетенция органов управления. М., 1972.
4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 30.03.2015) // *Собрание законодательства РФ*. 2003. № 40. Ст. 3822.
5. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 2 марта 2009 г. № 185 (в ред. от 22.12.2014) // *Российская газета*. 2009. 7 июля.
6. Применение технических средств автоматической видеофиксации нарушений скоростного режима: обзорная информация. Зарубежный опыт. Вып. 21. М.: НИЦ БДД МВД России, 2009.
7. Тихомиров Ю.А. Государство: развитие теории и общественная практика // *Правоведение*. 1999. № 3.
8. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М., 2001.
9. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции // *Журнал российского права*. 2000. № 10.

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.985

О ПУТЯХ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Станислав Алимович Ялышев, профессор кафедры Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия доктор юридических наук, профессор

E-mail: yalishev@bk.ru

Анализируя современное российское уголовно-процессуальное законодательство и возникшие проблемы в расследовании преступлений, автор приходит к выводу, что необходимо по-новому подойти к реализации уголовного преследования на досудебных стадиях. Предлагаемый автором метод является логическим продолжением уже ранее начатых в России исследований, их развитием и детализацией.

Ключевые слова: криминалистика; расследование преступлений; рекомендации криминалистической науки; работа с доказательствами.

ABOUT WAYS OF INCREASE OF EFFICIENCY OF INVESTIGATION OF CRIMES

Stanislav Alimovich Yalyshev, chair professor of the North-West Branch of the Russian State University of justice Doctor of Law, Professor

Analyzing the modern Russian criminally-remedial legislation and the arisen problems in investigation of crimes the author comes to a conclusion that is necessary on new to approach to realisation of criminal prosecution at pre-judicial stages. The method offered by the author is logic continuation already before the researches begun in Russia, their development and detailed elaboration.

Keywords: criminalistics; investigation of crimes; recommendations of criminalistic sciences; work with proofs.

Последние десятилетия российское общество находится в состоянии глубокого реформирования своей правовой системы. Происходят принципиальные изменения в различных отраслях права. Весьма значительно коснулись реформы и уголовно-правового направления. Введение состязательности в уголовное судопроизводство и суда присяжных, приоритет прав человека и гражданина на всех стадиях судопроизводства – вот неполный перечень реформ уголовного судопроизводства последних лет. Существенно при этом изменяется и судебнo-следственная практика. Происходит коренная ломка привычных стереотипов в сознании правоприменителей – следователей, дознавателей, адвокатов, прокуроров, судей. Работать традиционным, привычным ранее способом уже невозможно.

Складывающаяся обстановка подводит ученых-криминалистов к переосмыслению своих предложений практикам по эффективной реализации уголовного преследования в новых условиях правовой действительности.

Эффективность расследования преступлений зависит от множества факторов. К одному из них относится умение следователя сформировать в процессе расследования максимально устойчивую и непротиворечивую систему доказательств, избличающих подозреваемого в совершенном преступлении, чтобы на этой основе в суде был вынесен законный и обоснованный приговор. Решение этой принципиально важной и сложной задачи невозможно, если в распоряжении следователей не будет совершенного, научно обоснованного и апробированного практикой инструментария осуществления своей деятельности.

Недостаточная эффективность работы российских следователей часто связана с усложнением процесса расследования и, соответственно, процесса доказывания в современных условиях. В настоящее время нередки случаи, когда свидетели по разным причинам, в том числе вследствие угроз или подкупа, изменяют свои показания на различных стадиях уголовного судопроизводства.

Постоянный и стабильный рост количества случаев изменения показаний при допросах в современной России дает повод говорить о недостаточной эффективности сложившейся практики доказывания, в значительной степени основанной на показаниях различных участников уголовного процесса (по результатам научных исследований и отдельных высказываний ученых, опубликованных в российской криминалистической научной литературе последних лет, доля результатов допросов в общем объеме доказательств по уголовному делу, в зависимости от состава преступления, доходит до 78–84 %)*.

В связи с этим существенно повышается важность использования новых методов работы в изменившихся условиях проведения расследования. Ориентация только на показания свидетелей, потерпевших, а также самих подозреваемых в совершении преступления в новых условиях правовой действительности должна смениться на всемерное использование материальных следов преступления, подтверждающих все основные доказательства по делу, особенно полученные в результате допросов.

Необходимо существенно расширять работу с материальными объектами – потенциальными вещественными доказательствами как источниками криминалистически значимой информации по уголовному делу. Следователи должны быть максимально ориентированы на всемерное использование объективно зафиксированных фактических данных, которые не могут быть исключены из процесса доказывания без достаточных на то оснований. Это происходит в силу их защищенности от большинства субъективных факторов, таких как целенаправленная или случайная фальсификация, возможная подмена, опровержение со стороны других участников процесса без обоснованных и понятных причин.

Вопросами защиты изъятых материальных объектов (потенциальных вещественных доказательств) на разных стадиях реализации уголовного преследования, а также обоснованного разрешения сомнений в подлинности фигурирующих в уголовном деле отдельных материальных следов криминалисты занимались давно. За последние несколько десятков лет криминалистами разных стран было выработано значительное количество действенных приемов и рекомендаций, касающихся как способов обнаружения, фиксации, изъятия, исследования, так и использования в доказывании различных видов следов, фиксации в процессуальных документах данных фактов, свойств и состояний объектов, упаковки объектов и приобщения их к уголовному делу.

В то же время ранее разработанные российскими и зарубежными учеными и предложенные практикам меры защиты отдельных объектов или криминалистические средства защиты информации, полученной в ходе единичного следственного действия, в современных условиях российского судопроизводства нам представляются не-

* Исследованиям подвергались традиционные общеуголовные преступления корыстно-насильственной направленности.

достаточными. Необходимо создание для следователей целенаправленной и скоординированной логической системы криминалистических рекомендаций, направленных на *создание в процессе расследования стабильной, непротиворечивой, внутренне и внешне согласованной, логичной и устойчивой к опровержению системы доказательств*, подтверждающих факт совершения расследуемого преступления и виновности заподозренного лица.

Данная система доказательств, реализованная в конкретном уголовном деле, должна выдержать все предпринятые в ходе судебного разбирательства попытки участников процесса опровергнуть собранные факты, изменить трактование происшедших событий, изменить квалификацию содеянного, участие и виновность подозреваемого лица в его совершении. Конечной целью данной деятельности является создание реальных возможностей для суда по вынесению обоснованного, справедливого и правосудного приговора.

В российской криминалистике данное направление деятельности называется «объективизация доказывания». Основоположителем комплексной разработки проблем, связанных с объективизацией доказывания при расследовании преступлений, является профессор М.Б. Вандер (1994 г.) [1]. К сожалению, выдвинув идею разработки данного направления, автор не успел ее развить. В последние несколько лет были опубликованы немногочисленные статьи его последователей, поддерживающих и развивающих данное направление.

Однако необходимо признать, что на настоящий момент большинство проблем данной тематики изучены в России весьма поверхностно и представляют собой широкое поле для деятельности будущих исследователей. Не в полной мере сформирована теоретическая концепция данного направления, имеются существенные разногласия среди авторов по ключевым моментам данного учения, практически полностью отсутствуют адаптированные к особенностям расследования комплексные практические рекомендации по объективизации доказывания отдельных видов преступлений.

В настоящее время данная идея только начинает завоевывать своих сторонников. Еще продолжают раздаваться голоса о том, что можно и далее работать привычными способами, что они не так плохи. Нас и так часто ругают за то, что уголовное правосудие в современной России имеет ярко выраженный обвинительный уклон (по статистике, в год по стране постановляется примерно 99 % обвинительных приговоров и 1 % оправдательных).

Такое положение дел можно объяснить тем, что в условиях современной России ни одно уголовное дело не попадет в суд до тех пор, пока следователь не доведет дело до его логического завершения, т.е. не докажет виновность подозреваемого и не предъявит ему обвинительного заключения, пока прокурор не утвердит данное заключение и не передаст дело в суд. Другими словами, уголовные дела «сомнительной» или «неопределенной» виновности в суд попасть не должны, следователь их просто не передаст, дела будут прекращены уже на этой стадии. А если дела отработаны следователем профессионально, то обвинительный приговор суда почти «гарантирован».

В англосаксонской системе права и в некоторых странах со смешанной системой права уголовное судопроизводство существенно отличается от российского. В них отсутствует такая стадия уголовного судопроизводства, как предварительное следствие с жесткой регламентацией, разделением прав и обязанностей, с возбуждением уголовного дела и началом уголовного преследования подозреваемого, с производством следователем строго обозначенных следственных действий и с определенной системой закрепления полученных доказательств виновности/невиновности подозреваемого лица. Вместо предварительного следствия проводится полицейское дознание, сбор информации по факту случившегося, при этом в сборе информации принимают равноправное, параллельное и самостоятельное участие как представитель полиции, так и адвокат. Уголовное дело появляется только тогда, когда материалы, собранные сторонами, по-

падут в суд и суд начнет их рассмотрение. Только там встречаются все собранные мнения и доводы сторон, только там происходит доказывание, оценка доказательств, там они испытываются на прочность, определяется виновность/невиновность подозреваемого лица, и исход такого судебного рассмотрения заранее никем предсказан быть не может. Только в англосаксонской системе права можно говорить, что суд в равной мере выносит как обвинительные, так и оправдательные приговоры.

Для российского правосудия 1 % оправдательных приговоров (здесь мы не обсуждаем достоинства и недостатки российского уголовного процесса) – это в основном некачественная работа следователя, брак и непрофессионализм в его работе.

Представляется, что причина такого положения дел на практике во многом кроется в несовершенстве современной системы доказывания в процессе предварительного следствия. Многие российские следователи до сих пор продолжают опираться на признательные показания обвиняемых, уличающие показания очевидцев и иных свидетелей преступления, не подкрепленные реальными объективными данными, нашедшими отражение в материалах дела.

В результате, в случае отказа участников процесса в суде от ранее данных на предварительном следствии показаний, изменения показаний, иной трактовки событий, собранная следователем совокупность доказательств оценивается затем судом как недостаточная, что влечет переквалификацию содеянного на менее тяжкую статью Уголовного кодекса или вынесение оправдательного приговора.

М.Б. Вандер справедливо отмечает, что во многих советских учебниках (да и постсоветских учебниках также) криминалистики и методических пособиях для следователей значительное внимание уделяется тактическим рекомендациям, связанным с использованием юридической неграмотности подозреваемых (обвиняемых), низкого уровня их образования и интеллектуального развития. Например, рекомендуются различные обманные «ловушки», практикуется создание видимости полного раскрытия преступления, преувеличение информированности следователя об обстоятельствах дела и т.д. [2, с. 10].

Следует согласиться с М.Б. Вандером и в том, что в современных условиях часто приходится сталкиваться и с высокообразованными преступниками, обладающими изощренным интеллектом и психологической проницательностью, да и проведение следственных действий без участия адвоката допрашиваемого в современных условиях незаконно. Они (и сам допрашиваемый, и его адвокат) легко разгадывают различные тактические «ловушки» следователя.

На наш взгляд, нельзя рекомендовать следователям отказываться от использования вышеназванных тактических приемов, поскольку они все же носят именно рекомендательный характер и рассчитаны на использование в отдельных следственных ситуациях, на формирование которых влияют в том числе и данные о личности подозреваемого (обвиняемого).

Вопрос должен состоять не в том, чтобы полностью заменить деятельность следователя, направленную на получение от подозреваемого правдивых показаний по делу, а в том, чтобы в дальнейшем предохранить созданную доказательственную базу (в том числе, полученную и путем допросов других участников уголовного процесса) от разрушения в ходе судебного следствия.

Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что в условиях неуклонного развития состязательности в уголовном судопроизводстве, приоритета соблюдения прав человека и гражданина в осуществлении уголовного преследования еще более возросла актуальность научного и практического исследования вопросов, связанных с осуществлением объективизации доказывания. Особенно остро эти проблемы стоят при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений.

Впервые термин «объективизация доказывания» был внедрен в российскую криминалистическую терминологию М.Б. Вандером [1]. Им же было сформулировано

определение данного понятия. Под объективизацией доказывания следует понимать «методическую направленность действий участников предварительного расследования по установлению и закреплению сведений об обстоятельствах дела с помощью комплекса объективных мер, которые способствуют защите установленных сведений от необоснованного дезавуирования, ложных изменений, опровержения, фальсификации, подмены» [2, с. 11].

Из приведенного определения видно, что объективизация доказывания подразумевает:

1) деятельность следователя и иных субъектов расследования по установлению и закреплению фактических данных (сведений о них);

2) что в процессе данной деятельности применяется комплекс специальных мер (средств и методов);

3) что указанная деятельность осуществляется с целью защиты доказательств (сведений) от различных факторов субъективного характера (фальсификация, дезавуирование и т.п.).

Представляется, что данные положения в основном верно характеризуют рассматриваемую категорию. В то же время необходимо высказать некоторые уточнения.

По нашему мнению, во-первых, следует говорить о целевой направленности деятельности субъектов расследования. На наш взгляд, объективизировать процесс доказывания (деятельность по доказыванию) значит ориентировать его на достижение определенной цели – защиту доказательств.

Во-вторых, ограничивать деятельность по объективизации доказательств только установлением и закреплением фактических данных (сведений) было бы недостаточно. В соответствии со ст. 85 УПК РФ доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ (обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу). Хотя законом и не определяется понятие собирания доказательств, но можно констатировать, что данный процесс не является однородным и включает в себя несколько элементов. Фактические данные и их источники должны быть не только установлены и закреплены, но также и изъяты, сохранены и исследованы. Поэтому все эти элементы работы следователя с доказательствами также должны быть включены в определение объективизации доказывания.

В-третьих, проверка доказательств, согласно ст. 87 УПК РФ, проводится путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также путем установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство. Представляется, что объективизация доказывания должна распространяться не только на процесс собирания доказательств, но и на процесс их проверки. Устойчивость доказательственной базы может быть обеспечена только тогда, когда каждое доказательство сопоставлено с остальными доказательствами и установлена их непротиворечивость. Особенно важна проверка таких видов доказательств, как показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля. Необходимо отметить, что источниками сведений, содержащихся в показаниях, являются люди. Содержание таких показаний зависит от ряда субъективных свойств людей – особенностей их восприятия, запоминания, воспроизведения информации, желания давать правдивые показания или, наоборот, скрыть от следствия определенные факты. Поэтому доказательства указанных видов необходимо проверять особенно тщательно, в том числе и путем собирания иных доказательств, связанных с материальными следами преступления.

Не менее важна деятельность по оценке доказательств. Она также должна иметь целевую направленность на объективизацию, поскольку именно в процессе оценки следователь определяет, какие именно обстоятельства позволяют установить обнаруженные доказательства (относимость), можно ли доверять данному доказательству (до-

стоверность), получено ли оно в установленном законом порядке (допустимость), достаточно ли собранной совокупности доказательств для установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию. Если же в процессе оценки следователь получает отрицательные ответы на перечисленные вопросы, то он принимает решение о собирании дополнительных доказательств.

Учитывая изложенное, представляется возможным говорить об объективизации доказывания, под которой следует понимать: *систематизированную, последовательную деятельность следователя в процессе собирания, проверки и оценки доказательств, подтверждающих любые из обстоятельств, которые подлежат установлению по уголовному делу, и направленную на обеспечение устойчивости доказательств от необоснованного дезавуирования* и/или исключения при рассмотрении уголовного дела в суде. Объективизация доказывания является способом практической реализации доказывания по уголовному делу, реального достижения целей уголовного преследования, гарантом обеспечения объективного рассмотрения дела, вынесения обоснованного, законного и правосудного приговора суда.*

Предложенный М.Б. Вандером и развиваемый его последователями [3; 4] подход к реализации доказывания на предварительном следствии представляется весьма перспективным и интересным как с точки зрения криминалистической науки, так и с точки зрения практики расследования преступлений. Органически входя в общую структуру методики расследования преступлений, являясь его составной частью, он позволяет логически связать разрозненные криминалистические рекомендации по работе с отдельными видами доказательств в цельную, последовательную, сложно структурированную систему реализации доказывания события преступления и виновности подозреваемого лица. Использование данного подхода позволит избежать пробелов в работе следователя и в условиях современной российской системы реализации уголовного судопроизводства сделать итог расследования более предсказуемым и логичным.

Литература

1. Вандер М.Б. Объективизация доказывания в уголовном процессе с применением научно-технических средств: конспект лекции. СПб., 1994.
2. Вандер М.Б. Особенности расследования преступления в современной криминальной обстановке // Вестник криминалистики. 2003. № 3(7).
3. Елагина Е.В. Объективизация доказывания с использованием научно-технических средств и специальных знаний при расследовании преступлений: лекция. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2009.
4. Чеботарев Р.А. Криминалистические аспекты объективизации доказывания по делам об убийствах: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2013.

* Под дезавуированием в данном случае мы понимаем выражение недоверия к соответствующему источнику доказательств и содержащимся в нем сведениям, заявление о порочности доказательства.

УДК 343.98

**ЗНАЧЕНИЕ НАУКИ ГЕОИНФОРМАТИКИ В РАСКРЫТИИ
И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
(ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Игорь Николаевич Пугачёв, декан факультета, профессор кафедры доктор технических наук, профессор;
Геннадий Яковлевич Маркелов, руководитель Центра космических технологий, доцент кафедры кандидат технических наук, доцент (Тихоокеанский государственный университет);
Анна Юрьевна Забавина, преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: teledv@inbox.ru
anna236809@yandex.ru

В статье представлены возможности использования материалов в раскрытии и расследовании преступлений, получаемых на основе космических данных. Дана классификация типов космических изображений дистанционного зондирования земли, приведены особенности и варианты применения, раскрыты основные свойства. Рассмотрены возможности и формы применения информации глобальных навигационных спутниковых систем, организация информации в форме навигационно-информационных и интеллектуальных транспортных систем.

Ключевые слова: геоинформатика; раскрытие и расследование преступлений; дистанционное зондирование земли; спутниковые изображения; глобальные навигационные спутниковые системы; навигационно-информационные системы; тахографы.

**THE IMPORTANCE OF SCIENCE GEOINFORMATICS
IN THE DETECTION AND INVESTIGATION OF CRIMES
(TECHNICAL-CRIMINALISTIC ASPECT)**

Igor Nikolaevich Pugachev, dean of the faculty, chair professor
Doctor of Technique, Professor;
Gennady Yakovlevich Markelov, head of the space technology Centre,
chair associate professor *kandidat nauk*, degree in Technique,
Associate Professor (Pacific National University);
Anna Yurevna Zabavina, lecturer of the Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article reveals the possibility of using materials in the detection and investigation of crimes, obtained on the basis of space data. Is presented a classification of types of space remote sensing images of the earth, provides the features and application options are disclosed the basic properties. The capabilities and uses of information of global navigation satellite systems, organization of information in the form of navigation information and intelligent transport systems.

Keywords: geoinformatics; disclosure and investigation of crimes; earth remote sensing; satellite imagery; global satellite navigation systems; navigation-information systems; intelligence transport systems.

При расследовании преступлений нередко возникают ситуации, связанные с необходимостью использования органами предварительного расследования геоинформационных данных в целях доказывания обстоятельств, подлежащих установлению по делу. Результаты космической деятельности сегодня используются во многих

направлениях. Базовыми космическими сервисами, которые получили широкую доступность и формируют научное направление – геоинформатику, являются: дистанционное зондирование земли (ДЗЗ), глобальная спутниковая навигация (ГНСС) и системы связи и обработки информации.

Системно-технические решения, построенные на основе космических данных, предоставляют возможности решения задач как гражданской направленности, так и в области военной и правоохранительной деятельности. Вместе с тем материалы, полученные при помощи космических систем, могут быть использованы в целях контроля за объектом и проверок в качестве оперативной информации, а в ряде случаев такие материалы являются доказательной базой в расследовании преступления [1, с. 7]. Рассмотрим более подробно данные космические сервисы.

Дистанционное зондирование земли (ДЗЗ), международная терминология – Remote Sensing. Материалы съемки, полученные от операторов космических аппаратов, имеют четкие зафиксированные характеристики, позволяющие достоверно установить дату, время и параметры съемки, а следовательно, получать метрические характеристики объектов, проводить спектральный и текстурный анализ территории. Существующие и перспективные методики позволяют с учитываемой точностью определять объемные, химические и биологические параметры объектов исследований. К уникальным параметрам снимка относятся и географические координаты. Это дает возможность проводить мультитременной анализ состояния и развития ситуации.

Применительно к раскрытию и расследованию преступлений ДЗЗ имеет свое значение в том, что космические спутники осуществляют непрерывное фотосопровождение ориентировочно с 1995 г. Доступность и широта архивных данных обеспечивается в глобальном масштабе и увеличивается, количественно и качественно непрерывно пополняя архивы космическими снимками в автоматическом режиме. Также осуществляется совмещение с кадастровыми данными, что позволяет выполнять привязки к участкам и собственникам. Высокоточное наложение материалов из технических паспортов является неоспоримым определением наличия искомого объекта или его отсутствия, а также реальных технических параметров. Необходимо учесть, что качество снимков зависит от класса космического спутника, который имеет определенное техническое разрешение.

Технологически доступные классы космических изображений:

- низкодетальные – разрешение от 250 до 50 м на пиксель;
- среднететальные – от 50 до 5 м;
- высокодетальные – от 5 до 0,3 м;
- радарные.

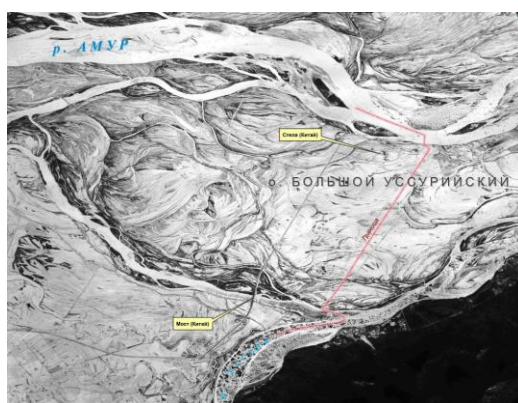
Низкодетальные изображения получают с космических аппаратов типа Aqua, Terra, NPP и «Метеор». Применяются для исследования глобальных и региональных задач. К особенностям этих аппаратов следует отнести:

- широкий охват при одном сеансе спутника – до 600 км в одной полосе, значительная площадь суточного покрытия территории съемкой (весь Дальневосточный регион, включая сопредельные государства);
- высокую частоту прохода аппаратов, например, для Дальневосточного региона до 4 раз в сутки, или 3 принимаемых аппарата дают двухчасовую оперативность получения материала при условии организации процесса получения и обработки данных;
- большое количество спектральных каналов (до 48 – аппарат NPP), что позволяет выполнять глубокий спектральный анализ в географическом масштабе;
- доступность ввиду отсутствия дополнительного лицензирования приема данных.

Такие снимки позволяют определить локализацию термических точек пожара, осуществлять мониторинг рек, что дает возможность осуществлять раскрытие и расследование экономических преступлений, в сфере природоохранной деятельности [2].

К *среднедетальным изображениям* относятся материалы, получаемые с аппаратов типа UK-DMC, Landsat, «Канопус» и др. Материал в целом аналогичен низкодетальному, может использоваться для решения региональных задач, применим для комплексной приблизительной оценки наводнений, лесных угодий, определения использования по назначению сельскохозяйственных земель.

Наибольший интерес для использования космических систем в правоохранительной деятельности представляет *информация космической съемки высокой детальности*, получаемая с космических аппаратов типа «Ресурс-П», Worldview, Pleiades, Spot и др. Технические возможности позволяют распознавать объекты размером до 30 см и проводить измерения дециметровой точности. Существуют направления, развивающие методики расчета строительных объемов, вырубок леса с общей таксацией по породам, экспертной оценки использования земель, подсчета и классификации транспорта с выделением мест стоянок и хранения и т.д. [4]. Примеры осуществляемых задач представлены на рис. 1.



Снимок Канопус-В, 20.01.2013

АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ МОНИТОРИНГА

- Точная гидрологическая обстановка
- Оценка состояния и контроль эксплуатации лесных участков
- Динамика строительства крупных объектов
- Горно-обогатительные комплексы
- Сельскохозяйственные показатели
- Экологическое состояние
- Сейсмическая активность
- Целевое использование земель



Снимок EROS-B, 21.08.2013



Снимок EROS-B, 27.08.2013

Рис. 1. Задачи, решаемые с применением высокодетальных космических изображений

Особенности высокодетальной съемки:

- дециметровая точность, возможность фотограмметрических измерений;
- широкие возможности тематического анализа и картографирования;
- наличие архивных данных значительной глубины;
- возможности комплексного текстурного и спектрального анализа;
- возможность построения цифровых стереомоделей местности и в отдельных случаях рельефа (ЦММ, ЦМР);
- более высокая стоимость и меньшая доступность относительно низкодетальных материалов.

К недостаткам следует отнести узкую полосу съемки за один проход спутника (обычно полоса шириной 25 км с ориентацией по меридиану) и зависимость от облачности.

Радарная космическая съемка – отдельный класс исследований, выполняемый аппаратами типа Radarsat и TerraSAR в диапазоне волн 5–6 см. Значительным преимуществом данного вида является всепогодность. Для радарных аппаратов разработана специальная технология дифференциальной спутниковой интерферометрии, позволяющая фиксировать и оперативно отслеживать миллиметровые смещения земной коры (оползни), конструкций и сооружений (технически сложные крупногабаритные объекты), подвижки льда и др. [5] (рис. 2). Недостаток – высокая стоимость измерений и технологии.

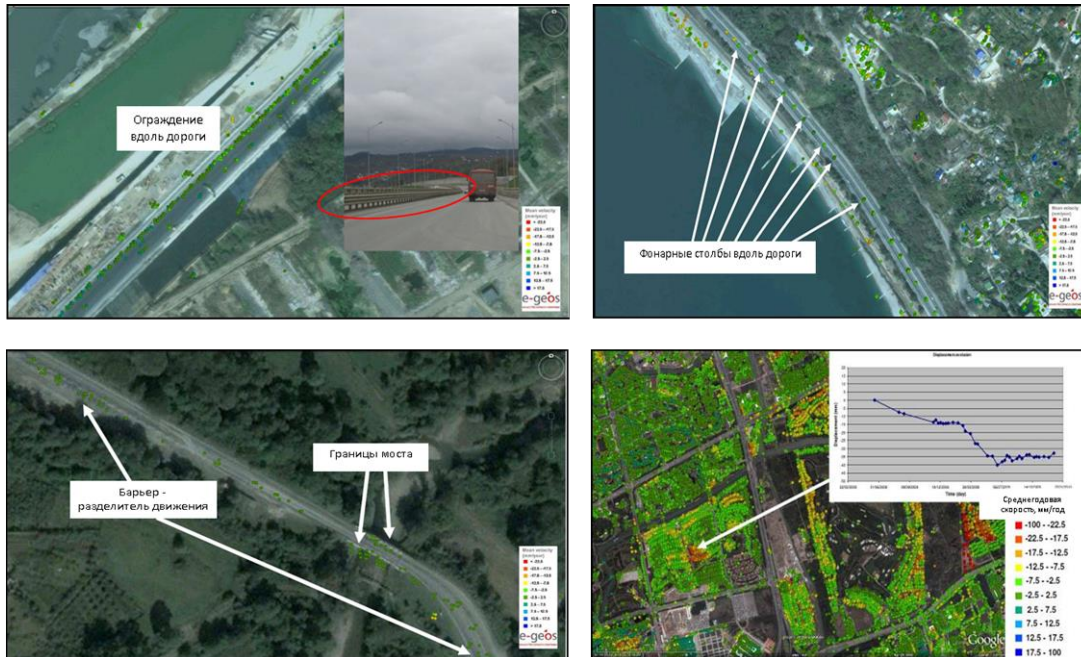


Рис. 2. Использование спутниковых радарных данных – дифференциальная интерферометрия

Технологии ДЗЗ при условии наличия оборудования, программного обеспечения и аттестованных специалистов делают возможным проведение юридически значимых экспертиз территорий, объектов, комплексов в масштабах от небольшого кадастрового участка до целых регионов, что является важной, иногда уникальной возможностью получения доказательной базы при раскрытии и расследовании преступлений.

Глобальная спутниковая навигация (ГНСС) основана на созвездиях навигационных спутников систем «ГЛОНАСС» (Россия), GPS (США), «Бэйдоу» (Китай). На базе ГНСС строятся программно-технические комплексы следующих типов:

- персональная навигация;
- навигационно-информационные системы (НИС) и тахография;
- системы взимания платы «ПЛАТОН»;
- системы реагирования на аварии «ЭРА-ГЛОНАСС».

Персональная навигация предназначена для индивидуального использования оборудования, обладающего свойствами приема-передачи навигационного сигнала. Это находящиеся в пользовании смартфоны, телефоны, нетбуки, ноутбуки, планшеты, навигаторы, навигационные датчики. В данном случае интерес может представлять информация об определении местоположения объекта (носителя геоинформации), о его перемещении, а также заданном маршруте и направлении движения. Данный вид навигации особенно значим для определения местоположения личности и его персонального устройства. Например, доказательственное значение имеет информация об установлении нахождения подозреваемого, свидетеля на месте происшествия, для подтвержде-

ния или опровержения показаний данных при допросе, а также информации, полученной в ходе следственных и оперативных действий [1, с. 7].

Навигационно-информационные системы (НИС) и тахография. Основное назначение – мониторинг географического положения и перемещений объектов. Кроме того, навигационно-связные устройства транспортных средств во многих случаях являются блоками концентрации множества датчиков различных видов. Такие датчики могут получать и передавать на серверы информацию о топливе, режимах работы двигателя и устройств, в отдельных случаях – аудио- и видеоинформацию.

В целом предназначение современных систем мониторинга и управления объектами – это непрерывный оперативный контроль, анализ и бизнес-управление ресурсами. Система мониторинга (НИС) делает работу предприятия и персонала более прозрачной, подверженной изучению и оптимизации.

На объектах могут использоваться различные устройства мониторинга – от применения мобильных устройств нестационарного типа (телефоны и др.), обычных навигационно-связных устройств до специализированных устройств – тахографов.

Среди недостатков следует отметить, что получение с помощью спутниковых средств географической информации, а также передача сводных данных по сотовым сетям производится с использованием радиоканала, который, исходя из базовых физических свойств, может быть подвержен блокировке (глушению) и искажениям. Ввиду таких особенностей затруднительно прямое использование навигационной информации в качестве доказательной базы. Однако решение данной проблемы возможно при создании в системе МВД России спутникового навигационного диспетчерского центра с защищенной системой программного обеспечения сигнала, который будет направлен на выполнение правоохранительных задач при помощи космических систем. НИС являются сложными комплексами, оценивающими работу системы устройств и значительно интегрированы, то есть при вмешательстве извне взаимосвязь между группами устройств нарушается и дает общий сбой, что и указывает на блокировку. Например, при помощи НИС возможно осуществлять управление городским пассажирским транспортом. Изменение данных в электронной базе приведет к прекращению существования системы слежения за группой объектов [3].

Отдельно выделяется применение тахографов, которые могут служить навигационно-связными устройствами, а также выполнять отдельную самостоятельную функцию.

Тахограф – контрольное устройство (рис. 3), устанавливаемое на борту автотранспортных средств, предназначенное для регистрации скорости, режима труда, отдыха водителей и членов экипажа. НИС и тахографы позволяют раскрывать преступления в сфере злоупотребления должностными обязанностями, неконтролируемого расхода средств и перевозимых материалов, а также преступлений, совершенных на транспорте и с помощью транспортного средства [6, с. 183].

Тахограф имеет блок криптографической защиты цифровой информации и юридически значимых средств персональной идентификации личности водителей с помощью индивидуальных электронных карт.



Рис. 3. Внешний вид тахографа и электронной карты водителя

Достаточно значимой при расследовании дорожно-транспортных преступлений является информация о скоростном режиме автомобиля за определенный промежуток времени. Получение информации о скорости транспортного средства производится как с помощью радиозависимых методов ГНСС, так и напрямую с откалиброванного спидометра автомобиля, что дополнительно обеспечивает инструментальный контроль и достоверность снимаемых параметров.

Функции тахографического контроля:

- распечатка всех отчетов либо вывод информации на дисплей позволяет легко просматривать все данные о скорости движения, пробеге транспортного средства, режимах труда и отдыха водителя, событиях и неисправностях автомобиля;
- непрерывная запись в память тахографа и карты водителя данных о работе транспортного средства и видах деятельности водителя, что не дает возможности осуществлять несанкционированные перевозки и приписки невыполненных работ водителем;
- контроль питания датчика скорости, что исключает возможность манипуляции со стороны водителя с данными о скорости движения и пробеге транспортного средства;
- определение ускорения транспортного средства и режимов торможения дает возможность оценить профессиональные качества водителя;
- накопление и хранение данных тахографа в течение 366 дней без риска ее потери за счет энергонезависимой памяти.

Некорректируемые данные в СКЗИ о маршрутах движения, параметрах движения транспортного средства, режимах труда и отдыха водителя обеспечивают транспортным предприятиям выплаты страховых компаний в случае ДТП.

Системы «ПЛАТОН» и «ЭРА-ГЛОНАСС». «Платон» предназначен для сбора платежей с большегрузных автомобилей при движении по федеральным трассам. На транспортных средствах дополнительно применяются устройства, аналогичные тахографам и имеющие блоки криптографической защиты СКЗИ. «ЭРА-ГЛОНАСС» – система экстренного реагирования на аварии (ЭРА), в целях немедленной автоматической передачи данных в центр реагирования при наступлении условий дорожно-транспортного происшествия, построена на базе навигационно-связных блоков специализированного типа.

Наличие рассматриваемых систем на транспортном средстве, а во многих случаях – нескольких мониторинговых устройств разных систем, может значительно упро-

стить получение оперативной информации, а комплексный анализ материалов позволяет получить и соответствующую доказательную базу при проведении следственных и оперативно-розыскных мероприятий.

Значительное количество информации, в том числе материалы, полученные средствами ДЗЗ и ГНСС, интегрируется в составные системно-технические комплексы. На территориях идут процессы создания подсистем комплексного мониторинга и управления, которые примут глобальный характер и позволят выполнять глубокие перекрестные виды ситуационного анализа и управления в уже ближайшем будущем.

Литература

1. Киселев Е.А., Забавина А.Ю. Проблемы законодательной регламентации использования данных спутниковых навигационных систем в раскрытии и расследовании преступлений // Российский следователь. 2015. № 4.
2. Маркелов Г.Я., Бурков С.М. Геоинформатика на Дальнем Востоке России // Земля из космоса. 2015. № 3 (19).
3. Маркелов, Г.Я., Пугачев И.Н. Спутниковый мониторинг в решении региональных и отраслевых задач // Информационные технологии XXI века: сб. науч. тр. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2015.
4. Маркелов Г.Я., Пугачев И.Н., Салтанова Е.Д. Факторы развития интеллектуальных транспортных систем // Транспорт Азиатско-Тихоокеанского региона. 2015. № 1 (2, 3).
5. Пугачёв И.Н., Маркелов Г.Я., Бурков С.М. О причинах слабого развития сети автомобильных дорог в России и, в частности, на Дальнем Востоке // О перспективах развития сети автомобильных дорог на территории Российской Федерации: Аналитический вестник Совета Федерации. 2015. № 3 (556).
6. Система мониторинга на основе спутниковой навигации: монография / Г.Я. Маркелов [и др.]; под ред. Г.Я. Маркелова. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2015.

УДК 343.4

МЕДИКО-ЮРИДИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРМИНОВ «ТЕЛЕСНОЕ ПОВРЕЖДЕНИЕ» И «ВРЕД ЗДОРОВЬЮ»

Владимир Вениаминович Прутовых, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России кандидат медицинских наук, доцент

E-mail: Vladvenn@mail.ru

В работе проведено историческое, этимологическое и лексическое исследование терминов «вред здоровью», «повреждение» и «телесное повреждение». Дана их судебно-медицинская и юридическая характеристика в свете современного российского законодательства. Разработано и предложено современное определение термина «вред здоровью».

Ключевые слова: современное законодательство РФ; телесное повреждение; повреждение; вред здоровью; коллизии при квалификации преступлений против здоровья.

MEDICO-LEGAL CHARACTERISTIC OF THE TERMS «INJURY» AND «DAMAGE»

Vladimir Veniaminovich Prutovych, cheair professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
kandidat nauk, degree in Medicine, Associate Professor

In the work conducted by historical, etymological and lexical study of the terms «injury» and «damage» and «injury». Given their forensic and legal characteristics, in the light of the current Russian legislation. Developed and proposed to the modern definition of the term «personal injury».

Keywords: current Russian legislation; bodily injury; damage; health damage; conflicts with the definition of crimes against health.

Принятие Конституции современной России, провозгласившей человека высшей ценностью, повлекло за собой необходимость значительного изменения российского законодательства. Существенные преобразования коснулись структуры и содержания основных законов РФ, в нормы которых были введены такие термины, как «человек», «здоровье», «вред» и другие, которым на момент их введения не было дано законодательного толкования. Так появился в нормативной базе термин «вред здоровью». Однако, несмотря на более чем двадцатилетний период использования в российском судопроизводстве, вопрос о его медико-юридическом толковании и правоприменении для судебной медицины и юриспруденции по-прежнему остается дискуссионным [4; 13; 19].

Специалисты, занимающиеся проблемой защиты прав человека, проанализировав нововведение, пришли к мнению, что если содержание статей УК РФ, предусматривающих ответственность за насильственные преступления против жизни и здоровья, осталось без изменений, то можно считать, что законодатель ввел термин «вред здоровью» вместо термина «телесное повреждение» на правах синонима [1; 20].

Это мнение легло в основу судебно-медицинской формулировки: «под вредом, причиненным здоровью человека, понимается нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психических факторов внешней среды» [8].

Однако данное определение идентично столетиями существующему в судебной медицине определению термина «повреждение», что привело к казусу, когда два самостоятельных термина, не являясь лексически синонимами, имеют одно и то же определение, чем нарушается общепринятое «золотое правило» толкования: один термин – одно понятие [16, с. 24].

В связи с посылом о синонимичности названных терминов, термин «телесное повреждение» стал механически заменяться термином «вред здоровью», что повлекло за собой появление весьма абсурдных по смыслу словосочетаний. Так, на страницах учебника «Судебная медицина» для юристов после упоминания о том, что законодатель заменил термин «телесное повреждение» на термин «вред здоровью», рекомендовано последний использовать в следующих вариантах:

- «- если есть на трупе вред здоровью, то где он расположен?»
- описание его необходимо производить сверху вниз» [17, с. 98, 425].

В проекте Правил определения тяжести вреда здоровью, вынесенном Минздравом для утверждения Минюстом, в п. 6.2.4, 6.3 имеются такие установки: «вред здоровью, повлекший прекращение беременности, потерю руки, производительной способности и др.» [7]. Представляется, что все должно выглядеть с точностью до наоборот: прерывание беременности, потеря ноги, зрения и другое – это последствия причиненных потерпевшему повреждений, которые и являются вредом здоровью.

Отсутствие законодательного толкования указанного термина порождает не только теоретические проблемы медико-юридического характера, но и влечет за собой существенные затруднения в правоприменительной практике при квалификации преступлений против здоровья, расследование которых предусматривает обязательное производство судебно-медицинской экспертизы. Подобных экспертиз, по данным В.А. Клевено, в России за год проводится до полутора миллионов [5].

В практике судебно-медицинских экспертов «вред здоровью» по-прежнему рассматривается как «телесное повреждение» и оценивается не как тяжесть последствий

для здоровья потерпевшего, а как тяжесть самого повреждения, что весьма затрудняет принятие судебных решений по квалификации насильственных преступлений против человека.

В этом отношении показателен пример оценки последствий травмы, причиненной чемпионом мира по боям без правил Р. Мирзаевым. По данным пресс-службы Следственного комитета РФ, «инцидент, который привел его на скамью подсудимых, произошел 15 августа 2011 г. у ночного клуба «Гараж» в центре Москвы. После удара спортсмена потерпевший Иван Агафонов упал и ударился головой. Затем самостоятельно поднялся, разговаривал, адекватно реагируя на окружающее. Но через некоторое время, в тот же день, был госпитализирован, а спустя три дня, 18 августа, умер в больнице. Для решения вопроса о тяжести вреда, причиненного здоровью потерпевшего, в ходе расследования было проведено пять судебно-медицинских экспертиз. В заключениях одних экспертов причиненные телесные повреждения оценивались как тяжкие, повлекшие наступление смерти (ч. 4 ст. 111 УК РФ – до 15 лет лишения свободы), в других, со ссылкой на Правила определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, указывалось, что причиненное потерпевшему повреждение (кровоподтек в скуловой области) вообще не подлежит оценке как причинение вреда здоровью. В дальнейшем суд, отдав предпочтение одному из многочисленных заключений, квалифицировал деяние как причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ – исправительные работы на срок до 2 лет)*.

Приведенный пример показывает, к чему ведет отсутствие адекватного, научно обоснованного понятийного разграничения между терминами «телесное повреждение» и «вред здоровью». Особое значение имеет научное толкование термина «вред здоровью», являющегося в УК РФ основным квалифицирующим признаком, характеризующим объективную сторону насильственных преступлений против жизни и здоровья человека.

Институт ответственности за причинение повреждений человеку был предусмотрен еще в первоначальных законодательных актах государства Российского. При изложении статей, предусматривающих наказание за подобные преступления, был использован казуистический способ их конструкции. В Соборном уложении 1649 г. это осуществлялось посредством простого перечисления повреждений, причиняемых потерпевшим, за которые предусматривалось наказание: «отпадет рука или усохнет; будут причинены кровавые раны или синяки от побоев; губы обрежет или глаз выколет и др.». Перечень их постоянно пополнялся, что делало закон весьма громоздким и трудным для правоприменителя. При разработке Соборного уложения 1903 г. законодатель применил оценочный способ конструкции статей, объединив все преступные последствия для здоровья в отдельной главе под названием «Телесные повреждения» [6].

Следует отметить, что в правовом пространстве повреждения могут причиняться не только человеку, но и транспортным средствам, лесным насаждениям, историческим памятникам и иным объектам, охраняемым законом. Поэтому, чтобы обозначить группу преступлений, связанную с причинением повреждений человеку, она была названа «телесные повреждения».

В судебно-медицинской травматологии для обозначения запредельного воздействия на организм человека повреждающих факторов употребляется термин «повреждение», так как в медицине, изучающей морфологические и функциональные свойства человеческого организма, иного, кроме телесного, повреждения быть не может. Исключение составляет только информационное поле судебной медицины, в котором, как указывает В.Л. Попов, термин «телесное повреждение» употребляется, но толкуется

* Пятая экспертиза по делу Мирзаева не нашла связи между его ударом и смертью студента Агафонова. URL: <http://pravo.ru/news/view/79799> (дата обращения: 23.06.2016).

как повреждение в медицинском понимании, о чем свидетельствует содержание определений, приводимых в научных публикациях и учебниках по судебной медицине [10].

В судебно-медицинском тезаурусе этот термин появился с 1922 г., когда совместным распоряжением Наркомюста и Наркомздрава в Правилах для судебно-медицинских экспертов было указано, что при оформлении заключений, «в целях правосудия эксперт обязан определить тяжесть повреждения согласно принятой в Уголовном кодексе классификации. В Уголовном кодексе РСФСР телесные повреждения разделяются на тяжкие, менее тяжкие и легкие» [11].

С этого времени термин «телесное повреждение» из юридического пространства, в котором он толковался как название вида преступления, экспортировался в медицинское, где воспринимается специалистами в области судебной медицины как «повреждение» в медицинском понимании. Примером двойственного содержания указанного термина могут служить варианты выводов экспертиз в период действия УК РСФСР, в которых указывалось, например, что «обнаруженные на теле гр-на К. телесные повреждения: ушибы, ссадины и кровоподтеки (медицинская оценка – *В.П.*) – повлекли за собой кратковременное расстройство здоровья на 5 дней и квалифицируются как легкие телесные повреждения (юридическая оценка – *В.П.*), не повлекшие за собой кратковременного расстройства здоровья». Эта формулировка соответствует квалификации деяния в соответствии с ч. 2. ст. 112 УК РСФСР.

В связи с вышеуказанным распоряжением Наркомюста и как видно из примера, возникла еще одна проблема: судебно-медицинских экспертов, имплицитно, обязали квалифицировать насильственные преступления против личности. Эта традиция квалификации деяния, когда эксперт в своем заключении указывает, что причинен тяжкий, средней тяжести или легкий вред здоровью, продолжает соблюдаться и в настоящее время, несмотря на изменившееся содержание уголовного закона и прекращение действия указанного документа. Это вызывает вполне обоснованный протест со стороны представителей юридической науки, считающих, что, когда эксперту предлагают решать вопросы, связанные с квалификацией деяния, по определению тяжести вреда здоровью явно лежащие вне пределов его компетенции, эксперт, отвечая на вопрос, подменяет следователя или суд, что является грубой экспертной ошибкой [18, с. 5].

Определение, данное в судебно-медицинских Правилах, что вред здоровью – это повреждение, не отвечает требованиям, предъявляемым к содержанию юридических терминов. По правилам юридической техники, при введении в законодательное пространство новых терминов необходимо провести их лингвистическую экспертизу.

Согласно морфемному разбору существительного «повреждение», толкуемого как синоним «вреда здоровью», «по» – приставка, обозначающая начальную стадию действия, «вред» – корень (по comment), «ение» – суффикс, который обозначает протекающий во времени незавершенный процесс [3, с. 273]. Таким образом, под термином «повреждение» следует понимать начало, процесс возникновения вреда. И если придерживаться логики причинно-следственных отношений, то вред здоровью является следствием причиненного повреждения (раны, перелома, черепно-мозговой травмы, отравления, заболевания и др.), которое в живом организме может завершиться выздоровлением – обратимое последствие, возникновением инвалидности – необратимое последствие или наступлением смерти. По всей вероятности, указанные последствия, возникшие от различного вида причиненных повреждений, и являются вредом, причиненным здоровью.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно утверждать, что термин «телесное повреждение», в медицинском его понимании, имеет свое, существующее уже не одну сотню лет устоявшееся конкретное определение, и «синонимизировать» его с термином «вред здоровью» как последствием повреждения нет никаких оснований. Термин «вред здоровью», будучи введенным в законодательное пространство, должен иметь свое определение.

Исследование юридической литературы показало, что до недавнего времени из-за отсутствия законодательного толкования терминов «здоровье» и «вред» невозможно было дать современное легитимное определение термину «вред здоровью». Впервые он был введен в статьи «Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан» (1993) без каких-либо комментариев. В новом Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» представлен перечень ключевых медицинских терминов, в частности, в ст. 2 указано, что *«здоровье – это состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма»*.

Наличие определения здоровья человека дает основание для разработки отвечающего требованиям современного законодательства определения и его антонима. Ключевым в определении является слово «благополучие». В соответствии с теорией уголовного права, провозглашающей, что здоровье – это неотчуждаемое благо, данное человеку от природы и защищаемое законом, вредом здоровью будет являться какое-либо наступившее неблагополучие в состоянии человека. Это неблагополучие для здоровья возникает в результате противоправных действий в отношении потерпевшего с использованием каких-либо внешних факторов. При механическом воздействии образуются раны, переломы, разрывы органов и другие механические телесные повреждения. Действие биологических и иных факторов приводит к возникновению инфекционных и других болезненных состояний (заболеваний). Для определения меры патологических изменений организма, наступивших в результате вышеуказанных обстоятельств, законодательством предусмотрено назначение соответствующих видов экспертиз: судебно-медицинской – для определения физического состояния; судебно-психиатрической – для определения психического состояния и медико-социальной – для определения социального благополучия человека.

Учитывая, что судебная медицина решает вопросы, возникающие у правосудия в отношении физического состояния потерпевших, то судебные медики должны определять юридически значимую меру патологических изменений физического состояния организма потерпевшего. Таковыми являются патологические изменения, указанные в ст. 111, 112 и 115 УК РФ, а именно: опасность для жизни, потеря органа или его функции, утрата трудоспособности, длительность расстройства здоровья (время, необходимое для восстановления трудоспособности), прерывание беременности, неизгладимое повреждение лица. Представляется, что все вышеуказанные последствия для здоровья потерпевшего, наступившие в результате уголовно наказуемых насильственных действий, и являются вредом, причиненным здоровью.

В юридическом пространстве термин «вред» употребляется довольно широко, однако до недавнего времени отсутствовало его законодательное определение. При кажущейся несложности его толкования для правоприменительной теории и практики он тоже оказался в довольно неопределенном состоянии. В специальном словаре судебно-медицинских терминов приводится простое перечисление его синонимов: нарушение, умаление, повреждение, разрушение, порча, ущерб и т.д. – более 10 наименований [2, с. 45]. Такая многозначность, позволяющая при принятии юридических решений толковать термин, руководствуясь лишь субъективным правосознанием, побудила Верховный Суд РФ дать по этому поводу свое разъяснение. В своем определении Суд указал, что *«вред представляет собой любое умаление охраняемого законом материального или нематериального блага, неблагоприятное изменение в таком блага»* [9].

В медицинской практике какое-либо нежелательное ухудшение состояния здоровья человека обозначается как «неблагоприятное последствие». Под этим термином понимается необратимое или временное патологическое изменение организма. Указанное последствие может наступить как от эндогенных заболеваний (пневмония, остеохондроз,

инфаркт миокарда, грипп и др.), так и от повреждений в результате воздействия факторов внешней среды: физических, химических, биологических и психогенных.

Таким образом, с судебно-медицинской точки зрения, учитывая упомянутые положения, *вред здоровью – это неблагоприятное последствие для здоровья, наступившее в результате повреждения, заболевания или экстремального состояния, переживаемого человеком* [12; 14; 15].

Определение содержит словосочетание «экстремальное состояние», потому что одним из повреждающих факторов является действие психического фактора. Неблагоприятное последствие для психического здоровья может быть вызвано какой-либо умышленно создаваемой экстремальной ситуацией, при которой потерпевший испытывает состояние эмоциональной напряженности (стресса). Это имеет место в случаях психического насилия, когда потерпевший, против его воли, испытывает подобное состояние, что характерно для таких преступлений, как угроза убийством или причинения тяжкого вреда здоровью, насильственные действия сексуального характера, пытки, что, выражаясь языком закона, нарушает состояние психического благополучия человека [20, с. 87; 21].

Определение состояния психического благополучия осуществляется посредством проведения судебно-психиатрической экспертизы. При этом эксперты не определяют тяжести вреда здоровью, а только указывают на наличие или отсутствие патологических изменений со стороны психики лица, в отношении которого она назначена, и в чем они выражаются, окончательную же оценку дает суд.

Определение термина «вред здоровью» имеет не только судебно-медицинское, но и уголовно-правое значение, так как, в отличие от других преступлений (убийство, грабеж, кража и т.д.), группа преступлений против здоровья не имеет своего определения, что создает некоторые сложности при их расследовании и квалификации.

Состав преступлений против здоровья сконструирован по материальному признаку, при котором обязательно должно быть наличие трех компонентов: наличие преступного деяния, наступление неблагоприятного последствия для объекта, охраняемого законом, и наличие причинной связи между деянием и наступившим последствием. Исходя из представленного и учитывая мнения иных специалистов, занимающихся проблемой расследования и квалификации насильственных преступлений против человека, это определение может быть сформулировано следующим образом: *«Причинение вреда здоровью – это противоправное деяние, повлекшее за собой наступление неблагоприятного последствия для здоровья другого человека»*. Эта формулировка может предварять в гл. 16 УК РФ перечень статей, предусматривающих наказание за совершение насильственных преступлений как непосредственно против здоровья, так и иных, сопровождающихся причинением вреда здоровью, которых в Особенной части УК РФ более 50 %.

Таким образом, результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что термины «вред здоровью» и «телесное повреждение» не идентичны и не могут выступать в законодательном пространстве в качестве синонимов. Термин «телесное повреждение» в современном российском законодательстве потерял свое значение как вид преступления и должен толковаться с медицинской точки зрения как «повреждение» в соответствии с определением, существующим в медицине с давнего времени. Совершенствование законодательства позволило дать современную дефиницию термину «вред здоровью» – это неблагоприятное последствие, возникающее вследствие причинения потерпевшему какого-либо повреждения. Использование данного определения будет способствовать адекватной судебно-медицинской оценке повреждений и квалификации деяний, повлекших причинение вреда здоровью человека, которого Конституция РФ провозгласила высшей ценностью.

Литература

1. Бедрин Л.М. О содержании и трактовке понятий «здоровье», «вред здоровью» и критериев степени их тяжести // Судебно-медицинская экспертиза. 1996. № 3.
2. Буромский И.В., Клевно В.А., Пашинян Г.А. Судебно-медицинская экспертиза: словарь для юристов и судебно-медицинских экспертов. М., 2006.
3. Дудников А.В. Современный русский язык: учебник для филологических курсов. М., 1990.
4. Зубкова В.И. Ответственность за преступления против личности по законодательству России. М., 2005.
5. Клевно В.А., Симонова И.С. Экспертная и правоприменительная практика медицинских критериев вреда здоровью в Российской Федерации // Судебная медицина. 2015. Т.1. № 1.
6. Лядова М.В., Тучик Е.С., Лядова А.В. Историко-правовой анализ вопросов тяжести причинения вреда здоровью в первых законодательных документах // История государства и права. 2014. № 11.
7. Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (по состоянию на 20.08.2015): проект приказа Минздрава России. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/56648590:0> (дата обращения: 27.06.2016).
8. Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: постановление Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522 // Российская газета. 2007. 24 августа.
9. Определение Верховного Суда РФ от 27 января 2015 г. № 81-КГ 14-19. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Попов В.Л. Основные понятия при экспертизе тяжести вреда здоровью // Материалы VI Всероссийского съезда судебных медиков. М.–Тюмень, 2005.
11. Прутовых В.В. История применения судебно-медицинских знаний в уголовном судопроизводстве. Проект правил определения степени вреда, причиненного здоровью // Судебно-медицинский журнал. URL: <http://journal.forens-lit.ru/node/1039> (дата обращения: 13.06.2016).
12. Прутовых В.В. История применения медицинских знаний в уголовном судопроизводстве. Толкование термина «вред здоровью» // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2013. № 1.
13. Прутовых В.В. К необходимости унификации законодательного инструментария для медико-юридической оценки степени вреда, причиненного здоровью // Медицинское право. 2016. № 1.
14. Прутовых В.В. Пределы компетенции судебно-медицинского эксперта при установлении степени вреда, причиненного здоровью // Российская юстиция. 2015. № 1.
15. Прутовых В.В. Современное толкование термина «вред здоровью» и его медико-юридическое значение // Право и жизнь. 2014. № 12.
16. Савицкий В.М. Язык процессуального закона: вопросы терминологии. М., 1987.
17. Судебная медицина: Общая и Особенная части: учебник / С.Ф. Щадрин [и др.]. Изд. 2-е. М., 2006.
18. Судебная экспертиза: типичные ошибки / Е.И. Галяшина [и др.]; под ред. Е.Р. Россинской. М., 2012.
19. Шарапов Р.Д. Понятие вреда здоровью в условиях правовой дезориентации судебно-медицинской экспертизы живых лиц // Уголовное право. 2007. № 1.
20. Шарапов Р.Д. Преступное насилие. М., 2009.
21. Яковлева Е.Ю. Оценка степени тяжести вреда здоровью при психогенных психических расстройствах потерпевших – жертв сексуальных правонарушений // Судебно-медицинская экспертиза. 2009. № 4.

УДК 343.98.067

**СУДЕБНЫЕ ЭКСПЕРТИЗЫ, НАЗНАЧАЕМЫЕ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ
МОТИВОВ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ
И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ
АНАЛИЗА СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ**

Роман Владимирович Кулешов, начальник отдела Департамента государственной службы и кадров МВД России кандидат юридических наук, доцент

E-mail: rv111@mail.ru

В статье проанализирована судебно-следственная практика назначения экспертиз в процессе расследования преступлений экстремистской и террористической направленности, которые призваны определить мотивы совершения названных деяний. Уточнены задачи и познавательные возможности следующих судебных экспертиз: судебно-психологической, судебно-лингвистической, религиоведческой и некоторых иных экспертиз. Обращая внимание на типичные недочеты и упущения, допускаемые в процессе назначения и проведения указанных экспертиз, предложены рекомендации по интенсификации процесса использования специальных знаний для уточнения мотивации совершения посягательств экстремистско-террористической направленности.

Ключевые слова: экстремизм; терроризм; преступления экстремистской и террористической направленности; судебные экспертизы; специальные знания; расследование; судебно-психологическая экспертиза; судебно-лингвистическая экспертиза; религиоведческая экспертиза; мотивы преступления.

**FORENSIC EXAMINATION, APPOINTED TO ESTABLISH
THE MOTIVES OF CRIMINAL ATTACKS BY EXTREMIST
AND TERRORIST ORIENTATION: RESULTS OF ANALYSIS
OF INVESTIGATIVE AND JUDICIAL PRACTICE**

Roman Vladimirovich Kuleshov, head of the Department of public service and personnel of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

The paper analyzes the judicial-investigative practice of appointment expertise in the investigation of crimes of an extremist and terrorist nature, aimed to determine the motives of committing the mentioned acts. Refined the task and the cognitive capabilities of the following legal expertise: forensic psychology, forensic linguistic, religious and certain other examinations. Paying attention to the typical mistakes and omissions made in the appointment process and conduct of these examinations, recommendations on the intensification of the process of using special knowledge to clarify the motivation for the harassment of an extremist and terrorist orientation.

Keywords: extremism; terrorism; crimes of extremist and terrorist nature; forensic expertise; expertise; investigation; forensic psychiatric examination; forensic linguistic expertise; theological expertise; the motives of the crime.

Ведущая роль мотивации [2; 3; 6] и целевых установок в структуре механизма преступлений экстремистской и террористической направленности предопределяет настоятельную потребность в назначении судебных экспертиз, специально предназначенных для установления мотивов и целей, движимых виновными в ходе приготовления, совершения и сокрытия названных деяний [9]. Как показывают эмпирические источники, применительно к названному направлению расследования, следователи обра-

щаются к следующим областям специальных знаний: к судебной психологии, психиатрии, лингвистике, религиоведению, социологии и т.д.

Представляется, что задачи установления мотивов и целей входят прежде всего в область знаний судебной психологии.

С точки зрения психологии все мотивы можно дифференцировать на устойчивые, предопределенные свойствами характера человека, и ситуативные. Установление мотивов первой группы требует детального изучения образа и условий жизни исследуемого лица, направленности его личности, свойств характера. Ситуативные мотивы нередко производны от устойчивых мотивов. Однако так бывает далеко не всегда. Ситуативные мотивы могут быть не только не детерминированы устойчивыми мотивами, но и вступить с ними во внутренний конфликт, что обусловлено специфическим эмоциональным состоянием данного лица. Поэтому четкое определение ситуативных мотивов, которые могут оказаться далеко не всегда очевидными, возможно благодаря установлению особенностей эмоциональной сферы лица в рамках судебно-психологической экспертизы [14, с. 40].

Соответственно будет недостаточным ограничиваться назначением судебно-лингвистической экспертизы, например, при анализе фраз типа «бей черных!», поскольку при всей, на первый взгляд, очевидности подобные фразы (особенно вырванные из контекста формирования и развития конфликтной ситуации) не обязательно свидетельствуют о наличии признаков национально-расовой дискриминации. Если основным устойчивым мотивом были неприязненные отношения на иной почве (зависть, ревность, месть, конкуренция и т.д.) и подобная фраза всего лишь сопровождала конфликт, а не отражала исходное побуждение субъектов преступления, то сама по себе она не предопределяет наличие экстремистских мотивов как данность. Кроме того, такое общее психологическое побуждение, как месть, может существенно различаться по своей направленности в зависимости от глубинных причин: месть за конкретные и реальные неприятности, причиненные в прошлом потерпевшим или его родственниками подозреваемому (обвиняемому) либо его близким, т.е. месть на почве прошлых обид; месть на почве переживаний, возникших в прошлом по причине действий иных лиц, имеющих сходство или соотношение с какими-либо чертами или особенностями потерпевшего (эффект переноса); кровная месть; месть за какие-либо неосторожные поступки потерпевшего, воспринятые субъектом преступления как оскорбительные; месть на почве зависти. Все названные варианты мести различны с точки зрения психологических механизмов их зарождения и влияния на выбор линии поведения.

Сферой судебно-психологической экспертизы являются непатологические явления психики, что свойственно психически здоровым людям. Предметом судебно-психологической экспертизы являются различные обстоятельства, отражающие субъективную сторону преступного деяния, наличие и пределы осознания и управляемости своим поведением в криминальных ситуациях, состояния и свойства личности, значимые с точки зрения установления уголовной ответственности, т.е. компоненты психической деятельности, имеющие значение для уголовного судопроизводства [14, с. 7].

Учитывая, что субъекты экстремистско-террористических преступных деяний могут обладать психическими расстройствами [5; 7; 8], что следует из искаженного восприятия ими картины мира [1; 11; 12], позиционирования себя как носителя особой миссии, сверхценной идеи, то при выборе в качестве экспертного исследования применения специальных знаний в области психологии необходимо исключить наличие психических расстройств [4; 10], являющихся прерогативой исследования судебной психиатрии. Для этого необходимо осуществить запросы в медицинские учреждения в целях установления факта оказания психиатрической помощи этим лицам, чему могут предшествовать допросы родственников и иных лиц, входящих в окружение подозреваемых, допросы и иные следственные действия с участием лиц, подлежащих обследованию. В случае выявления хотя бы признаков психических расстройств, ставящих во-

прос о вменяемости (в том числе и ограниченной), целесообразно назначение комплексной психолого-психиатрической экспертизы, в рамках которой судебно-психиатрическая часть будет исследовать вопросы о возможности подэкспертного полностью осознавать значение своих действий и руководить ими.

Представляется, что в обязательном порядке следует назначать психолого-психиатрические экспертизы в случаях причастности подэкспертных к террористическим актам, захвату заложников, призывам к насильственному свержению конституционного строя, к совершению иных преступлений, повлекших либо могущих повлечь человеческие жертвы или иные тяжкие последствия. Необходимо назначать судебно-психиатрическую экспертизу при выражении подозреваемым (обвиняемым) «сверхценных» идей о собственной миссии в мироздании, о необходимости радикального переустройства мира, «спасения» человечества и т.п. В иных случаях, если нет оснований сомневаться во вменяемости субъектов, что документально подтверждается отсутствием данных о нахождении на учете у психиатра, судебно-психиатрическая экспертиза может не назначаться.

Судебно-психологическая экспертиза способствует разрешению ряда различных задач [13, с. 531–535], наиболее типичными из которых, применительно к анализируемой категории преступлений, по нашему мнению, являются:

- определение способности лица верно воспринимать какие-либо значимые для расследования обстоятельства, осознавать значение своих действий, а также давать о них показания;

- определение эмоционального состояния подэкспертного лица, возможности возникновения у него различных психических состояний, значимых для расследования (в том числе таких эмоциональных состояний, как фрустрация, стресс);

- определение индивидуальных психологических особенностей, исключающих или затрудняющих выполнение отдельных действий профессионального характера (в том числе, могло ли конкретное лицо, именно с учетом его личных психологических особенностей, правильно оценить ту или иную ситуацию в целом либо определенные ее слагаемые, принять и реализовать правильное решение);

- определение индивидуальных психологических особенностей (интеллектуальных, эмоционально-волевых, мотивационных, характерологических) подэкспертного, которые могли способствовать совершению конкретных преступлений, предопределяя поведение конкретного лица в определенной ситуации, либо, напротив, минимизируют вероятность его причастности к совершению соответствующих преступлений;

- диагностика мотивационной структуры человека, определение иерархии мотивов и целевых установок;

- определение мотивационной составляющей его деятельности при совершении общественно опасного деяния, наличие или отсутствие конкретных мотивов политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотивов ненависти и вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Объектами судебно-психологической экспертизы по делам о преступлениях экстремистско-террористической направленности, как говорит об этом специальная литература [14, с. 7], а также судебная практика, могут быть как материальные, так и идеальные информационные источники. Разумеется, что доминирующим для данного вида экспертизы источником является психика человека как неотъемлемое свойство мозга. Помимо собственно личности обследуемого субъекта судебно-психологическая экспертиза исследует различные материализованные источники, отражающие психические процессы, свойства и состояния, а именно статьи и иные научные публикации, письма, дневники, результаты ранее проведенных исследований в отношении данного лица [15] и т.д.

Анализ эмпирических источников позволил констатировать, что помимо личности подозреваемого (обвиняемого) по делам о преступлениях экстремистско-

террористической направленности типичными материализованными объектами судебно-психологической экспертизы являлись:

- книги;
- журналы, газеты, брошюры и иные печатные издания, содержащие тексты, направленные на возбуждение ненависти или вражды на политической, идеологической, расовой, религиозной почве либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;
- тексты публицистических статей, направленных на возбуждение ненависти или вражды к определенной социальной группе;
- листовки и лозунги, содержащие призывы к насилию в отношении определенной социальной группы, используемые при проведении митингов и иных публичных мероприятий;
- тексты, размещенные в социальных сетях, направленные на возбуждение ненависти или вражды на политической, идеологической, расовой, религиозной почве либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а также содержащие в себе призывы к насилию в отношении данных социальных групп;
- видеозаписи и видеоролики, содержащие сцены, способные унижать достоинство людей определенной социальной группы, либо содержащие побудительные мотивы на осуществление насильственных действий в отношении представителей соответствующей социальной группы.

В процессе расследования преступлений экстремистско-террористического характера, связанных с психологическим побуждением виновными иных лиц к осуществлению экстремистской или террористической деятельности либо связанных с морально-психологической, деловой или иной дискриминацией каких-либо социальных групп, особенно актуально назначение судебно-лингвистических экспертиз как разновидности речеведческих экспертиз.

Предметом судебной лингвистической экспертизы выступают факты и обстоятельства, определяемые посредством применения научных знаний в сфере закономерностей функционирования и эволюции естественного и искусственного языка как средства выражения устной или письменной речи (филологии), ее содержательно-смысловой и формальной сторон. Соответственно объектами судебно-лингвистической экспертизы являются письменные тексты (рукописные, распечатанные с помощью печатающих устройств, электронные) либо устные высказывания.

Очевидно, что назначение данной экспертизы в большей степени свойственно расследованию преступлений экстремистской направленности, связанных с агитацией, пропагандой, нежели расследованию преступлений террористического характера. Вместе с тем мы обратили внимание на то, что преступления террористического характера также могут содержать в себе элементы воздействия на сознание лиц, побуждающих их к совершению тех или иных действий либо к отказу от их совершения. В этой части потенциал судебно-лингвистических экспертиз используется не в полной мере.

Анализ эмпирических источников показал, что объектами судебно-лингвистической экспертизы по делам о преступлениях экстремистско-террористической направленности являются:

- рукописные тексты;
- тексты, распечатанные с помощью средств полиграфической техники: в виде отдельных изданий (журналы, газеты) либо листовок, буклетов;
- тексты, распечатанные с помощью средств копировально-множительной техники в виде копий статей из каких-либо источников публикаций, листовок, копий информации, содержащейся на различных электронных сайтах либо web-страничках;
- тексты, находившиеся на web-ресурсах: страничках социальных сетей и иных сайтах;
- тексты, находящиеся на различных предметах: надписи на майках и иных предметах одежды, значках и прочих аксессуарах; лозунги и плакаты и т.п.;

- устные высказывания, зафиксированные документально (на электронных носителях информации).

Преимущества судебной лингвистической экспертизы – в ее способности разрешения следующей совокупности задач, актуальных для расследования указанной группы преступлений:

- разъяснение смысловых значений слов и словосочетаний, содержащихся в текстах, и их интерпретация с учетом стилистики всего текста;

- определение смысловой направленности речевого произведения, его цели и силы воздействия на адресатов, наличие явных или скрытых (завуалированных) побудительных средств и приемов;

- определение некоторых характеристик автора текста: родной язык, уровень владения приемами публичной устной или письменной речи и т.п.

Анализ эмпирических данных позволил обобщить типичные вопросы, разрешаемые в рамках лингвистической экспертизы:

- имеются ли в представленных на исследование текстах или иных материалах слова или выражения, содержащие негативные оценки в отношении какой-либо социальной группы как таковой; если имеются, то какие именно;

- в какой форме они выражены: в форме категоричного суждения, подкрепленного какими-либо доводами, в форме утверждения, личного субъективного мнения, эмоционального высказывания;

- является ли автором слов или выражений, содержащих резко негативную оценку в отношении какой-либо социальной группы, автор данного текста (выступления) либо эти слова или выражения представлены в виде цитаты, изложения личного мнения иных лиц, в том числе официальных;

- имеются ли в представленных на исследование текстах слова и выражения, направленные на унижение достоинства представителей определенной социальной группы (общности);

- имеются ли в представленных на исследование текстах слова и выражения пропагандистского характера, указывающие на неполноценность какой-либо социальной группы;

- имеются ли в представленных материалах высказывания о враждебности (агрессивности, лживости, изворотливости, непорядочности и т.д.) какой-либо социальной общности в целом;

- имеются ли в представленных на исследование материалах высказывания о контрастности, антагонистичности, противостоянии, полном несовпадении интересов одной социальной общности по отношению к другой;

- имеются ли в представленных на исследование текстах выражения, указывающие на историческое (природное) превосходство определенной социальной группы и (или) историческую (природную) неполноценность другой социальной группы;

- имеются ли в представленных на исследование материалах высказывания, отражающие возложение ответственности за те или иные исторические или иные социально значимые события на всех представителей определенной социальной общности;

- имеются ли в представленных на исследование материалах суждения, в которых все негативные события (в прошлом, настоящем или будущем), перенесенные представителями одной социальной общности, объясняются существованием и деятельностью другой социальной общности;

- имеются ли в представленных на исследование текстах слова или выражения, содержащие явный или скрытый призыв к осуществлению каких-либо негативных действий (причинение насилия, физическое истребление, выселение, депортирование, бойкотирование, ограничение прав, свобод и законных интересов и т.п.) в отношении представителей определенной социальной группы;

- имеются ли в представленных на исследование текстах слова или выражения, способные побудить адресата действовать против представителей определенной социальной группы либо послужить императивом (руководством к действию);

- имеются ли в представленных на исследование текстах высказывания, однозначно воспринимаемые как требование (императив) совершения определенного отрицательного воздействия на представителей какой-либо социальной общности;

- имеются ли в представленных на исследование материалах высказывания, одобряющие геноцид, репрессии, депортации в отношении представителей определенной социальной общности;

- имеются ли в представленных на исследование материалах высказывания, побуждающие предоставить привилегии представителям определенной социальной общности.

Например, судебно-лингвистическая экспертиза листовки, изъятой по месту фактического проживания обвиняемого К., показала, что текст листовки содержит информацию экстремистского характера, призывающую к насильственным действиям в отношении представителей власти (сотрудников правоохранительных органов), в обязанности которых входит обеспечение общественной безопасности, направленную на возбуждение социальной розни и нарушение прав и законных интересов человека в зависимости от принадлежности его к определенной социальной группе*.

Анализ процессуальных документов, отражающих ход назначения и выполнения судебных экспертиз, свидетельствует о том, что и следователем, и экспертами допускаются различные некорректные фразы, что вполне соответствует и ситуациям назначения и проведения судебно-лингвистических экспертиз. Эксперты признают те или иные фразы в качестве «информации экстремистской направленности», что, на наш взгляд, выглядит как попытка осуществить наряду с лингвистическим анализом также и правовую оценку действий лиц, составивших письменные тексты или высказывавшихся устно. Полагаем, что экспертам не следует выходить за пределы лингвистических исследований, отвечая на вопросы следователя, уточненный перечень которых нами был представлен, и не следует также давать правовую оценку, называя те или иные материалы экстремистскими. Экспертам достаточно определить смысловое содержание представленных объектов речевой информации, цель и силу воздействия на адресатов, наличие явных или скрытых (завуалированных) побудительных (оставляющих за человеком право выбора либо императивных) средств и приемов на осуществление активной деятельности.

Кроме того, следует отметить, что судебно-психологическая и судебно-лингвистическая экспертизы иногда трактуются следователями как взаимозаменяемые. Например, психологам поручается определить, имеются ли в определенном материале слова или выражения, содержащие явный или скрытый призыв к осуществлению насильственных действий в отношении представителей той или иной социальной группы, а лингвистам – определить, какими мотивами руководствовалось лицо, делая те или иные публичные заявления пропагандистского характера.

Разумеется, сфера человеческой психики, отражающей мотивационную составляющую, весьма многогранна, затрагивает как внутренние психические процессы и состояния, так и их внешнее речевое выражение. Полагаем, что сказанное подтверждает преимущества комплексных экспертиз, по сравнению с однородными, в ходе расследования преступлений экстремистской и террористической направленности. Кроме того, осуществлять выбор судебных экспертиз необходимо с учетом, во-первых, характерологических особенностей субъекта преступления и потерпевших; во-вторых, с учетом особенностей криминальной ситуации, наличия сопутствующих факторов, влияющих на совершение преступления, личностных особенностей различных участников конфликта.

* Материалы уголовного дела № 200925408/14 Тюменского областного суда. 2010 г.

Литература

1. Айвазова О.В., Гнетнев И.Г. Особенности формирования показаний подозреваемых, обвиняемых, имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2.
2. Варданян А.В., Андреев А.С. Эмоциональные переживания и суицидальные поступки как часть посткриминального поведения лиц и их значение для раскрытия и расследования убийств (криминалистические и психологические аспекты) // Философия права. 2016. № 2 (75).
3. Варданян А.В., Говорухина Е.В. Мотивация тяжких насильственных преступлений против личности как основание для их криминалистической классификации. Типичные места совершения насильственных преступлений против личности // Юристь–Правоведъ. 2015. № 3 (70).
4. Варданян А.В., Гнетнев И.Г. Понятие, значение и структура криминалистической характеристики преступлений против жизни и здоровья, совершенных лицами, имеющими психические расстройства, не исключающие вменяемости // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2.
5. Варданян А.В., Кийко Л.Н. Криминалистически значимые особенности лиц, совершивших тяжкие насильственные преступления против личности // Научные труды SWorld. 2013. Т. 29. № 1.
6. Варданян А.В., Кийко Л.Н. Мотивация тяжких насильственных преступлений против личности как элемент криминалистической характеристики // Научные труды SWorld. 2013. Т. 29. № 1.
7. Варданян А.В. Криминалистическая типология субъектов насильственных посягательств на жизнь и здоровье личности, имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 2-2.
8. Варданян А.В., Кулешов Р.В. Типология агрессии и формы ее проявления в структуре мотивации экстремистской и террористической деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 2 (25).
9. Варданян А.В. Научный потенциал методики построения психолого-криминалистического портрета личности типичного преступника в контексте проблемы совершенствования криминалистической характеристики преступлений // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. тр. XII Всерос. науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону: Ростовский юрид. ин-т МВД России, 2015.
10. Варданян А.В. Некоторые проблемы назначения психолого-психиатрической экспертизы при расследовании насильственных посягательств на жизнь и здоровье личности, совершенных субъектами, имеющими психические расстройства, не исключающие вменяемости // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 2-2.
11. Варданян А.В. Особенности формирования преступной мотивации у лиц, имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости, при совершении ими преступлений против жизни и здоровья личности на сексуальной почве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 3 (30).
12. Варданян Г.А. Общие положения допроса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых как теоретико-методологический ориентир для повышения результативности расследования преступлений экстремистской направленности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1-2.
13. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005.
14. Ситковская О.Д., Коньшева Л.П., Коченов М.М. Новые направления судебно-психологической экспертизы. М.: Юрлитинформ, 2000.
15. Терпелец А.Н. Особенности психофизиологических реакций, возникающих в процессе исследования с помощью полиграфа // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. тр. XII Всерос. науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону: Ростовский юрид. ин-т МВД России, 2015.

УДК 343.985

**О СОВРЕМЕННЫХ АСПЕКТАХ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ
ПО УСТАНОВЛЕНИЮ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ЛИЦ, СКРЫВАЮЩИХСЯ
ОТ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ, СЛЕДСТВИЯ И СУДА**

Снежана Николаевна Веснина, начальник кафедры

кандидат юридических наук, доцент;

Александра Викторовна Неустроева, доцент кафедры

кандидат юридических наук

(Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института

МВД России)

E-mail: SnowV@mail.ru

Shem.vladivostok@mail.ru

В статье проанализировано современное состояние розыскной работы следователя, рассмотрен перечень документов для передачи следователем в установленном порядке в розыскное подразделение, предложены перспективные направления повышения эффективности розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда.

Ключевые слова: взаимодействие; следователь; оперативно-розыскная деятельность; розыскная работа; разыскиваемое лицо.

**ON THE MODERN ASPECTS OF THE ORGANIZATION
OF INTERACTION INVESTIGATORS OPERATIONAL
UNITS TO LOCATE FUGITIVES FROM BODIES OF INQUIRY,
INVESTIGATION AND TRIAL**

Snezhana Nikolaevna Vesnina, chair head *kandidat nauk*, degree in Law,

Associate Professor;

Alexandra Viktorovna Neustroeva, chair associate professor *kandidat nauk*,

degree in Law

(Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia)

The article analyzes the current state of the investigative work of the investigator, the list of documents considered by the investigator to transfer the established order in the investigative division. Perspective directions of increase of efficiency of search of fugitives from the authorities inquiry, investigation and trial.

Keywords: interaction; investigator; operatively-search activity; detective work; the person sought.

В последние годы в России отмечается устойчивая тенденция качественного изменения преступности: дальнейший рост ее организованности, мобильности, технической оснащенности. Обычным явлением стало активное противодействие расследованию преступлений, одним из наиболее распространенных способов которого является сокрытие виновных лиц от органов дознания, следствия и суда.

За период с января по май 2016 г., по сравнению с предыдущим годом, анализ статистических данных на территории Приморского края показывает увеличение количества разысканных лиц от общего количества объявленных в розыск. Однако, несмот-

ря на положительную динамику снижения остатка разысканных преступников, розыскная работа остается приоритетной в деятельности органов внутренних дел.

Розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, – задача всех структурных подразделений органов внутренних дел, взаимодействие между которыми имеет решающее значение для достижения успеха в указанной деятельности.

Справедливо утверждает В.В. Степанов, что необходимость в розыске лица возникает в ситуациях, когда:

1) подозреваемый или обвиняемый скрылся от дознания или следствия. Разновидностью является ситуация, когда лицо, совершившее преступление, известно, но уклоняется от явки в следственные органы;

2) лицо, совершившее преступление, установлено, но неизвестно его местонахождение. Если после установления его места нахождения окажется, что лицо скрылось, то в этом случае возникает необходимость в его розыске [3, с. 202].

Независимо от того, в какой период после совершения преступления лицо скрылось от органов расследования, следователь, как правило, узнает об этом в тот момент, когда подозреваемый или обвиняемый не является по вызову. Однако сам по себе указанный факт не является достаточным основанием для объявления розыска и вынесения постановления о приостановлении следствия. На данном этапе необходимо производство следственных действий, иных организационных мероприятий, направленных на установление действительного факта уклонения или неизвестности места нахождения подозреваемого, обвиняемого. Следователь должен в обязательном порядке убедиться, что вызов (повестка) действительно был направлен и своевременно доставлен по нужному адресу. Формами подтверждения могут быть расписки, рапорта должностных лиц, которым было поручено организовать вызов.

В целях исключения причин отсутствия лица, не связанных с его преднамеренным уклонением от следствия, и предотвращения необоснованного объявления подозреваемого (обвиняемого) в розыск следователь обязан предпринять первоначальные розыскные меры. К ним можно отнести проверку по месту жительства отсутствующего; проверку по месту работы путем направления письменного запроса, а в необходимых случаях, путем личной беседы с руководителем предприятия, сослуживцами; проверку по учетам информационного центра в целях установления, содержится ли лицо под стражей за совершение другого преступления, привлекался ли ранее к уголовной или административной ответственности, а также установления факта возбуждения уголовного дела в отношении его в иных подразделениях ОВД; запрос сведений по учету «Розыск Магистраль» в целях получения информации о приобретении разыскиваемым билетов на железнодорожный (авиа) транспорт; обращение в паспортно-учетный сектор для установления факта снятия с регистрационного учета в связи с убытием и возможным места его нахождения; направление запросов в лечебные учреждения для выяснения фактов нахождения лица на лечении, в отделы ЗАГС для выяснения регистрации смерти подозреваемого (обвиняемого), смены фамилии, имени, отчества.

Если доказательства, собранные на данном этапе, позволяют установить факт сознательного уклонения подозреваемого, обвиняемого от следствия либо неизвестности его места нахождения, следователь должен принять меры к розыску, установлению мест его возможного нахождения и круга общения. В связи с этим в информационном поле есть возможность системно использовать сведения, получаемые в результате проведения следственных действий, оперативно-розыскных и регистрационных мероприятий, осуществляемых в период раскрытия и расследования преступления [2, с. 26]. Обыск может проводиться не только по месту жительства и работы разыскиваемого, но и в местах его вероятного нахождения. Так, в процессе обыска могут быть обнаружены письма, записки, дневниковые записи и другие документы, по которым можно идентифицировать данное лицо. При обыске следует обратить внимание на фотографии разыскиваемого, изготовленные в последнее время, а также других лиц, связь с которыми он может поддержи-

вать, скрываясь от следствия. При осмотре места происшествия, в результате изменения окружающей обстановки в связи с действиями преступника, могут быть обнаружены следы его пребывания: следы рук, ног, зубов, выделения человеческого организма, части одежды, орудия преступления и другие предметы, принадлежащие ему [1, с. 309]. В результате допросов свидетелей, потерпевших, контроля и записи переговоров, получения информации между абонентами и (или) абонентскими устройствами, наложения ареста на корреспонденцию обвиняемого или его родственников также могут быть получены соответствующие сведения о разыскиваемых лицах.

К мероприятиям организационного характера можно отнести: направление запросов в ФГУП «Ростехинвентаризация – Федеральное БТИ», в отделение РосРЕЕСТРа на наличие (отсутствие) недвижимого имущества в собственности разыскиваемого; в налоговую инспекцию в целях установления лица, производящего налоговые выплаты за имущество разыскиваемого; в пенсионный фонд на предмет установления возможного перечисления каким-либо работодателем отчислений за разыскиваемого; в УГИБДД для установления факта наличия автотранспорта, зарегистрированного на имя разыскиваемого; в бюро по трудоустройству (службу занятости); проверку информации по базам ЕГРЮЛ и ЕГРИП; установление наличия депозитных, текущих или иных счетов в банках и наложение ареста на эти счета; изучение информации в социальных сетях Интернета (сайты знакомств, «Одноклассники» и т.д.).

Следует учитывать, что, если разыскиваемый ранее судим, определённую информацию можно получить из материалов архивного уголовного дела, а также в личном деле осужденного, в случае отбывания им наказания.

Параллельно следует давать поручения органам дознания на предмет установления места нахождения лица. Так, судебная практика Приморского края показывает, что в поручениях следователей нет предметности применительно к обстоятельствам уголовного дела, в то же время они содержат большой объем работы, которую оперативным сотрудникам необходимо проделать в максимально сжатые сроки. Как правило, дается трафаретное поручение «провести комплекс ОРМ, направленных на установление лица, совершившего преступление», «допросить свидетелей», «назначить геномную экспертизу» или «провести выемку документов», копии которых могут быть запрошены письмом самим следователем. Нередко поручения о производстве отдельных следственных действий, организационных мероприятий по уголовным делам направляются следователями незадолго до дня приостановления сроков следствия по п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Исполнить их не представляется возможным ввиду того, что большая часть доказательственной информации к этому времени утрачивается. Данные поручения увеличивают сроки расследования уголовных дел, так как оперативный сотрудник в указанных случаях направляет запросы в соответствующие учреждения, организации, а полученные ответы направляет следователю. В соответствии с ч. 4 ст. 21 УПК РФ следователь вправе самостоятельно направлять запросы в учреждение, предприятие, организацию, должностным лицам и гражданам, которые обязательны для исполнения.

Представляется, что розыскное поручение должно содержать следующие данные: основные обстоятельства дела (в том числе обстоятельства, при которых скрылся обвиняемый), а также все сведения, которые могут быть использованы для его розыска (полные установочные данные, описание внешности с указанием наиболее характерных примет, сведения о родственниках и знакомых, которые могут проживать в данном населенном пункте); конкретные следственные действия и иные организационные мероприятия, которые необходимо провести с целью розыска.

Если мероприятия по розыску подозреваемого, обвиняемого не принесли положительного результата, то появляется основание для объявления в розыск подозреваемого, обвиняемого посредством вынесения соответствующего постановления.

Для того, чтобы задействовать возможности других служб и подразделений, следователю помимо соответствующего постановления необходимо подготовить ряд до-

кументов для передачи в установленном порядке в розыскное подразделение. Практика показывает, что и в этом направлении отсутствует единство перечня документов, представляемых в орган дознания, осуществляющий розыск. Анализ нормативно-правовых актов позволяет к таковым отнести следующие:

- копию возбуждения уголовного дела;
- копию постановления о приостановлении предварительного следствия по уголовному делу;
- постановление об объявлении в розыск подозреваемого (обвиняемого) и избранной в отношении его меры пресечения;
- справку о личности разыскиваемого подозреваемого (обвиняемого), в которой обязательно должны быть отражены родственные связи, данные о друзьях, коллегах, места их проживания, домашние (сотовые) телефоны;
- копию постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого;
- копию протокола допроса подозреваемого (обвиняемого) либо справку по уголовному делу, в которой будут отражены все связи разыскиваемого, включая свидетелей;
- постановление о производстве обыска по месту жительства;
- отдельное поручение на производство обыска;
- копию формы № 1, заполняемой при выдаче паспорта;
- форму № 104, выдаваемую информационным центром о содержании разыскиваемого под стражей в связи с совершением другого преступления или административного правонарушения;
- фотографию разыскиваемого, выполненную относительно недавно.

Указанные документы не позднее трех дней передаются в розыскное подразделение, при этом следователь не освобождается от процессуального участия в розыске подозреваемого (обвиняемого). Однако, как уже было отмечено, на практике принятие следователем мер по розыску обычно заключается в поручении его осуществления органу дознания, после чего следователи устраняются от розыска скрывающегося лица, ссылаясь на то, что термин «розыск» используется в УПК РФ только в смысле его осуществления органами дознания.

Следует также особо подчеркнуть, что при приостановлении предварительного следствия по уголовному делу сохраняется процессуальная обязанность следователя принимать меры к установлению лица, совершившего преступление, обеспечению гражданского иска.

Проведенные исследования организации работы должностных лиц по установлению местонахождения скрывающихся от органов дознания, следствия и суда показывают и иные факторы, оказывающие влияние на данную деятельность.

Требуется более принципиальная позиция, связанная с задержанием подозреваемых в порядке ст. 91 УПК РФ. Согласно ч. 3 ст. 210 УПК РФ, в случае обнаружения подозреваемого (обвиняемого) при объявлении в федеральный розыск он подлежит задержанию в порядке, предусмотренном ст. 91, 92 УПК РФ, с последующим применением процедуры избрания в отношении задержанного подозреваемого, обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу. Однако на практике предложенный законодателем порядок задержания и избрания меры пресечения в виде заключения под стражу (нередко за сотни и тысячи километров от места производства предварительного расследования) подозреваемого, обвиняемого, скрывшегося от органов предварительного расследования, не срабатывает.

Мало что изменилось и с практикой избрания в отношении скрывшегося подозреваемого (обвиняемого) меры пресечения, в том числе заключения под стражу. Широко практикуемое в настоящее время избрание в отношении подозреваемого (обвиняемого) мер пресечения, не связанных с заключением под стражу, способствует значительному увеличению числа разыскиваемых лиц, что, в свою очередь, усложняет розыскную ра-

боту. Ежегодно разыскивается более 40 % лиц – подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых избрана мера пресечения, не связанная с заключением под стражу.

Сегодня для органов внутренних дел острый вопрос – это невозможность (что допускал УПК РСФСР) заочного избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении скрывшихся от следствия и дознания и объявленных в розыск подозреваемых, обвиняемых (за исключением лиц, объявленных в международный розыск).

Для решения изложенных проблем в ходе досудебного производства считаем необходимым внесение в соответствующие статьи УПК РФ некоторых изменений. В частности, распространить возможность принятия судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого на все случаи объявления в розыск, предусмотреть ответственность за нарушение избранной меры, процессуально закрепить этапирование разысканных лиц к месту проведения предварительного следствия.

Следующим фактором, оказывающим влияние на установление и задержание скрывшихся лиц, можно считать крайне редкое использование следователем в доказывании материалов, полученных в рамках ОРД. К сожалению, сбор доказательств так и не стал главным требованием при проведении специальных мероприятий. Продолжает свое существование сложившийся стереотип того, что главное – установить преступника, а доказывание вины – дело не сложное. Сегодня работу оперативных служб следует выводить на качественно новый уровень и основной задачей ставить не сбор оперативной информации, а получение материалов (негласная аудиозапись, фото- и видеосъемка), которые могут быть использованы в качестве доказательств по уголовным делам.

В целях повышения эффективности взаимодействия следователя с оперативными подразделениями по установлению местонахождения лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, представляется целесообразным:

1. Совместно изучить практику применения положений приказа МВД России, регулирующего вопросы розыскной работы органов внутренних дел в ряде регионов. По результатам наметить комплекс дополнительных мероприятий, направленных на повышение эффективности взаимодействия и заинтересованности сотрудников Следственного комитета РФ и сотрудников полиции.

2. Силами Следственного департамента МВД России и Следственного комитета РФ определить регионы, где наработан значительный позитивный опыт взаимодействия оперативных и следственных подразделений, обобщить его и направить на места.

3. На уровне МВД России разработать методические рекомендации по организации и осуществлению розыскной деятельности как в ходе расследования преступлений, так и после приостановления предварительного следствия.

4. Ввести в практику проведение совместных семинаров-совещаний сотрудников оперативных и следственных подразделений по проблемам установления местонахождения лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда.

5. Кроме того, требуют своего совершенствования положения уголовно-процессуального законодательства в части создания адекватной системы уголовно-процессуального реагирования в зависимости от тяжести совершенного преступления. Большое практическое значение имела бы законодательная трактовка процессуального порядка объявления и прекращения розыска, содержания процессуальных документов об объявлении в розыск.

Литература

1. Криминалистика: учебник / под ред. А.Г. Филиппова. М., 2013.
2. Мерецкий Н.Е. Влияние поступающей информации в доказывании на начальном этапе расследования преступлений // Оперативник (сыщик). 2011. № 3 (28).
3. Степанов В.В. Процессуальные и криминалистические проблемы розыскной деятельности // Криминалистика, экспертиза, розыск: научное обеспечение деятельности ОВД РФ: сб. науч. ст. Вып.1. Саратов: Саратовский юрид. ин-т МВД России, 2007.

УДК 343.976

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НОВЫХ ПОТЕНЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ

Мария Викторовна Серебрянникова, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук

E-mail: ms050307@mail.ru

В данной статье предпринимается попытка определить содержание предмета преступного посягательства как основного элемента криминалистической характеристики преступлений, уголовная ответственность за которые предусмотрена ст. 234.1 УК РФ. Анализируются такие понятия, как «новые потенциально опасные психоактивные вещества», «курительные смеси», «спайсы», «дизайнерские наркотики», «легальные наркотики», «синтетические наркотики».

Ключевые слова: новые потенциально опасные психоактивные вещества; курительные смеси; спайсы; дизайнерские наркотики; легальные наркотики; синтетические наркотики; предмет преступного посягательства.

CRIMINALISTIC CHARACTERISTIC OF THE NEW POTENTIALLY DANGEROUS PSYCHOACTIVE SUBSTANCES

Maria Victorovna Serebryannikova, chair associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *kandidat nauk*, degree in Law

In this article an attempt to determine content of a subject of criminal encroachment as a basic element of the criminalistic characteristic of crimes, criminal liability for which is provided by Art. 234.1 of the Criminal code of Russian Federation, is made. Such concepts as «new potentially dangerous psychoactive agents», «smoking mixes», «spices», «design drugs», «legal drugs», «synthetic drugs» are analyzed.

Keywords: new potentially dangerous psychoactive substances; smoking mixes; spices; design drugs; legal drugs; synthetic drugs; subject of criminal encroachment.

За последние десятилетия наркоиндустрия ускоренными темпами переходит от распространения так называемых «традиционных», или «классических», наркотиков к производству и сбыту новых синтетических наркотиков, которые обладают более сильным психоактивным действием. Основные усилия международного наркобизнеса сосредоточены на синтезе новых психоактивных веществ на основе базовых формул уже известных наркотиков путем модификации молекулярного состава (т.е. происходит так называемое «клонирование»).

Так, в Российской Федерации в 2015 г., в сравнении с 2010 г., значительно уменьшился оборот наркотиков каннабисной группы. Если в 2010 г. только органами ФСКН России было изъято 24 163 кг наркотических средств данной группы, то в 2015 г. данный показатель снизился до 14 835 кг. При этом объемы изъятых синтетических наркотиков увеличились со 139 кг в 2010 г. до 2 349 кг в 2015 г.*.

Распространение различных видов синтетических наркотических средств в России приняло угрожающий характер, а в последнее время участились случаи массового отравления подростков и молодых людей. Средства массовой информации очень широко освещают практически каждый случай отравления такими наркотическими сред-

* Итоги деятельности Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков за 2015 г. URL: <http://fskn.gov.ru>

ствами, особенно несовершеннолетними лицами. Так, например, в октябре 2014 г. в Воронеже в токсикологическое отделение областной клинической больницы № 1 поступили 37 граждан с отравлением наркотическим веществом психотропного действия. В декабре 2014 г. во Владимире один человек погиб, второй попал в реанимацию после употребления курительных смесей. Пострадавший и двое его знакомых употребляли психоактивное вещество. После того, как мужчины покурили «спайс», один из них мгновенно умер, а еще одного отправили в реанимацию*. Подобные случаи, к сожалению, случаются нередко. Особую опасность представляет тот факт, что продажа таких видов наркотических средств производится лицам любого возраста, а заказ через Интернет позволяет получить его с доставкой прямо на дом. Указанные обстоятельства свидетельствуют о повышенной общественной опасности данного явления и определяют актуальность проводимых в данной сфере исследований.

Кроме того, с учетом сложившейся обстановки в феврале 2015 г. российское законодательство пополнилось таким новым понятием, как «новые потенциально опасные психоактивные вещества». Так, в соответствии с Федеральным законом РФ от 3 февраля 2015 г. № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7] глава 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» УК РФ была дополнена новой ст. 234.1, предусматривающей уголовную ответственность за незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ.

Этим же нормативным правовым актом в Федеральный закон РФ № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» был внесен ряд дополнений. Так, в частности, статья 1 указанного Федерального закона разъясняет, что под новыми потенциально опасными психоактивными веществами (далее – НПОПАВ) необходимо понимать вещества синтетического или естественного происхождения, включенные в Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен [10].

Учитывая довольно короткий срок действия ст. 234.1 УК РФ, правоприменительная практика не наработала еще достаточного опыта по раскрытию и расследованию преступлений, связанных с новым предметом преступного посягательства. До сих пор не разработана и не апробирована методика расследования данных преступлений, что отрицательно сказывается на результатах деятельности правоохранительных органов. В настоящей статье мы предприняли попытку обобщить некоторую информацию о новых психоактивных веществах, охарактеризовав таким образом предмет преступного посягательства данных видов преступлений как ключевой элемент криминалистической характеристики.

Вместе с тем к обстоятельствам, подлежащим обязательному установлению и доказыванию при производстве по уголовному делу, относится событие преступления (п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), обязательным признаком которого является предмет преступного посягательства. Случай неустановления именно этого признака влечет за собой принятие такого процессуального решения, как отказ в возбуждении уголовного дела или его прекращение.

Реестр психоактивных веществ (курительных смесей, спайсов, солей), запрещенных к обороту на территории Российской Федерации (далее – Реестр), размещался на официальном сайте Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков. В указанный Реестр в 2014 г. по инициативе ФСКН России было внесено 26 веществ, из которых 22 вида наркотических средств и психотропных вещества с общим количеством производных не менее 263. За 6 месяцев 2015 г. по инициативе ФСКН России установлен контроль за оборотом на территории Российской Федерации за 14 видами наркотических средств (курительных смесей, спайсов, солей и т.п.)

* URL: <http://ria.ru/spravka/20151231/1352433957.html#ixzz4D8hDhbNi>

с общим количеством производных не менее 154*. Иных официальных данных о количестве внесенных в данный Реестр психоактивных веществ в настоящее время не представлено. Кроме того, Указом Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» ФСКН России была упразднена [12]. Функции и полномочия ФСКН России переданы МВД России, однако остается до сих пор нерешенным вопрос, кто именно будет наделен полномочиями по внесению дополнений в указанный Реестр.

Исходя из названия Реестра, можно констатировать, что законодательно к видам новых потенциально опасных психоактивных веществ относятся курительные смеси, спайсы и соли. Анализ юридической, медицинской и иной литературы, а также информации, размещенной на страницах интернет-сайтов, свидетельствует о многообразии определений НПОПАВ (несмотря на формулировку данного понятия в нормативном правовом акте), их видов и составов, признаках их употребления, влияния на организм и т.д. В рамках настоящей статьи мы попытались обобщить подобную информацию, сделав некоторые выводы.

Следует отметить, что, согласно информации, предоставляемой учеными-экспертами, химической классификации таких веществ в настоящее время не существует, поскольку психоактивными являются несколько видов терпеноидов, алкалоидов и аминокислот, которые входят в их состав. И только в определенной комбинации они создают наркотическое опьянение. В то же время отсутствует и общепринятая научная классификация НПОПАВ, т.к. их стремительное появление и распространение не позволяет ученым провести в данной области какие-либо полные комплексные исследования.

Вместе с тем, проведенный нами анализ показал, что синтетические НПОПАВ в зависимости от формы (типа) могут быть представлены в виде кристаллов, порошков (россыпью), муки, марок и твердых смесей.

Так, кристаллы, как правило, – это полностью синтетические НПОПАВ, содержащие «дизайнерские» соединения, основным действующим веществом которых является мефедрон или другой алкалоид из ряда катинонов – амфетамин- и эфедриноподобных веществ, модифицированные в лабораторных условиях. Свое название данный вид НПОПАВ получил из-за кристаллической структуры, которая по внешнему виду напоминает крупную соль. Типичный пример синтетических курительных смесей так и называется «соли», при этом производители маскируют их, например, под соли для ванн, под стимуляторы роста растений, под удобрения, средства против насекомых, смеси для приготовления энергетического напитка.

Смеси, представленные в виде порошка, иначе могут называться «реагентами» или «порохом», обычно они обладают самым сильным эффектом. В то же время это полностью синтетические психоактивные вещества, которые могут употребляться также перорально.

Аналогичные порошкам по внешнему виду и действию на организм НПОПАВ могут быть обнаружены в виде муки, которая по своему составу может являться как растительным, так и синтетическим миксом. На вид они напоминают мелкодисперсную пыль.

Смеси в виде порошка или муки могут быть желтого, белого и любых других цветов.

НПОПАВ в виде марок представляют собой небольшие кусочки бумаги, размером примерно 1x2 см, которые пропитаны синтетическим психоактивным веществом, по

* Реестр психоактивных веществ (курительных смесей, спайсов, солей), запрещенных к обороту на территории Российской Федерации по инициативе ФСКН России в 2015 г. URL: http://fskn.gov.ru/pages/main/info/official_information/7947/38303/index.shtml

своему воздействию аналогичны ЛСД. Обладают сильнодействующим эффектом и употребляются внутрь по 1 марке на дозу.

Твердые смеси (другое название «пластилин», «пластик») по своему составу могут быть растительными или полусинтетическими в виде кусочков пластичного вещества, черных плиточек, коричневых шариков со специфическим запахом, например, шоколада или жевательной резинки.

Самую распространенную группу НПОПАВ в настоящее время в незаконном обороте составляют так называемые «курительные смеси», представленные в виде смеси из не слишком мелко размолотых, сохраняющих вид и структуру растительного сырья частиц растений. Синонимом «курительных смесей» являются названия «курительные миксы» или «миксы» (англ. mix – смесь).

В то же время, несмотря на отсутствие единой классификации НПОПАВ, все курительные смеси в зависимости от основного активного компонента (от состава) условно подразделяются на две основные группы.

К первой группе относятся натуральные (растительные) курительные смеси, которые изготавливаются из различных частей растений (корни, кора, стебли, листья, семена, цветы и т.д.), смешиваемых в определенных пропорциях для получения смесей, различающихся по силе эффекта и по действию на организм (например, галлюциногенный или стимулирующий эффект). В состав таких смесей могут входить растения, обладающие ядовитыми, отравляющими, лекарственными и иными свойствами, оборот которых на территории Российской Федерации не запрещен и не ограничен (например, красный мухомор, багульник, белена, бузина, дурман, клевер луговой, роза, пустырник, кувшинка белая, ландыш и т.д.).

Кроме того, в состав растительных курительных смесей могут входить растения-энтеогены (греч. энтеоген – «становление божественным изнутри»), то есть травы, обладающие психотропным действием. Большая их часть произрастает за пределами Российской Федерации, например, в Южной Азии и Америке (Северной и Южной). Так, например, листья шалфея предсказателей, произрастающего в горах Центральной Америки, содержат вещество сальвинорин А, которое является сильнейшим галлюциногеном. Семена гавайской розы, произрастающей в Латинской Америке, Пуэрто-Рико, на Гаити, Гавайях, оказывают ЛСД-подобное воздействие: нарушение восприятия, мышления, ориентации в пространстве, стойкий депрессивный эффект. Листья и цветки голубого лотоса (кувшинка голубая) содержат апоморфин, который по психотропному эффекту очень близок к «экстази».

Вместе с тем, если в состав такой смеси входят части хотя бы одного растения, перечень которых указан в Постановлении Правительства РФ от 27 ноября 2010 г. № 934 (например, голубой лотос, роза гавайская, шалфей предсказателей, эфедра и др.), то оборот данных смесей уже подпадает под действие уголовного законодательства, поскольку оборот наркосодержащих растений на территории РФ запрещен [5].

При этом сочетание (комбинации) этих растений в курительных смесях может быть самым разнообразным. А поскольку все они содержат биологически активные вещества, которые могут обладать определенным психоактивным действием, то при их соединении (смешивании) можно только представить получаемый от их воздействия эффект.

Другую группу курительных смесей составляют синтетические курительные смеси – это смеси, состоящие из частиц растений, которые для усиления эффекта обработаны химическими психоактивными веществами, произведенными в определенных лабораторных условиях. Такие смеси в некоторых случаях провариваются (или иным образом обрабатываются) в растворе синтетического наркотического средства, получаемого при растворении указанных выше форм НПОПАВ в жидкости. Подобные «россыпи» нередко изготавливают в кустарных лабораториях, где химик может самостоятельно изменить структуру молекулы психоактивного вещества таким образом, что оно бу-

дет совершенно новым, поэтому именно эти смеси часто прикрываются мифом «легальности».

Основной активный компонент таких смесей – синтетические каннабиноиды. Естественные каннабиноиды содержатся в листьях конопли и являются основным действующим психотропным веществом этой травы. Синтетические же аналоги этих веществ разработаны в научной лаборатории университета г. Клеменсона в 90-х гг. XX в. в США профессором Джоном В. Хаффманом. Аббревиатура JWH в названии каннабиноидов состоит из инициалов этого ученого-химика. Именно этот синтетический каннабиноид присутствует практически во всех курительных смесях, несмотря на то, что создавалось данное вещество исключительно в научных целях. Так, например, высокая концентрация синтетического каннабиноида JWH-018 была выявлена в таких наиболее распространенных курительных смесях, как «Spice Diamond», «Chillin», «Yucatan Fire», «ZoHai».

Существует также и другая группа аналогичных синтетиков (разработана в это же время американской фармацевтической компанией «Пфайзер»), которая имеет обозначение CP 47, 497.

На протяжении довольно длительного времени одним из наиболее распространенных в незаконном обороте видов курительных смесей остается курительная смесь под названием «Spice» (далее – «Спайс»).

«Spice» (англ. – приправа, специя) – один из брендов ароматизированных курительных смесей, поставляемых в продажу в виде измельченных частей различных растений с нанесенным химическим веществом, обладающим психоактивным действием, аналогичным действию марихуаны.

Несмотря на то, что название «Спайс» – это «торговое» название самой распространенной курительной смеси, в России с их появлением были распространены и смеси с такими названиями, как «Арома», «Токсик», «Бомб» и др. Несмотря на достаточное разнообразие курительных смесей, в обиходе часто иные смеси также называют «Спайсами», что неверно, так как иные курительные смеси имеют совершенно другие названия и отличаются по своему химическому составу.

Следует сказать, что под брендом «Spice» продается несколько видов курительных смесей, различающихся по силе действия:

- Spice Silver (англ. – серебряный) – курительные смеси наиболее слабые и безопасные, их действие длится около часа;

- Spice Gold (англ. – золотой) – смеси средней силы действия, вызывают выраженную эйфорию, появление образов и картинок, их действие продолжается около трех часов;

- Spice Diamond (англ. – бриллиантовый) – эти смеси в два раза сильнее «золотых». При их употреблении происходит полное отключение сознания от окружающей действительности.

Кроме того, в незаконном обороте обнаружены и аналогичные им смеси, продаваемые под брендами «Yucatan Fire», «Smoke», «Skunk», «Sence», «Genie» и K2.

Точной даты широкого распространения курительных смесей и других НПОПАВ в незаконном обороте в настоящее время не установлено. Исторические факты свидетельствуют, что употребление курительных смесей зародилось еще в глубокой древности, когда знахари, колдуны и шаманы применяли их в своей практике для изменения сознания.

В современном же мире, по некоторым данным, продажа курительных смесей (в том числе и «Спайсов») в различных странах Европы началась с 2004–2006 гг. Распространение в нашей стране курительные смеси стали получать в 2007 г., а в 2008–2009 гг. началось и массовое употребление.

Некоторое время такие курительные смеси можно было совершенно свободно приобрести через интернет-магазины, они без ограничений продавались как в крупных

супермаркетах, так и в небольших обычных магазинах, табачных лавках и киосках. При этом курительные смеси сбывались в основном под видом различных безвредных благовоний, их специфическое воздействие вызвало широкую популярность применения, особенно среди молодых людей, студентов и школьников. Потребительская активность возростала еще и благодаря рекламе, которая провозглашала абсолютную безобидность и даже пользу использования курительных миксов, обещая помочь расслабиться после тяжелой и напряженной умственной или физической работы.

Первый наиболее популярный интернет-магазин по продаже курительных смесей назывался «Kaif-life.com», в котором смеси продавались в качестве «легального аналога марихуаны», однако к 2012 г. его закрыли, а лиц, которые организовали этот проект, осудили.

В 2004–2008 гг. курительные смеси, состоящие только из растений-энтеогенов, не обработанных синтетическими психоактивными веществами, считались настоящим или оригинальным «Спайсом». Никакой физической зависимости употребление подобных курительных смесей у человека не вызывало. Однако в настоящее время таких смесей очень мало, большинство из них стали полусинтетическими, то есть с добавлением различных химических веществ.

Проведенные в 2008–2009 гг. исследования состава курительных смесей (в том числе и «Спайсов») показали, что их действие обусловлено не растительными компонентами, а содержанием значительного количества искусственно синтезированных веществ, негативно влияющих на психику человека, – синтетических агонистов каннабиноидных рецепторов различной химической природы, к которым относятся дибензопираны (HU-210); циклогексилфенолы (CP-47,497 и его гомологи); нафтоиндолы (JWH-018, JWH-073, JWH-398); фенилацетилинды (JWH-250); олеамид. Указанные каннабиоиды являются новыми веществами психогенного действия. По понятным причинам их формулы не были включены в Единую конвенцию о наркотических средствах [1] и Конвенцию о психотропных веществах [2], поскольку эти правовые акты утверждались в 60–70-х гг. прошлого столетия.

При этом комбинации действующих веществ в разных видах смесей различаются. В среднем каждая курительная смесь может содержать до 23 видов синтетических соединений. Подобные компоненты содержит и конопля, но смесь оказывает более сильное действие. Несмотря на рекламу об истинно натуральном происхождении «Спайса», производитель добавлял в него синтетические составляющие психоактивного действия, которые запрещены к употреблению в большинстве стран мира. При этом по силе галлюциногенного эффекта синтетические каннабиноиды превосходят натуральные аналоги в пять раз и в два раза быстрее вызывают привыкание [3].

Отметим, что своевременному выявлению синтетических каннабиноидов в травяных курительных смесях, в том числе и «Спайсе», помешало наличие в их составе помимо растений, потенциально обладающих психоактивными свойствами, добавки большого количества балластных соединений (таких, как витамин E), которые специально включались в состав смеси в целях сокрытия основного действующего вещества.

Кроме того, определенную сложность при обнаружении данных веществ оказывало и отсутствие информации о спектральных свойствах синтетических каннабиноидов в большинстве баз данных для масс-спектрометрического анализа. Длительные исследования, которые проводились для выявления настоящего состава курительных смесей, в том числе «Спайса», не заканчивались успехом до тех пор, пока фармацевты одной из германских компаний не провели сложнейший спектральный анализ веществ.

В 2009 г. в большинстве европейских стран (Великобритания, Франция, Германия, Австрия, Польша, Швейцария, Швеция, Люксембург и др.) данный вид НПОПАВ был запрещен. Курительные смеси также были запрещены в Австралии, Финляндии, Японии, Новой Зеландии, Норвегии, Польше, США.

Так, например, в США синтетические вещества CP-47, 497, JWH-018 и некоторые другие были включены в Список I контролируемых веществ в соответствии с Актом о контролируемых веществах [13].

Республика Беларусь также стала одной из первых европейских стран, запретивших курительные смеси. В апреле 2010 г. постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь такие соединения, как CP-47, 497, (CP-47, 497)-C6, (CP-47, 497)-C9, (CP-47, 497)-C8, NU-210, JWH-073, JWH-196, JWH-194, JWH-197, JWH-007 и ряд иных были внесены в «Список I особо опасных наркотических средств и психотропных веществ, не используемых в медицинских целях» [9], а в январе 2015 г. вступил в силу Декрет Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2014 г. № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков» [11].

На Украине постановлением Кабинета министров Украины от 31 мая 2010 г. № 373 в список наркотических препаратов, психотропных веществ и прекурсоров были внесены JWH-018, CP-47,497 и его гомологи, а также некоторые другие синтетические каннабиноиды [8].

В России так называемые оригинальные (натуральные) курительные смеси (в том числе и «Спайс») были запрещены в 2009 г. После проведения Институтом питания РАМН по поручению Роспотребнадзора соответствующей экспертизы курительных смесей в их составе были обнаружены психоактивные вещества. По результатам проведенных исследований в апреле 2009 г. главным врачом РФ было подписано постановление, которое полностью запретило оборот на территории РФ смесей, содержащих в своем составе такие растения, как шалфей предсказателей (*Salvia divinorum*), гавайская роза (*Argyrea nervosa*) или голубой лотос (*Nymphaea caerulea*) [4].

В конце 2009 г. перечень наркотических средств и психотропных веществ, оборот которых запрещался на территории РФ, был дополнен такими компонентами, как голубой лотос, шалфей предсказателей, гавайская роза и другими растениями, имеющими психотропное действие [6]. Однако в ноябре 2010 г. данный запрет на оборот указанных растений был перенесен из Списка I указанного Перечня в отдельный нормативный правовой акт: перечень растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации [5]. Таким образом, с 2010 г. постановлением Правительства РФ был введен запрет на производство, хранение, сбыт, распространение, контрабанду курительных смесей, в составе которых есть, в частности, такие компоненты, как лист шалфея предсказателей, семена розы гавайской, цветок и листья голубого лотоса. Эти же растения было запрещено культивировать. Положительным результатом подобных нововведений стал тот факт, что курительные смеси начали исчезать из продажи.

Тем не менее, после синтезирования в США JWH-18, в 2012–2013 гг. в России появились уже новые синтетические наркотики. Изготовители обошли российские законы, изменив состав курительных смесей. Вскоре на наркорынок поступили курительные смеси, в состав которых входили такие химические соединения, как JWH-210, JWH-200, JWH-203, JWH-249, JWH-251, JWH-673, JWH-030, PN-420, и т.д.

Указанные синтетические наркотические средства стали ввозиться на территорию России в виде порошка, который затем уже розничные наркоторговцы растворяли в жидкости и пропитывали табак или обычную высушенную лечебную траву (например, ромашку), свободно продающуюся в аптечных магазинах. Подобные курительные смеси до сих пор открыто продаются в интернет-магазинах, практически в любом городе имеются определенные точки сбыта, где можно приобрести различные курительные смеси. Вместе с тем, в интернет-пространстве в настоящее время можно без особых усилий найти структурные формулы тетрагидроканнабинола и некоторых синтетических каннабиноидов.

Помимо JWH-018 в составе курительных смесей наиболее часто выявляются синтетические каннабиноиды JWH-073, JWH-210 либо иные дизайнерские соединения. По-

чему подобные химические соединения называют «дизайнерскими» либо «дизайнерскими наркотиками»?

После выявления в курительных смесях такого синтетического каннабиноида, как JWH-018, и введения запрета на оборот веществ, содержащих данную формулу, молекула этого вещества была изменена. В результате в обороте появилось новое вещество JWH-250, т.е. психотропное вещество с тем же психоактивным эффектом, но уже с другим названием, которое в Списке запрещенных не было указано. Однако, спустя некоторое время, после запрета JWH-250, химики на его основе синтезировали новое вещество JWH-1220, которое структурно также мало чем отличалось от предшественников. Главное свойство нового соединения – это усиленный наркотический эффект, при этом вещество опять не попало в Список запрещенных.

В связи с тем, что синтезирование новых психоактивных веществ осуществляется в короткие сроки, законодательство РФ не успевает вводить запреты на оборот таких соединений, с измененной химической формулой и обладающих такими же опасными последствиями для человека. Так, если, в среднем, на разработку проекта и принятие закона уходит около года, то состав наркотика меняется каждые несколько месяцев. Поэтому такие вещества стали называть «легальными».

Пытаясь изменить сложившуюся ситуацию, на законодательном уровне был введен такой термин, как «аналоги наркотических средств и психотропных веществ». Указанное дополнение положительным образом сказалось на работе правоохранительных органов в сфере незаконного оборота наркотиков, поскольку позволило относить так называемые «легальные» курительные смеси, оказывающие психотропное воздействие на организм, к нелегальным веществам, т.е. запрещенным в обороте на территории Российской Федерации.

Таким образом, под «дизайнерскими» НПОПАВ можно понимать вещества, содержащие новые лабораторно модифицированные психоактивные вещества, не теряющие своих наркотических свойств после модификации. В свою очередь, они могут быть как уже включены в Список запрещенных к обороту, так и нет.

Вместе с тем под «легальными» НПОПАВ следует понимать дизайнерские НПОПАВ, не включенные по каким-либо причинам в Список запрещенных к обороту.

Для решения указанной проблемы необходимо было принятие законопроекта, который бы запрещал оборот не какого-то конкретного химического вещества, а всех аналогов психотропных веществ, входящих в состав курительных смесей.

В декабре 2014 г. Государственная Дума Российской Федерации приняла законопроект о запрете курительных смесей на основе «Спайсов», а также компонентов, входящих в их состав. Чуть позже этот законопроект был одобрен Правительством РФ. Уже в начале февраля 2015 г. Президент Российской Федерации Владимир Путин утвердил ряд изменений, согласно которым запрещается употребление и пропаганда НПОПАВ, в том числе «Спайсов». Кроме того, нововведения наделили директора ФСКН России правом приостановить на срок до 1 года оборот веществ, которые имеют психоактивное действие [7]. Соответственно, все курительные и ароматические смеси, содержащие в своем составе синтетические каннабиноиды, запрещены к употреблению и подлежат изъятию из оборота.

Основная часть курительных смесей представляет собой высушенные, похожие на табачные, частицы растений от коричневого до светло-зеленого цвета. Вне зависимости от того, в какой форме изготовлены курительные смеси, для сбыта в розницу они, как правило, расфасовываются и упаковываются в изготовленные промышленным способом разноцветные герметичные пакетики размером приблизительно 5x7 (7,5) см, содержащие по 3 грамма смеси. При этом на лицевой стороне таких пакетиков могут быть изображены различные абстрактные графические изображения (соколиный глаз, цветок и т.д.) и название конкретного вида курительной смеси.

Следует заметить также, что сами потребители курительных смесей в зависимости от длительности и силы эффекта подразделяют их на сильные, средние и слабые.

Таким образом, мы приходим к выводу, что курительные смеси, или курительные миксы, – это разновидность новых потенциально опасных психоактивных веществ, имеющих обобщающее название запрещенных в России и других странах ароматизированных смесей, в состав которых входят части растений (например, шалфей предсказателей, гавайская роза, голубой лотос и ряд других) как индивидуально, так и в смесях, и (или) синтетические каннабиноиды, их аналоги и производные, оказывающие психотропное (психоактивное) воздействие на организм человека при их употреблении (курении). «Спайсы» – это одно из распространенных торговых названий курительных смесей, а «соли» – это одна из форм, в которой может быть представлено новое потенциально опасное психоактивное вещество.

Литература

1. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г. с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 г. о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. (заключена в г. Нью-Йорке 30 марта 1961 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Конвенция о психотропных веществах (заключена в г. Вене 21 февраля 1971 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Лапушанская В.В. Из чего состоит спайс. Химический состав спайса. Сайт «Все о зависимостях». URL: <http://zavisimosty.ru/nikotin/spajs/chto-takoe-spajs-i-iz-chego-on-sostoit.html>.
4. Об усилении надзора за реализацией курительных смесей: постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 9 апреля 2009 г. № 23 // Российская газета. 2009. 17 апреля.
5. Об утверждении перечня растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации, крупного и особо крупного размеров культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, для целей статьи 231 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации по вопросу оборота растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры: постановление Правительства РФ от 27 ноября 2010 г. № 934 (в ред. от 01.10.2012). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. О внесении изменений в некоторые Постановления Правительства Российской Федерации по вопросам, связанным с оборотом наркотических средств: постановление Правительства РФ от 31 декабря 2009 г. № 1186 (в ред. от 01.10.2012) // Российская газета. 2010. 14 января.
7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 3 февраля 2015 г. № 7-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 6. Ст. 885.
8. О внесении изменений в перечень наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров: постановление Кабинета министров Украины от 31 мая 2010 г. № 373. URL: <http://zakon.rada.gov.ua>
9. О внесении изменения и дополнения в постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 28 мая 2003 г. № 26: постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь 10 марта 2010 г. № 25 URL: <http://minzdrav.gov.by/ru/static/about>
10. О наркотических средствах и психотропных веществах: федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ (в ред. от 05.04.2016). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков: декрет Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2014 г. № 6. URL: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-10535
12. О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции: указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 156 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 15. Ст. 2071.
13. Controlled Substances Act. TITLE 21 - Food and drugs. Chapter 13 - Drug abuse prevention and control. Subchapter i - control and enforcement. Сайт U.S. Food and Drug Administration. URL: <http://www.fda.gov/regulatoryinformation/legislation/ucm148726.htm>

УДК 343.85:351.745.7

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ПРОФИЛАКТИКА КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Георгий Георгиевич Черепанов, кандидат юридических наук, доцент;

Олег Борисович Абакумов, преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: abakumov.o@mail.ru

В статье анализируются проблемные вопросы оперативно-розыскной профилактики, рассматривается ее соотношение с общим предупреждением правонарушений, затрагивается исторический аспект становления и развития оперативно-розыскной профилактики органов внутренних дел, оценивается ее современное состояние и даются предложения по ее дальнейшему развитию.

Ключевые слова: оперативно-розыскная профилактика преступлений; нормативное регламентирование оперативно-розыскной профилактики; современное состояние оперативно-розыскной профилактики и ее дальнейшее развитие.

OPERATIONAL-INVESTIGATIVE PREVENTION AS A COMPONENT OF OFFENCES WARNING: HISTORY, MODERN STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Georgy Georgievich Cherepanov, *kandidat nauk*, degree in Law,

Associate Professor;

Oleg Borisovich Abakumov, lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article analyzes the problem issues of operational-investigative prevention, considered its relationship with the general preventive work of the offenses reflected the historical aspect of the establishment and development of operational-investigative prevention law enforcement bodies, it is estimated the current state and provides suggestions for its further development.

Keywords: operational-investigative prevention of crime; normative regulation of operational-investigative prevention; modern state of operational-investigative prevention and its further development.

Предупреждение преступности буквально означает предохранение людей, общества, государства от преступлений. Исторические корни данного вида социальной практики уходят далеко в глубь веков: с появлением первых уголовно-правовых запретов и преступлений как деяний, совершаемых вопреки им, стали действовать меры не только карательного, но и предупредительного противодействия им [1, с. 113].

В современной и криминологической литературе предупредительная деятельность рассматривается как одно из средств социального регулирования общественных отношений в целях устранения причин преступности; как взаимодействие мер экономико-социального, воспитательно-педагогического, организационного и правового характера; как сочетание различных уровней профилактики преступлений [9, с. 116; 18, с. 44].

Уже несколько десятилетий в научных кругах идет дискуссия о терминологическом и содержательном соотношении понятий «предотвращение», «предупреждение» и «профилактика» преступлений.

На наш взгляд, следует поддержать точку зрения, высказанную В.Н. Кудрявцевым, Г.М. Миньковским, А.Б. Сахаровым, которые подчеркивают, что подобное разграничение противоречит смысловому значению указанных терминов [8, с. 117] и что их целесообразно использовать как взаимозаменяющие [18, с. 141]. О тождественности терминов «предупреждение преступлений» и «профилактика преступлений» говорят также и представители оперативно-розыскной науки А.Е. Чечетин и О.А. Вагин [19, с. 13–14].

По мнению Ю.М. Антоняна, предупреждение преступности – это, прежде всего, воздействие на ее причины, выявление преступников и предупредительные меры, направленные на их исправление [2, с. 141].

Более развернутое определение дает В.Е. Эминов. Он полагает, что предупреждение преступности – это многоуровневая система мер и осуществляющих их субъектов, направленная: 1) на выявление и устранение либо ослабление и нейтрализацию причин преступности, отдельных ее видов, а также способствующих им условий; 2) выявление и устранение ситуаций на определенных территориях или в определенной среде, непосредственно мотивирующих или провоцирующих совершение преступлений; 3) выявление в структуре населения групп повышенного криминального риска и снижение этого риска; 4) выявление лиц, поведение которых указывает на реальную возможность совершения преступлений, и оказание на них сдерживающего и корректирующего воздействия, а в случае необходимости – и на их ближайшее окружение [6, с. 286–287].

В.Д. Ларичев понимает под предупреждением преступлений деятельность по устранению, ослаблению или нейтрализации причин и условий преступности, оказанию предупредительного воздействия на лиц с противоправным поведением, исправлению осужденных, в том числе в местах лишения свободы, а также виктимологическую профилактику [10, с. 63].

Для нашего исследования существенным является то, что все перечисленные авторы под предупреждением преступлений в общем плане понимают воздействие на причины и условия преступности в целях их ослабления или нейтрализации, а также оказание предупредительного воздействия на лиц с противоправным поведением. Криминологам известно свыше 400 факторов, влияющих на уровень преступности, но лишь незначительная часть мер по их нейтрализации приходится на долю правоохранительных органов, а еще меньшая – на органы внутренних дел [7, с. 164–176]. Однако в системе субъектов предупредительной деятельности государства на ОВД сегодня возложено много функций по ее реализации.

Предупреждение преступлений – одна из приоритетных задач полиции. Такая установка содержится в Федеральном законе «О полиции», где в п. 10 сказано, что одним из назначений полиции является противодействие преступности. Одним из направлений противодействия является деятельность, направленная «на предупреждение преступлений, в том числе по выявлению и последующему устранению причин преступности (профилактика преступлений и преступности в целом)».

Наиболее существенным в Законе «О полиции» представляется то, что предупреждение и пресечение преступлений является одним из направлений деятельности полиции, которое сводится к решению следующих задач:

- выявление обстоятельств, способствующих совершению преступлений и административных правонарушений, а также принятие мер по их устранению и нейтрализации;
- выявление лиц, склонных к совершению преступлений, и оказание на них профилактического воздействия для недопущения с их стороны преступных посягательств;
- предотвращение (недопущение) готовящихся преступлений;
- пресечение покушений на преступления (то есть пресечение умышленных действий либо бездействия, непосредственно направленных на совершение преступления);

- создание обстоятельств, препятствующих совершению преступлений и административных правонарушений [17, с. 18].

В действующей Инструкции «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений», утвержденной приказом МВД России от 17 января 2006 г. № 19 (далее – Инструкция), отмечается, что предупреждение преступлений органами внутренних дел – это «деятельность служб, подразделений и сотрудников органов внутренних дел, осуществляемая в пределах их компетенции, направленная на недопущение преступлений путем выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, оказания профилактического воздействия на лиц с противоправным поведением».

Таким образом, в указанной Инструкции под предупреждением преступлений органами внутренних дел понимается деятельность, направленная на недопущение преступлений путем выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, оказания профилактического воздействия на лиц с противоправным поведением.

Следует особо подчеркнуть, что в ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») указываются такие задачи, как выявление, предупреждение преступлений, установление лиц, их подготавливающих.

В органах внутренних дел как субъекте ОРД ведущая роль при решении этих задач возлагается на оперативные подразделения полиции. Являясь субъектами оперативно-розыскной деятельности, они имеют в своем арсенале набор специфических сил, средств и методов, позволяющих на более ранней стадии, нежели другие подразделения ОВД, выявить лиц, замышляющих, подготавливающих или покушающихся на совершение преступления, и принять меры оперативно-розыскного характера по недопущению его совершения. Однако, как показывают результаты других исследователей, потенциал оперативно-розыскного предупреждения преступлений используется недостаточно [13, с. 35]. Главная причина, как представляется, состоит в том, что провозглашенная в ст. 2 ФЗ «Об ОРД» задача предупреждения преступлений во многом остается декларативной. Оперативно-розыскное предупреждение преступлений, как и сбор профилактически значимой информации, осуществляется как бы попутно, наряду с решением главной задачи оперативных подразделений – выявлением и раскрытием преступлений. Ни специализированных подразделений, ни специально выделенных сотрудников оперативных подразделений, которые занимались бы исключительно профилактической деятельностью, сегодня нет. При таком подходе к организации оперативно-розыскной профилактики преступлений едва ли можно рассчитывать на достижение серьезных результатов в борьбе с преступностью, на ее реальное снижение.

Однако задача предупреждения преступлений поставлена перед оперативными подразделениями полиции, как уже было указано, как на законодательном, так и на ведомственном нормативном правовом уровнях. В специальной литературе излагаются особенности предупредительной работы, обусловленные их организационно-правовым статусом. Эти особенности сводятся к следующему:

- специальная предназначенность и компетенция (борьба с преступлениями);
- использование при проведении предупредительных мероприятий возможностей ОРД (проведение в профилактических целях различных ОРМ, использование различных форм содействия граждан и в первую очередь конфиденциальных, использование в целях предупредительной работы различных учетных массивов);
- дифференцированный характер предупредительной деятельности (на выбор тактических приемов и методов предупреждения влияют составы преступлений, субъекты преступлений);
- организационно-структурное построение оперативных подразделений (характер предупредительных мероприятий, круг привлекаемых субъектов и их компетенция,

масштабы и объекты воздействия во многом зависят от уровня оперативного подразделения, его структурного построения);

- особое содержание и характер предупредительной деятельности (оперативные подразделения органов внутренних дел выработали свои, специфические методы и тактические приемы предупредительной деятельности, отличающиеся от приемов и методов, используемых другими субъектами предупреждения преступлений).

Согласно требованиям Инструкции, деятельность подразделений органов внутренних дел по предупреждению преступлений должна осуществляться в том числе и в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий. Из этого очевидно, что рассматриваемое направление предупреждения преступлений (не только в исследуемой сфере) в своей основе должно иметь оперативно-розыскное обеспечение. Речь, в сущности, идет об оперативно-розыскной профилактике, которая в теории ОРД сегодня признана одной из ее организационно-тактических форм [3, с. 48–49].

Оперативно-розыскная профилактика имеет свою давнюю историю. Основы оперативно-розыскного обеспечения предупреждения преступлений были заложены в нашей стране почти столетие назад. Так, в Инструкции по организации секретной агентуры в учреждениях уголовного розыска от 2 ноября 1921 г. отмечалось, что «секретная агентура организуется для предупреждения и раскрытия всякого рода преступлений путем заблаговременного осведомления о предполагающихся преступлениях и для собирания способствующих розыску сведений по преступлениям уже совершенным».

Одним из первых нормативных актов советского периода, регламентирующих профилактическую деятельность оперативных подразделений органов внутренних дел, была Инструкция по основам организации и тактики предотвращения преступлений органами милиции, утвержденная приказом МВД СССР от 14 апреля 1969 г. Оперативно-розыскная направленность в предотвращении преступлений четко определялась содержащимся в Инструкции указанием на то, что оперативные аппараты обязаны принимать оперативно-розыскные и иные меры, обеспечивающие недопущение совершения замышляемых и подготавливаемых преступлений, а также пресечение покушений на преступления. В Инструкции подчеркивалось, что предотвращение замышляемых и подготавливаемых преступлений является обязанностью всех сотрудников аппаратов уголовного розыска и БХСС, а пресечение покушений на преступление – обязанностью всех работников милиции. Несомненно, положительным моментом данного ведомственного нормативного документа являлось то, что в нем было четко определено не только то, что надо делать для предотвращения преступлений, но и как осуществлять эту работу.

Необходимость использования возможностей оперативно-розыскного характера в предупреждении преступлений теоретически обосновано в специальной и юридической литературе 60-80-х гг. прошлого столетия [5, с. 13–15; 11, с. 46; 16, с. 9], а в 90-х гг. термин «оперативно-розыскная профилактика» был окончательно признан [12, с. 6–7; 14, с. 18].

Однако, несмотря на развернутые в то время дебаты теоретического плана о месте и роли в оперативно-розыскной деятельности профилактики преступлений, в практической деятельности, на наш взгляд, широкого применения она не нашла.

Для подтверждения этого положения приведем мнение профессора В.Г. Гриба десятилетней давности. «К сожалению, в настоящее время информация профилактического характера чаще всего остается без внимания практических работников, поскольку она относится к разряду общего информационного характера и ей не придается должного значения. Это можно объяснить, во-первых, большой загруженностью оперативных работников, занятых раскрытием преступлений и выявлением лиц, их совершивших; во-вторых, имеющимися недостатками в системе сбора и анализа информации, а также несовершенством критериев ее оценки, и, как следствие, отсутствием заинтересованности сотрудников службы в поиске так необходимых сведений» [4, с. 186].

Как показывает практика деятельности сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел, ситуация к лучшему сегодня не изменилась. Естественно, возникает вопрос, чем объяснить создавшееся положение? Ответ на него, на наш взгляд, нельзя дать без детального анализа нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность органов внутренних дел по предупреждению преступлений.

Из анализа содержания Инструкции о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений представляется очевидным следующее:

- ее требования не соответствуют современному организационно-структурному построению органов внутренних дел;

- она не определяет тактику предупреждения преступлений различными подразделениями органов внутренних дел;

- в ней четко не определена оперативно-розыскная направленность предупреждения преступлений оперативными подразделениями полиции.

Особого внимания заслуживают те положения Инструкции, которые говорят о необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий в предупреждении преступлений. Однако обязанность проведения ОРМ, их организация и тактика в других ведомственных нормативных актах не прописаны.

Так, в ведомственном нормативном акте, регламентирующем оперативно-розыскную деятельность, одной из задач обозначено предупреждение преступлений, однако в дальнейшем по тексту слово «предупреждение» не встречается совсем.

Подобная картина наблюдается и в других ведомственных приказах.

В текущем году был принят Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [15], который определил основные виды профилактики правонарушений, формы профилактического воздействия, а также полномочия, права и обязанности субъектов профилактики правонарушений. Вместе с тем, данные положения закона еще не нашли своего отражения в ведомственных нормативных правовых актах.

Как представляется, на основе такой законодательной базы необходимо создать ведомственные нормативные акты в указанной сфере, в которых должен быть учтен имеющийся положительный отечественный опыт и нарабатанная к сегодняшнему дню научно-исследовательская база по вопросам оперативно-розыскной профилактики.

В частности, на наш взгляд, необходимы разработка и внедрение инструкции по основам организации и тактики предупреждения преступлений оперативными подразделениями полиции. Такая инструкция должна четко определить направления *оперативно-розыскной профилактики преступлений*. К таким направлениям следует отнести:

- выявление причин и условий совершения преступлений на конкретных объектах (отраслях, территориях) оперативного обслуживания с помощью сил, средств и методов ОРД;

- участие в подготовке (совместно со следственным аппаратом) соответствующих представлений в компетентные органы, способные принять реальные меры по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступлений и других нарушений закона (п. 2, 6 ст. 158 УПК РФ);

- выявление в процессе оперативно-розыскной деятельности лиц, совокупность сведений о которых позволит сделать вывод о возможности их преступного поведения, и постановка их на профилактический учет;

- нормативное воздействие на этих лиц с помощью негласного аппарата в целях недопущения с их стороны преступлений.

Положения такой инструкции должны, на наш взгляд, найти отражение в основных ведомственных нормативных актах, регламентирующих оперативно-розыскную деятельность.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы:

1. Предупреждение преступлений органами внутренних дел регламентируется сегодня как на законодательном (федеральные законы «О полиции», «Об оперативно-розыскной деятельности»), так и на ведомственном уровне (Инструкция о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений). Однако провозглашаемая в них задача оперативно-розыскного предупреждения остается декларативной. Она решается как бы попутно наряду с решением главной задачи – выявлением и раскрытием преступлений.

2. Для нейтрализации обстоятельств и условий совершения преступлений, выявления лиц, замышляющих и подготавливающих преступления, и предупредительного воздействия на них, согласно требованию ведомственных нормативных актов, должна применяться оперативно-розыскная профилактика. Однако при наличии определенных научно-методических наработок по этому вопросу на практике такая профилактика отсутствует. Причиной этому являются:

- несоответствие содержания Инструкции «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» современным требованиям оперативно-розыскного обеспечения борьбы с преступностью;

- отсутствие в ведомственных нормативных актах, регламентирующих оперативно-розыскную деятельность, положений о предупредительной работе.

3. Решение проблемы видится в разработке и внедрении на ведомственном уровне Инструкции по основам организации и тактики предупреждения преступлений оперативными подразделениями полиции. Такая инструкция должна четко определить направления оперативно-розыскной профилактики.

Литература

1. Алексеев А.И. Криминология: курс лекций. М.: Щит, 2001.
2. Антонян Ю.М. Криминология: избранные лекции. М.: Логос, 2004.
3. Галахов С.С. Предупреждение преступлений подразделениями криминальной милиции. Роль оперативно-розыскной деятельности // Проблемы социальной и криминологической профилактики преступлений в современной России: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. М., 2002.
4. Гриб В.Г. Проблемы совершенствования предупреждения преступлений, совершаемых организованными преступными формированиями // Актуальные проблемы социальной и криминологической профилактики в современной России. М., 2003.
5. Захаров В.Ф. Актуальные вопросы профилактики рецидивной преступности. Киев: ВШ МВД СССР, 1981.
6. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009.
7. Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1998.
8. Криминология: учебник / под ред. В.Д. Малкова. М.: Юстицинформ, 2006.
9. Криминология: учебник / под ред. В.Д. Малкова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2008.
10. Ларичев В.Д. Теоретические основы предупреждения преступлений в сфере экономики. М.: Юрлитинформ, 2010.
11. Лукашов В.А. Введение в курс «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел». Киев: ВШ МВД СССР, 1976.
12. Лукашов В.А. О некоторых морально-этических аспектах оперативно-розыскной деятельности // Законность, оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. СПб., 1998. Ч. 1.
13. Мазур С.Н. Оперативно-розыскные меры органов внутренних дел по предупреждению организованной преступной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
14. Нечевин Д.К. Организационно-правовые проблемы профилактической деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990.

15. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Российская газета. 2016. 28 июня.
16. Овчинский С.С. Оперативно-розыскная профилактика: лекция. Караганда: ВШ МВД СССР, 1982.
17. Рыжаков А.П. Постатейный комментарий к Федеральному закону «О полиции». М., 2011.
18. Смирнов Г.Г. Проблемы развития и реализации криминологического учения о предупреждении преступности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.
19. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий / под ред. А.С. Бахты. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2013.

УДК 343.985:351.745.7

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА ПО ВЫЯВЛЕНИЮ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ОТНОШЕНИИ МАЛОЛЕТНИХ

Алексей Владимирович Черкашин, старший преподаватель
Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: xthrtcc@mail.ru

В статье автор раскрывает обстановку, складывающуюся в сфере противодействия оперативных аппаратов органов внутренних дел преступлениям изучаемой категории; указывает на некоторые проблемы противодействия данным преступлениям и предлагает возможные пути решения существующих проблем.

Ключевые слова: взаимодействие; предоставление информации; малолетние потерпевшие; эффективное противодействие; выявление преступлений.

SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ACTIVITY OF DIVISIONS OF CRIMINAL INVESTIGATION TO IDENTIFY VIOLENT SEXUAL OFFENSES AGAINST MINORS

Alexey Vladimirovitch Cherkashin, senior lecturer of the Far Eastern
Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

Author of the article reveal the situation that is taking shape in the area of combating the operational units of the Interior investigated crimes category. Point out some problems of counteraction to these crimes, and offers possible solutions to existing problems.

Keywords: cooperation; information; young victims; effective counteraction; detection of crime.

В последние годы в законодательном направлении обеспечения прав детей приняты весьма прогрессивные шаги: ратифицировано значительное количество международных документов, посвященных защите детей; законодательно закреплены их права, гарантированные Конвенцией о правах ребенка; приняты Федеральные законы «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»; ужесточено уголовное наказание за совершение преступлений против половой неприкосновенности и т.д. И, тем не менее, положение с реальным соблюдением прав ребенка, в частности,

с обеспечением защиты детей от насильственных преступлений сексуального характера, по-прежнему далеко от совершенства.

В общей структуре преступности факты насилия в отношении малолетних менее распространены и не идут ни в какое сравнение, например, с количеством совершаемых преступлений имущественного блока. Тем не менее, даже относительно малое их число не может не вызвать беспокойства в силу своей повышенной общественной опасности.

В какой-то мере это свидетельствует о том, что в России в настоящее время в недостаточной степени обеспечена государством и его компетентными органами безопасность детей. В стране продолжают иметь место преступления, посягающие как на половую свободу, так и на половую неприкосновенность личности. При этом нужно отметить, что значительную угрозу для общества представляет не только сам факт наличия сексуального насилия в отношении малолетних, но и негативные последствия данных деяний, разрушительно отражающиеся практически на всех сферах общественных отношений. Последствия их совершения приводят к обесцениванию важнейших устоев общества – семьи, отношений в ней, нормального воспитания подрастающего поколения и пр. По мере взросления и последующего воспитания собственных детей, поведение молодых людей во многом будет определяться собственным детским семейным опытом. Исследования психологов дают основание считать, что в основе жестокого обращения с детьми лежит механизм социальной передачи агрессии из поколения в поколение. Очевидно, что в результате совершения преступлений против детей страдает общество в целом, поскольку преступления против несовершеннолетних представляют собой общественно опасные посягательства, которые непосредственно нарушают общественные отношения, обеспечивающие нормальное физическое, интеллектуальное и нравственное воспитание несовершеннолетних [2].

В связи с этим сохраняют свою актуальность обеспечение неотвратимости уголовной ответственности за половые преступления, в особенности за те, которые посягают на половую неприкосновенность малолетних, а также оперативно-розыскное и иное выявление и предупреждение таких деяний.

Неотвратимость уголовной ответственности, своевременное выявление исследуемой категории преступлений могут быть обеспечены эффективной деятельностью правоохранительных органов, в частности подразделениями уголовного розыска. А эффективность работы подразделений уголовного розыска, в свою очередь, зависит от многих факторов, начиная с повседневной организации работы сотрудников, информационного обеспечения и заканчивая качеством законодательной базы, регламентирующей данное направление правоохранительной деятельности. Одним из немаловажных факторов, влияющих на эффективность противодействия данным преступлениям, является наличие стабильных, постоянных источников оперативной и иной информации о фактах преступной деятельности и о лицах, причастных к их совершению, а также о потерпевших, так как латентность в данной категории преступлений чрезвычайно высока. Одной из значимых причин латентности является несообщение в ОВД потерпевшими информации о совершенном в отношении их преступлении.

Так, в Тамбовской области в 2013–2014 гг. зафиксировано 44 факта принятия родов и 5 случаев прерывания беременности у лиц, не достигших 15–16-летнего возраста, в то время как за указанный период зарегистрировано всего 9 преступлений, предусмотренных ст. 134 УК РФ. Такая ситуация вызвана нежеланием самих потерпевших сообщать сведения о своей личной жизни либо так называемой врачебной тайной. Но и приведенные цифры не отражают действительности, поскольку в подавляющем большинстве случаев, когда беременность не наступила или имели место действия, предусмотренные ст. 135 УК РФ, выявить преступления практически невозможно [1].

Иногда о совершенном насилии над ребенком становится известно лишь спустя многие годы. Особенно страшны случаи, когда надругательство над малолетним совершает кто-то из его близких [8]. Нередко при таких обстоятельствах родственники не

желают какого-либо разбирательства, скрывают факт преступления, а часто и преступника, и доказать его вину становится чрезвычайно сложно [7].

Традиционные источники и способы получения оперативно значимой информации в лице конфидентов, определенные технические мероприятия в выявлении и раскрытии сексуальных посягательств в отношении малолетних малоэффективны, поэтому нужны альтернативные варианты. Одним из таких источников информации являются представители Министерства здравоохранения, точнее, их деятельность в сфере предоставления медицинских услуг населению. Но во взаимодействии медицинских работников и представителей органов правопорядка возникают определенные проблемы.

Согласно положениям Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об основах»), запрещается передача данных о лице, обратившемся за медицинской помощью, без его согласия. Исключения составляют предусмотренные ст. 13 данного закона некоторые ситуации. Положения ст. 13 регулируют общественные отношения в части соблюдения врачебной тайны и оснований предоставления или отказа в предоставлении информации о пациенте и заключаются в следующем:

1. Сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, о состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении, составляют врачебную тайну.

2. Не допускается разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, в том числе после смерти человека, лицами, которым они стали известны при обучении, исполнении трудовых, должностных, служебных и иных обязанностей, за исключением случаев, установленных ч. 3 и 4 названной статьи.

3. С письменного согласия гражданина или его законного представителя допускается разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, другим гражданам, в том числе должностным лицам, в целях медицинского обследования и лечения пациента, проведения научных исследований, их опубликования в научных изданиях, использования в учебном процессе и в иных целях.

4. Предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина или его законного представителя допускается:

- в целях проведения медицинского обследования и лечения гражданина, который в результате своего состояния не способен выразить свою волю, с учетом положений п. 1 ч. 9 ст. 20 ФЗ «Об основах»;

- при угрозе распространения инфекционных заболеваний, массовых отравлений и поражений;

- по запросу органов дознания и следствия, суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством, по запросу органов прокуратуры в связи с осуществлением ими прокурорского надзора, по запросу органа уголовно-исполнительной системы в связи с исполнением уголовного наказания и осуществлением контроля за поведением условно осужденного, осужденного, в отношении которого отбывание наказания отсрочено, и лица, освобожденного условно-досрочно;

- в целях осуществления уполномоченными федеральными органами исполнительной власти контроля за исполнением лицами, признанными больными наркоманией либо потребляющими наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные психоактивные вещества, возложенной на них при назначении административного наказания судом обязанности пройти лечение от наркомании, диагностику, профилактические мероприятия и (или) медицинскую реабилитацию;

- в случае оказания медицинской помощи несовершеннолетнему в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 20 ФЗ «Об основах», а также несовершеннолетнему, не достигшему возраста, установленного ч. 2 ст. 54 ФЗ «Об основах», для информирования одного из его родителей или иного законного представителя;

- в целях информирования органов внутренних дел о поступлении пациента, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что вред его здоровью причинен в результате противоправных действий [4].

Как видно из перечисленного, информация предоставляется либо родителям или законному представителю ребенка, либо по запросу органов дознания, следствия в связи с проведением расследования, т.е. необходимо наличие уголовного дела. Если инициатором запрашиваемой информации выступают сотрудники подразделений уголовного розыска, например, в процессе работы по делам оперативной категории и ссылка на номер уголовного дела отсутствует, т.к. оно не возбуждалось, то в данном случае в предоставлении информации будет отказано на основании ст. 13 ФЗ «Об основах». В рассматриваемом случае нельзя не согласиться с тем, что принцип наступательности не работает, т.к. оперативные подразделения собственно лишены оперативности в части получения значимой информации и самого источника информации.

Приведем пример отказа в предоставлении информации сотрудникам УУР УВМД России по Хабаровскому краю.

В ходе работы с несовершеннолетней Н., содержащейся в Центре временного содержания несовершеннолетних правонарушителей (ЦВСНП) г. Хабаровска по решению суда, а также в результате бесед со штатным психологом ЦВСНП было установлено, что половую жизнь Н. начала около 2–3 лет назад, то есть ориентировочно в 11–12-летнем возрасте. Было ли начало половой жизни связано с насилием, Н. не уточняет, но, с ее слов, возраст половых партнеров был различный (от ровесников до взрослых мужчин).

В процессе дальнейшего опроса Н. выяснилось, что у нее есть две близкие подруги – ее ровесницы А. и П., которые также рано начали половую жизнь, в результате чего обе забеременели. На момент опроса А. уже родила, П. находилась на последних месяцах беременности, причем в обоих случаях, со слов и А., и П., беременность наступила в результате полового сожителства со взрослыми мужчинами.

Опрашиваемые показали, что обращались за медицинской помощью в государственные лечебные учреждения и состояли на учете в женской консультации весь период беременности, роды производились в условиях стационара. Однако информация о названных фактах в правоохранительные органы не поступала. Родители несовершеннолетних в органы правопорядка также не обращались. На запрос оперативных сотрудников о предоставлении информации о факте и обстоятельствах обращения фигурантами в медицинские учреждения получен отказ со ссылкой на ст. 13 ФЗ «Об основах».

Говоря об основаниях направления запросов, уместно сделать акцент на ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции»), регламентирующей права полиции. Так, пункт 4 части 1 данной статьи гласит: в связи с расследуемыми уголовными делами и находящимися в производстве делами об административных правонарушениях, а также в связи с проверкой зарегистрированных в установленном порядке заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, – запрашивать и получать на безвозмездной основе по мотивированному запросу уполномоченных должностных лиц полиции от государственных и муниципальных органов, общественных объединений, организаций, должностных лиц и граждан сведения, справки, документы (их копии), иную необходимую информацию, в том числе персональные данные граждан, за исключением случаев, когда федеральным законом установлен специальный порядок получения информации, в порядке, определяемом федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел и федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения, запрашивать и получать от медицинских организаций сведения о гражданах, поступивших с ранениями и телесными повреждениями насильственного характера либо с ранениями и телесными повреждениями, полученными в результате

дорожно-транспортных происшествий, а также о гражданах, имеющих медицинские противопоказания или ограничения к водительской деятельности [6].

Анализируя содержание вышеприведенной правовой нормы, можно сделать вывод, что законодателем искусственно заужены основания направления запросов – необходимо наличие возбужденного уголовного дела, зарегистрированного в установленном порядке заявления, сообщения о преступлениях и т.д. Таким образом, в правовой регламент не входит направление запросов оперативными подразделениями в ходе осуществления ежедневной служебной деятельности по оперативным материалам, делам специальной категории, проверке оперативной информации и т.д.

Видимо, по мнению законодателя, подобные ограничения призваны усилить контроль за ОРД и легитимность проведения ОРМ. Однако данное обстоятельство способствует сковыванию инициативы сотрудников оперативных подразделений и не обеспечивает быстроту реагирования на информацию о нарушениях прав граждан [3, с. 22].

Нельзя не согласиться с тем, что это не совсем удобно, непрактично и нецелесообразно, т.к. проверка информации оперативными подразделениями в подавляющем большинстве случаев проводится до возбуждения уголовного дела, и, более того, часто информация не зарегистрирована в книге учета заявлений и сообщений о преступлениях и правонарушениях, т.к. получена оперативным путем и для последующей регистрации нуждается в дополнительной проверке. Внесение дополнений в п. 4 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции», дающих основания для направления запросов оперативными подразделениями в различные инстанции, позволит восполнить существующий пробел.

Анализируя содержание п. 5 ч. 4 ст. 13 ФЗ «О полиции», нельзя не обратить внимание на преамбулу данной статьи: «Предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина или его законного представителя, допускается». Таким образом, в законе формально присутствует признак информирования ОВД, но фактически слово «допускается» лишает обязательности организационную и исполнительскую составляющие работы по предоставлению информации. Отсутствие юридически закрепленной обязанности позволяет медработникам самостоятельно принимать решение о предоставлении, об отказе или о непредоставлении информации по причине нежелания вмешиваться в личную жизнь другого человека.

Выходом в данной ситуации может послужить введение в ст. 13 ФЗ «О полиции» положения, предусматривающего обязательное сообщение в ОВД информации о выявленных обстоятельствах преступной деятельности, в частности по преступлениям, связанным с сексуальным насилием в отношении малолетних.

Анализируя положения приказа Минздравсоцразвития России от 17 мая 2012 г. № 565н «Об утверждении Порядка информирования медицинскими организациями органов внутренних дел о поступлении пациентов, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что вред их здоровью причинен в результате противоправных действий», можно отметить, что в нем не упоминается о такой категории пациентов, как несовершеннолетние, потерпевшие от насильственных сексуальных преступлений.

Медицинские организации передают сведения в территориальные органы Министерства внутренних дел Российской Федерации по месту нахождения медицинской организации о поступлении (обращении) пациентов в случаях наличия у них следующих признаков причинения вреда здоровью в результате совершения противоправных действий:

- 1) огнестрельные ранения, в том числе полученные при неосторожном обращении с оружием и боеприпасами;
- 2) ранения и травмы, полученные при взрывах и иных происшествиях, разрешение заявлений и сообщений о которых отнесено к компетенции органов внутренних дел;
- 3) колотые, резаные, колото-резаные, рваные раны;

- 4) переломы костей, гематомы, ушибы мягких тканей;
- 5) гематомы внутренних органов;
- 6) ушибы, сотрясения головного мозга;
- 7) повреждения, связанные с воздействием высоких или низких температур, высокого или низкого барометрического давления;
- 8) механическая асфиксия;
- 9) поражения электрическим током;
- 10) состояния, вызванные воздействием токсичных, ядовитых и психотропных веществ;
- 11) признаки проведения вмешательства с целью искусственного прерывания беременности (аборта) вне медицинской организации, имеющей соответствующую лицензию;
- 12) признаки изнасилования и (или) иных насильственных действий сексуального характера;
- 13) истощение;
- 14) иные признаки причинения вреда здоровью, в отношении которых есть основания полагать, что они возникли в результате противоправных действий [5].

Пункт 12 касается насилия в буквальном смысле, сопровождающегося причинением серьезных или видимых телесных повреждений, и не охватывает обстоятельств, рассматриваемых нами в данной статье.

Статистические данные и результаты опроса сотрудников УУР УМВД России по Хабаровскому краю позволяют сделать вывод, что в общем незначительном количестве выявленных преступлений исследуемой категории отсутствует информация из органов Министерства здравоохранения России.

Рассматривая обстоятельства сексуального насилия в отношении несовершеннолетних лиц мужского пола, нельзя не отметить то обстоятельство, что при отсутствии внешних признаков физического насилия, телесных повреждений выявить факт совершения преступлений изучаемой категории практически невозможно. В силу различных причин – чувства стыда, нежелания предавать огласке обстоятельства происшедшего и вновь переживать отрицательные эмоции, в совокупности с отсутствием тяжких, видимых или неустранимых без медицинской помощи последствий телесных повреждений, нежелания сообщать об этом взрослым – выявление таких преступлений практически невозможно.

В качестве выхода из данной ситуации, а также для организации стабильного канала информации, представляющей оперативный интерес, необходимо проводить систематические психологические тестирования учащихся образовательных учреждений в целях выявления лиц, пострадавших или осведомленных о фактах сексуального насилия. В случае выявления указанной информации обязательно ее предоставление в ОВД.

Приведем еще пример из практики УУР УМВД России по Хабаровскому краю. В результате проведенных оперативно-розыскных мероприятий была получена информация о 14-летнем П., проживающем в Индустриальном районе г. Хабаровска, который знакомился с мальчиками 8–12 лет, проживающими с ним в одном районе, и, угрожая им физической расправой, а впоследствии и разглашением фактов сексуальных контактов с ними, совершал в отношении указанных лиц различные сексуальные действия. В результате проверки информации были установлены два подростка – М. 8 лет и К. 10 лет, родители которых в неформальной беседе подтвердили факты сексуального насилия над их детьми. Однако обращаться в правоохранительные органы они категорически отказались, мотивируя это тем, что психологические последствия причиненных травм были устранены после обращения к специалистам-психологам и в настоящий момент они не хотят повторно травмировать психику своих детей. Информация

о сексуальном насилии от коррекционного психолога в правоохранительные органы также не поступила.

Подводя итог изложенному, необходимо отметить, что принцип неотвратимости наказания в приведенных случаях практически не работает, и причиной этому является не только недостаточная работа правоохранительных органов, но и отсутствие нормы закона, обязывающей психологов, медицинских работников своевременно предоставлять в ОВД информацию о выявленных фактах преступных действий в отношении несовершеннолетних.

Следует также отметить, что в современном уголовно-правовом законодательстве отсутствуют положения, предусматривающие уголовную ответственность за непредоставление информации о совершенном преступлении, что является значительным упущением. Статья 316 УК РФ в современной редакции не предусматривает ответственности за совершение действий (бездействия), связанных с непредоставлением, несвоевременным предоставлением информации в ОВД, в том числе полученной в результате профессиональной деятельности.

Литература

1. Детинина Ю.А. Латентность в преступлениях против несовершеннолетних // Политика, государство и право. 2015. № 1.
2. Красильникова Д.Ю. Понятие насилия в отношении несовершеннолетних // Молодой ученый. 2013. № 5.
3. Луговик В.Ф. Перспективы совершенствования правового регулирования оперативно-розыскной деятельности // 15 лет Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф. Омск: Омский юридический институт, 2010.
4. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 02.11.2013). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Об утверждении Порядка информирования медицинскими организациями органов внутренних дел о поступлении пациентов, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что вред их здоровью причинен в результате противоправных действий: приказ Минздравсоцразвития России от 17 мая 2012 г. № 565н. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 14.12.2015). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Петров И.А. Чужая родня // Российская газета. 2014. 26 августа
8. Притыка И.В. Случаи сексуального насилия над малолетними происходят все чаще. URL: <http://kuban.mk.ru/articles/2015/07/29/sluchai-seksualnogo-nasiliya-nad-maloletnimi-proiskhodyat-vse-chashhe.html> (дата обращения: 28.03.2016).

УДК 346.62

О СООТНОШЕНИИ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСОВ В ФИНАНСОВО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ*

Людмила Николаевна Древаль, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России доктор юридических наук, профессор

E-mail: dreval.lyudmila@mail.ru

Статья посвящена исследованию проблем финансово-правового регулирования. В ней идет речь о современных подходах к предмету финансового права, к его определяющей категории «публичная финансовая деятельность», к таким элементам финансовой системы Российской Федерации, как финансы коммерческих и некоммерческих организаций и государственный и муниципальный кредит.

Ключевые слова: финансовое право; публичная финансовая деятельность; государственный кредит; муниципальный кредит; частный интерес; финансовая система.

ABOUT THE RATIO OF PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS IN FINANCIAL AND LEGAL REGULATION

Lyudmila Nikolaevna Dreval, chair professor of the Far Eastern Law Institute of Internal Affairs of the Russia Doctor of Law, Professor

Article is devoted to research of problems of financial and legal regulation. In it there is a speech both the public and municipal credit about modern approaches to a subject of the financial law, to its determining category «public financial activities», to such elements of a financial system of the Russian Federation as finance of commercial and non-profit organizations.

Keywords: financial law; public financial activity; public credit; municipal credit; private interest; financial system.

Финансово-правовое регулирование, являясь частью финансового регулирования, предполагает четкое закрепление прав и обязанностей участников общественных отношений при осуществлении финансовой деятельности Российским государством и муниципальными образованиями (публичной финансовой деятельности), т.е. при мобилизации, распределении, перераспределении и использовании финансовых ресурсов, которые необходимы им для эффективного функционирования и успешной реализации поставленных целей. Общественные отношения, возникающие, изменяющиеся и прекращающиеся в процессе такой деятельности, – это предмет финансово-правового регулирования.

Сегодня можно говорить о возрастании роли финансово-правового регулирования, поскольку современный период характеризуется, с одной стороны, глобализацией мировой экономики и межгосударственными связями, правда, не всегда благоприятными для России (например, введенные странами европейского сообщества санкции),

* Эта первая из статей, посвященных проблемам теории финансового права (финансово-правовому регулированию).

а с другой – падением цен на нефть, волатильностью национальной валюты – рубля и, как следствие, жесткой экономией денежных средств и минимизацией расходов.

Изложенная ранее точка зрения относительно определения публичной финансовой деятельности является классической, и ее придерживается большинство ученых, например О.Н. Горбунова [3, с. 62], П.С. Пацуркивский [7, с. 65] и др.

Традиционно такой вид деятельности в монографической и учебной литературе рассматривается как деятельность, необходимая для выполнения как оперативных, так и перспективных задач государством и муниципальными образованиями. Она связана с использованием финансовой системы, существование которой обусловлено товарно-денежными отношениями.

С помощью финансово-правового регулирования, обладающего межотраслевой спецификой, государство может быстро воздействовать на ту или иную сферу общественных отношений, что сказывается на эффективности правоприменительной практики и практической деятельности. В связи с этим можно согласиться с Э.Д. Соколовой, которая считает, что «исследование сущности финансовой деятельности, выявление ее значения для развития страны ... приобретает практическую направленность, поскольку полученная информация может быть использована при совершенствовании нормативных правовых актов...» [8, с. 3].

Вместе с тем, развитие финансовых правоотношений все чаще заставляет задумываться о сущности финансовой деятельности в современных условиях, поскольку ее могут осуществлять не только публичные, но и частные субъекты (организации, индивидуальные предприниматели), а следовательно, – о предмете и системе финансового права и даже подвергать сомнению самостоятельность этой отрасли.

Остановимся на дискуссионных моментах относительно новых тенденций, касающихся предмета финансового права, т.е. общественных отношений по осуществлению публичной финансовой деятельности, и таких элементов финансовой системы Российской Федерации, как финансы коммерческих и некоммерческих организаций и государственный и муниципальный кредит.

После ознакомления с исследованиями, появившимися в последнее время, можно с уверенностью сказать, что многие авторы предлагают расширить понятие «финансовая деятельность государства», а значит, и предмет финансово-правового регулирования. Так, по утверждению Д.А. Лисицына, в процессе финансовой деятельности государства возникают не только финансово-правовые, но и иные правовые отношения [5, с. 3]. О.Н. Горбунова, Е.Ю. Грачева подчеркивают ее организационный и управленческий аспект [9, с. 7]. Вряд ли можно согласиться с такой концепцией.

Однако при разности подходов все-таки приходится признать, что финансовая деятельность государства и муниципальных образований для страны в целом имеет главенствующее значение, поскольку эта деятельность – «именно тот движитель, который запускает в том или ином режиме действие налогового, бюджетного внешнеэкономического, страхового и многих других конкретных финансовых механизмов. В конечном счете – это реализуемая властная воля применительно к конкретным финансово-правовым институтам» [4, с. 21]. Подчеркнем еще раз, что она носит межотраслевой характер, а ее итогом (результатом) является эффективное управление финансами в государстве. Следовательно, важным моментом для финансово-правового регулирования является определение соотношения (сочетания) публичного и частного интереса.

Принято считать, что финансовая деятельность государства и муниципальных образований носит публичный характер, независимо от того, кто из субъектов выступает участником конкретного правоотношения, поскольку в основе ее – интересы государства, «государственные дела», и поэтому для правового регулирования характерен специфический юридический порядок, в соответствии с которым лица, обладающие властью, вправе односторонне и непосредственно определять поведение других (подвластных) субъектов.

Посредством публичной финансовой деятельности создается материальная база, необходимая для функционирования органов государственной власти, местного самоуправления, в том числе правоохранительных органов, обеспечения обороны и безопасности страны, выполнения социальных программ и др.

Вместе с тем сама дефиниция «публичная финансовая деятельность» далеко не бесспорна. Предмет дискуссий последнего времени заключается в том, какие именно финансы как общественные отношения подвергаются финансово-правовому регулированию.

Чтобы разобраться, обратимся к архитектонике (истории зарождения) финансового права, а именно к середине прошлого столетия, когда учеными четко формулировался предмет и метод финансового права, которые предопределялись особенностями государственного устройства России, ее экономическими основами с общенародной собственностью.

В настоящее время, по сравнению с предыдущими годами, изменились подходы к формам собственности и отношение к субъектам предпринимательства (например, появились различные организационно-правовые формы юридических лиц, ранее России не известных, основанных в большей степени на частной форме собственности: хозяйственные общества, кооперативы, товарищества и т.п.). Эти и другие факты послужили причинами для переосмысления общественных отношений в сфере налогообложения, государственного (муниципального) и банковского кредита, страхования, формирования финансов предприятий и организаций и др. И если раньше в качестве предмета финансового права общественные отношения, связанные с частными финансами, не признавались [11, с. 8], то в последнее время наметилась тенденция, когда они стали допускаться в качестве таковых [10, с. 10].

Между тем деление на публичное и частное в мировой юриспруденции получило широкое признание. На основании этого все отрасли права были поделены на публичные (в их числе финансовое право) и частноправовые (например, гражданское право). Чаще всего понятие «публичное» относится только к той части права, которая касается непосредственно государства.

По доминирующему в юридической литературе мнению о публичности финансового права можно определить, что этой отрасли «присущ один – и только один – общегосударственный юридический «центр», характерны императивные предписания и запреты, обращенные к подчиненным, подвластным лицам; дозволения же, имеющие императивный характер, – прерогатива властвующих субъектов» [1, с. 29].

О делении права на публичное и частное говорили еще философы античности. По словам Аристотеля, публичное право защищает то, что вредит обществу, а частное право – то, что вредит отдельным лицам. Это деление довольно строго было зафиксировано еще древнеримскими юристами. Так, знаменитый Ульпиан утверждал: публичное есть то, «которое относится к положению Римского государства» (*publicum jus est quod ad statum rei romanae spectat*).

Для публичности, по справедливому утверждению С.С. Алексеева, существенное значение имеет характерная связь «власть – подчинение» и субординация [1, с. 26].

Сущность же частноправовых отношений заключается в ином, поскольку приоритетными считаются интересы частных субъектов. Поэтому был прав русский правовед Б.Б. Черепахин, который отмечал, что в противовес публичному «... частноправовое отношение построено на координации субъектов, частное право представляет собой систему децентрализованного регулирования жизненных отношений» [12, с. 35].

Следуя этим постулатам, можно сделать вывод о том, что финансовая деятельность государства и муниципальных образований по своей сути, форме и методам правового регулирования всегда публична, так как все образованные фонды денежных средств взаимно увязаны и взаимно обусловлены, расходуются только в интересах общества. В этом случае «волю» диктует государство. Сформированные им и муници-

пальными образованиями фонды денежных средств являются централизованными и публичными (государственными либо муниципальными).

Вместе с тем было бы неправильно считать, что частное начало неизвестно финансовой деятельности государства. В современный период развития общества и юриспруденции в практической деятельности «публичное» проникает в «частное» и наоборот. Поэтому логичным и правильным является мнение В.С. Белых, который полагает, что между публичным и частным правом нет раз и навсегда установленной границы [2, с. 57].

При определенных обстоятельствах государству приходится, так или иначе, выходить за рамки собственной финансовой деятельности. Оно нередко прибегало и прибегает к частноправовым приемам (займы, лотереи, продажа государственных ценных бумаг и т.п.). Сегодня следует признать, что децентрализованные (частные) финансы получили мощное развитие. Иногда финансы одной крупной коммерческой организации по объемам превышают некоторые централизованные фонды (например, бюджет сельского поселения). Но именно в публичном ключе государство пытается решать свои задачи, реализовывать функции как носителя публичной власти, суверена.

Исходя из этого, частные финансы и их государственное регулирование, за некоторым исключением, не выступают сферой финансового права, и влияние государства на них осуществляется вне рамок публичной финансовой деятельности, поскольку частные финансы – это фонды денежных средств, которые создаются частными субъектами (юридическими и физическими лицами) и расходуются по их усмотрению (по собственной воле). Но для финансово-правового регулирования важно, что финансы: 1) могут при определенных условиях превращаться в централизованные фонды денежных средств и наоборот; 2) имеют двойственную природу, так как, с одной стороны, регулируются нормами финансового права, а с другой – нормами гражданского права или иной отрасли. Их превращение, например, происходит тогда, когда частные субъекты (коммерческие организации с частной формой собственности, физические лица и др.) платят налоги, а некоторые некоммерческие организации получают денежные средства из соответствующих бюджетов. Общественные отношения периода, когда над «частными финансами» сохраняется «власть» (воля) частного субъекта, – это область частноправового регулирования.

Формируя собственные денежные средства (фонды), а также распоряжаясь по собственному усмотрению (добровольному волеизъявлению), т.е. используя на свои нужды, частный субъект осуществляет финансовую деятельность, схожую с финансовой деятельностью государства и муниципальных образований по направлениям, но в корне отличающуюся по сути. Главное различие – все тот же признак публичности, вернее, его отсутствие у частных субъектов. Следовательно, частные финансы не являются частью государственных финансов, а наряду с финансовой деятельностью государства и муниципальных образований можно говорить о финансовой деятельности частных субъектов.

Повторимся, что, как правило, финансы юридических лиц, независимо от организационно-правовой формы, являются децентрализованными и частными финансами. Однако это не всегда так. Примером, когда финансы юридических лиц могут быть публичными финансами, оставаясь при этом децентрализованными фондами денежных средств, служат денежные средства государственных и муниципальных унитарных, в том числе казенных, предприятий.

Российское государство (в том числе и его субъекты) и муниципальные образования выступают собственниками не только имущества (в стоимостном выражении в виде уставного капитала) анализируемых субъектов, но и их денежных средств. Это объясняется особенностями вещных прав (правом хозяйственного ведения и оперативного управления, суть которых – ограничение правомочия распоряжения при сохранении правомочий владения и пользования), в силу которых у государственных и муници-

пальных унитарных предприятий имеется имущество. В отличие от публичного субъекта, таким юридическим лицам не разрешается распоряжаться имуществом (в том числе денежными средствами) по своему усмотрению. К тому же владеют и пользуются они имуществом в соответствии с целями, для которых их создал собственник – государство, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования. Налицо, если можно так выразиться, порок воли. Правомочие «распоряжение» может реализовываться только с разрешения публичного субъекта, т.е. собственника (учредителя). Отсюда, денежные фонды, которые образуются усилиями этих предприятий (в лице коллегиальных органов, должностных лиц), уже изначально являются финансами, принадлежащими государству или муниципальным образованиям, т.е. публичными финансами.

В противовес данной точке зрения некоторые ученые относят финансы государственных и муниципальных унитарных предприятий к финансам организаций (юридических лиц), т.е. к частным финансам. Тем самым применяют стандартную схему: если юридическое лицо, то присутствует частный интерес, а значит, и фонды денежных средств таких предприятий – это частные финансы.

Действительно, по существующей логике, оставшейся со времен административно-командного хозяйствования, это так. Вместе с тем, в настоящее время необходимо учитывать развитие общественных отношений и исходить из того, что у таких предприятий присутствует завуалированный публичный интерес, так как их создает публичный субъект для своих целей. Но при исследовании данной проблемы оказалось, что не всеми учеными учитывается главный фактор – наличие заинтересованности в осуществлении публичной финансовой деятельности. Отсюда и разность подходов к финансам таких юридических лиц.

Принимая во внимание изложенное, можно резюмировать, что публичные финансы могут быть представлены централизованными финансами (например, бюджетами) и децентрализованными финансами унитарных предприятий, как государственных, так и муниципальных. Следовательно, однозначно исключать финансы юридических лиц из предмета финансового права нельзя, как нельзя и отвергать их принадлежность к частноправовым отраслям, например, к гражданскому праву. В связи с этим можно частично поддержать мнение Д.А. Лисицына, который утверждает, что финансовая деятельность государства – это общеправовая категория [5, с. 10].

Если сделать акцент на ее направлениях – образовании, распределении, перераспределении и использовании фондов денежных средств, можно сказать, что она осуществляется не только публичными образованиями, но и частными субъектами. Иными словами, дефиниция «финансовая деятельность» предполагает: 1) финансовую деятельность государства и муниципальных образований (публичную финансовую деятельность); 2) финансовую деятельность частных субъектов. Первая область – предмет регулирования финансового права, вторая – отраслей частноправового характера.

В силу этого нельзя согласиться с мнением тех авторов, которые полагают, что институт правового регулирования финансовой деятельности государства – это комплексный институт, поскольку признак комплексности можно применять только в отношении института правового регулирования финансовой деятельности, т.к. он включает, как минимум, два подинститута: 1) публичной финансовой деятельности и 2) финансовой деятельности частных субъектов.

Дефиниции «финансовая деятельность» и «финансовая деятельность государства и муниципальных образований» соотносятся как общее к частному.

Таким образом, качественное содержание такого элемента финансовой системы Российской Федерации, как финансы коммерческих и некоммерческих организаций, изменилось, поскольку в настоящее время он представлен как публичными, так и частными финансами.

Несмотря на то, что традиционно в любом экономически развитом государстве предпочтение отдается государственному сектору, он считается определяющим, част-

ные финансы оказывают влияние на функционирование финансовой системы в целом. Они наделяют ее определенным своеобразием и многогранностью, отражая современное финансовое (экономическое) состояние государства, независимо от того, нормами каких отраслей права регулируются. Поэтому исключать их из структуры финансовой системы РФ нельзя, так же, как и государственный и муниципальный кредит, являющийся комплексным институтом, общественные отношения которого регулируются нормами финансового, административного и гражданского права. Он имеет двойную природу.

С одной стороны, государство (муниципальное образование) пополняет доходы, а затем расходует их на общественные (публичные) нужды в целях эффективного функционирования, а, с другой – предлагая в долг ценные бумаги и иные обязательства, не может заставить их приобрести. Поэтому особенность государственного и муниципального кредита выражается в том, что наряду с императивными методами используется диспозитивный метод, характеризующийся добровольностью субъектов, вступающих в правоотношения. Поэтому прав М.Ф. Орлов, утверждая, что «государственный кредит является самым демократичным и справедливым способом формирования государственного дохода. ... Неся на себе отпечаток добровольного условия, он соблюдает взаимные выгоды займодавца и заемателя» [6, с. 303–304].

Государственный кредит широкое распространение получил в России еще в XVIII–XIX вв., когда считался не чем иным, как личным кредитом-долгом государя и его семьи, а чуть позже государства.

В настоящее время государственный (муниципальный) кредит «помогает» Российской Федерации решать важные задачи, в числе которых на первом месте – связанные с финансированием бюджетного дефицита и приоритетных отраслей экономики, а также с поддержкой регионов и муниципальных образований. Поэтому не зря общественные отношения по государственному и муниципальному кредиту регулируются бюджетным законодательством, в том числе в разд. 15, 16 Бюджетного кодекса РФ под названиями соответственно «Государственный и муниципальный долг» и «Внешние долговые требования».

Определяющим в государственном и муниципальном кредите является то, что в настоящее время они являются дополнительными источниками пополнения доходной части бюджетов бюджетной системы РФ.

Среди основных функций государственного кредита можно выделить распределительную, перераспределительную, регулиющую, учетную и контрольную.

Чаще всего распределение и перераспределение денежных средств осуществляется между федеральным бюджетом и бюджетами субъектов РФ, между бюджетами субъектов РФ и бюджетами муниципальных образований, между федеральным бюджетом и международными финансово-кредитными организациями (например, Международным валютным фондом) и т.п.

Распределяя и перераспределяя финансовые ресурсы, публичный субъект регулирует их потоки и доходы разных регионов и территорий. Успешно решать поставленные задачи и эффективно функционировать государству и муниципальным образованиям позволяет учет и контроль за целевым и рациональным использованием фондов денежных средств.

Сегодня кредитные отношения реализуются в различных формах – в виде государственных и муниципальных заимствований, а также внешних долговых требований. По виду кредитных отношений можно говорить о внутреннем и внешнем долге Российской Федерации или муниципального образования, а также о долге иностранных государств перед Российской Федерацией.

Публичный субъект (Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования) в лице своих органов в кредитных отношениях может выступать и как должник, и как кредитор, и, что немаловажно, как гарант.

Государство и муниципальные образования не только привлекают свободные финансовые ресурсы иностранных государств, международных организаций, юридических лиц, граждан, иностранных юридических лиц и других субъектов на условиях срочности, возвратности, возмездности, но и в случае невыполнения обязательств отвечают своей собственностью.

Как должник государство (муниципальное образование) проявляется, когда речь идет о государственных (муниципальных) заимствованиях, которые можно представить: 1) как займы, осуществляемые путем выпуска ценных бумаг; 2) как кредиты, привлекаемые из других бюджетов, у кредитных организаций, международных организаций, иностранных юридических и физических лиц.

Анализ учебной и монографической литературы свидетельствует о том, что отношения по бюджетному кредиту ученые не подвергают сомнению. Их однозначно относят к предмету финансово-правового регулирования, поскольку бюджетный кредит, согласно ст. 6 Бюджетного кодекса РФ, представляет собой денежные средства, предоставляемые другому бюджету бюджетной системы Российской Федерации, юридическому лицу (за исключением государственных (муниципальных) учреждений), иностранному государству, иностранному юридическому лицу на возвратной и возмездной основах.

Что касается займов, то единого мнения по этому вопросу нет. Ведь при покупке государственных (муниципальных) ценных бумаг нарушается условие обязательности (государственного принуждения), что является отличительной чертой финансово-правового регулирования (метода финансового права). Присутствует признак добровольности, который характеризует гражданско-правовое регулирование (диспозитивный метод). Как раз «добровольность» и «провоцирует» исследователей финансовой доктрины на дискуссии.

Вместе с тем история существования нашего государства знает периоды, когда оно, используя метод принуждения, ценные бумаги навязывало гражданам и другим субъектам. Например, в послевоенные годы часть заработной платы выдавалась ценными бумагами, подтверждающими долг государства, причем государством не раз нарушались условия возврата своих долгов. Им использовались такие институты, как консолидация (сейчас пролонгация – увеличение срока) – изменение срока займа и конверсия – изменение первоначальных условий выпущенных государственных займов.

Сегодня бюджетным законодательством не запрещена реструктуризация долга, под которой понимается основанное на соглашении прекращение долговых обязательств, составляющих государственный и муниципальный долг, с заменой имеющихся долговых обязательств иными, которые предусматривают новые условия обслуживания и погашения. Причем реструктуризация может касаться как всего долга, так и его части.

Таким образом, государственный (муниципальный) кредит, являясь структурным элементом современной финансовой системы Российской Федерации, имеет двойственную природу.

Финансово-правовому регулированию подвержены только те кредитные отношения, которые возникают, изменяются и прекращаются в связи осуществлением публичными субъектами финансовой деятельности, а именно с формированием доходной части бюджетов бюджетной системы Российской Федерации и чаще всего с финансированием мероприятий по уменьшению бюджетного дефицита.

Литература

1. Алексеев С.С. Частное право: научно-публицистический очерк. М.: Статут, 1999.
2. Белых В.С. Теория хозяйственного права на современном этапе // Государство и право. 1995. № 11.
3. Горбунова О.Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России. М., 2003.

4. Запольский С.В. Финансы и право: проблемы соотношения // Ежегодник МАФП: 2004. М., 2005.
5. Лисицын Д.А. Финансовая деятельность государства: содержание, методы осуществления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004.
6. Орлов М.Ф. О государственном кредите. У истоков финансового права. М., 1998.
7. Пацуркинский П.С. Системообразующие факторы в финансовом праве // Проблемы финансового права в условиях рынка в XXI веке: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. О.Н. Горбунова. М.: Проспект, 2005.
8. Соколова Э.Д. Теоретические и правовые основы финансовой деятельности государства и муниципальных образований. М.: Юриспруденция, 2007.
9. Финансовое право: учебник / О.Н. Горбунова [и др.]; под ред. Е.Ю. Грачевой, Г.П. Толстопятенко. М., 2003.
10. Финансовое право: учебник / отв. ред. Е.Ю. Грачева, Г.П. Толстопятенко. М.: Проспект, 2004.
11. Худяков А.И. Финансовое право Республики Казахстан. Общая часть. Алматы: ТОО «Баспа», 2001.
12. Черепяхин Б.Б. К вопросу о частном и публичном праве. М., 1994.

УДК 346.62

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ДОХОДА, ПОЛУЧЕННОГО ОТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ НАЛОГОВЫХ РЕЖИМОВ

Наталья Ароновна Богуславская, доцент кафедры
Хабаровского государственного университета экономики и права
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: natabogus@mail.ru

Автор рассматривает, что собой представляют доходы, полученные от предпринимательской деятельности, и какие проблемы возникают в правоприменительной деятельности при определении таких доходов в целях налогообложения. В статье рассмотрены критерии, которые позволяют разграничить доходы от предпринимательской деятельности и доходы, не связанные с такой деятельностью.

Ключевые слова: налогоплательщик; доход; прибыль; предпринимательская деятельность; индивидуальный предприниматель; налогообложение; налоговые режимы.

DETERMINATION OF INCOME DERIVED FROM BUSINESS ACTIVITIES IN THE APPLICATION OF SPECIAL TAX REGIMES

Natalya Aronovna Boguslavskaya, chair associate professor
of the Khabarovsk State University of Economics and Law
kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor

The author explores what constitutes income derived from business activities, and what problems arise in enforcement in determining such income for tax purposes. The article describes the criteria that make it possible to distinguish between income from business activities and income not related to such activities.

Keywords: taxpayer; income; profit; business activity; the individual entrepreneur; taxation; tax regimes.

В правоприменительной практике одним из вопросов, который требует своего осмысления, является вопрос об определении такой категории, как «доход, полученный от предпринимательской деятельности», в целях налогообложения. Данный аспект исследования является особенно актуальным в свете применения специальных налоговых режимов. От того, связан ли данный доход с предпринимательской деятельностью или нет, может зависеть обложение такого дохода в соответствии с общим или специальным режимом налогообложения. Выработка критериев определения дохода от предпринимательской деятельности позволит сократить количество споров, возникающих между налоговыми органами и налогоплательщиками.

Для исследования данного аспекта необходимо обращение не только к налоговому законодательству, но и гражданскому, так как основные признаки предпринимательской деятельности предусмотрены в гражданском законодательстве. Таким образом, только комплексный подход и анализ норм публичного и частного права дадут нам ответ на интересующий нас вопрос.

Основные признаки предпринимательской деятельности установлены в ст. 2 Гражданского кодекса РФ, к которым отнесены следующие:

1) самостоятельность. Как отмечается в литературе, можно условно выделить имущественную и организационную самостоятельность предпринимателя. Имущественная самостоятельность определяется наличием обособленного собственного имущества. Организационная самостоятельность – это возможность принятия самостоятельных решений [7, с. 19];

2) риск. Под предпринимательским риском понимается «потенциальная возможность (опасность) наступления или ненаступления события (совокупности событий), повлекшего неблагоприятные имущественные последствия для деятельности предпринимателя» [1, с. 46]. В судебной практике указывается, что предпринимательский риск гражданина заключается в вероятности наступления событий, в результате которых продолжение осуществления данной деятельности станет невозможным*, существует вероятность наступления отрицательных последствий [4];

3) систематичность. Следует согласиться с учеными, что четких количественных критериев систематичности законодательством пока не выработано. Законодательный пробел в науке авторы предлагают восполнить, включив в определение предпринимательской деятельности дополнительные квалифицирующие признаки, такие как доля прибыли от этой деятельности в общих доходах лица, «существенность» прибыли, получение ее определенное число раз за конкретный отчетный период и другие [7, с. 21];

4) получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг. Представляется, что данный признак в гражданском законодательстве сформулирован некорректно, так как в соответствии с налоговым законодательством к предпринимательской деятельности следует относить не только систематическое извлечение прибыли, но и дохода, что является различными категориями в целях налогообложения. Кроме того, как справедливо указывается в научной литературе, предпринимательская деятельность многогранна, и в рыночной экономике ее направления никак не могут быть представлены закрытым перечнем [7, с. 21];

5) обязательность регистрации (ст. 2 ГК РФ). При этом даже отсутствие регистрации в качестве индивидуального предпринимателя не дает физическому лицу права ссылаться в отношении заключенных им сделок на то, что он не является индивидуальным предпринимателем (ст. 23 ГК РФ, ст. 11 НК РФ).

* Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18 января 2013 г. № Ф01-5635/12 по делу № А11-11450/2011. URL:http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/bcebe6f5-9cff-4af5-8311-1664dd0361be/A11-11450-2011_20130118_Postanovlenie%20kassacionnoj%20instancii.pdf

Следует отметить, что статья 11 НК РФ дает определение индивидуального предпринимателя, а не предпринимательской деятельности, по сути, повторяя ст. 23 ГК РФ.

В то же время существуют определенные различия в подходе к предпринимательской деятельности в гражданском и налоговом законодательстве. В частности, пункт 3 ст. 23 ГК РФ предусматривает, что к индивидуальным предпринимателям применяются правила, которые регулируют деятельность коммерческих организаций, если иное не предусмотрено. В налоговом же законодательстве права и обязанности коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей в целях налогообложения не всегда совпадают, а в некоторых случаях – существенно различаются. Таким образом, при заключении гражданско-правовых сделок в целях предпринимательской деятельности следует руководствоваться нормами гражданского законодательства, а в вопросах налогообложения таких сделок – нормами налогового законодательства.

Анализируя налоговое законодательство, разъяснения Министерства финансов, судебной практики, можно сделать вывод, что определение понятия дохода, полученного от предпринимательской деятельности, отсутствует. Поэтому необходимо рассмотреть данное определение через призму двух категорий – «предпринимательская деятельность» и «доход».

В нашем случае категория «доход, полученный от предпринимательской деятельности» будет рассмотрена применительно к индивидуальному предпринимателю.

Согласно ст. 41 НК РФ, под доходом понимается экономическая выгода в денежной или натуральной форме, учитываемая в случае возможности ее оценки и в той мере, в которой такую выгоду можно оценить.

На основе вышеизложенного, с учетом анализа гражданского и налогового законодательства можно предложить следующее определение дохода, полученного от предпринимательской деятельности. Это экономическая выгода в денежной или натуральной форме, которая подлежит оценке, извлекается самостоятельно и систематически на свой риск специальным субъектом (индивидуальным предпринимателем), зарегистрированным в установленном порядке, а в определенных законом случаях и без такой регистрации.

При определении дохода, полученного от предпринимательской деятельности, как было указано выше, важен также вид режима (общий и специальный), на основании которого должно осуществляться налогообложение. Поэтому для уяснения сути вопроса актуальным является также выработка критериев для разграничения дохода, связанного или не связанного с предпринимательской деятельностью. Так, например, применение индивидуальным предпринимателем таких специальных налоговых режимов, как единый сельскохозяйственный налог, упрощенная система налогообложения освобождает, по общему правилу, от уплаты налога на доходы физических лиц, но только в отношении дохода, полученного от предпринимательской деятельности. При применении системы налогообложения в виде единого налога на вмененный доход и патентной системы также предусмотрено освобождение от уплаты налога на доходы физических лиц в отношении видов предпринимательской деятельности, подпадающих по данные режимы.

В отношении же дохода, не связанного с предпринимательской деятельностью, уплата налога производится в соответствии с общим режимом налогообложения. Как правило, налоговые ставки при применении специальных налоговых режимов ниже, чем при использовании общего режима налогообложения, поэтому от того, какой режим налогообложения применяется в данном случае, зависит налоговая нагрузка индивидуального предпринимателя.

В судебной практике, в разъяснениях Министерства финансов РФ выработаны определенные критерии, которые позволяют определить, относится ли такой доход к предпринимательской деятельности или нет. В то же время некоторые критерии вызывают споры. Так как налоговое законодательство не дает четких критериев опреде-

ления такого дохода, поэтому их необходимо систематизировать, а также предложить другие критерии, которые позволят отграничить такие доходы друг от друга. При этом важно понимать, что использование только одного из критериев еще не может свидетельствовать об отнесении дохода к предпринимательской деятельности, поэтому должны применяться несколько критериев.

Одним из таких критериев, который свидетельствует о получении дохода от предпринимательской деятельности, Министерство финансов РФ называет вид деятельности в соответствии с ОКВЭД, который указан индивидуальным предпринимателем при регистрации*. Заявленный вид деятельности может служить основанием для определения режима налогообложения, на основании которого будет облагаться деятельность. Например, данной вопрос особенно актуален при применении системы налогообложения в виде единого налога на вмененный доход, патентной системы налогообложения, системы налогообложения для сельскохозяйственных производителей, где указаны виды деятельности, дающие право на переход на данные режимы [3]. Кроме того, вид деятельности может являться, наоборот, препятствием для перехода с общего режима на специальный режим.

В то же время индивидуальный предприниматель может заявить вид деятельности при государственной регистрации, однако фактически не получать доход от заявленной деятельности или получать в определенной части. Классическим примером является продажа недвижимого имущества. Если индивидуальный предприниматель, например, находится на упрощенной системе налогообложения, имеет имущество, которое он продает для осуществления предпринимательской деятельности, и имущество, которое он продает с целью покупки другого имущества для постоянного проживания и регистрации по месту жительства, в таком случае, очевидно, встанет вопрос, как облагать данные виды имущества. Позиция Министерства финансов РФ заключается в том, что если индивидуальный предприниматель при регистрации заявил такой вид деятельности, как продажа недвижимого имущества, то доходы от данной продажи должны облагаться по упрощенной системе налогообложения. Полагаем, что судить только по наличию в регистрационных документах заявленного вида предпринимательской деятельности нельзя. Таким образом, наличие только кода вида деятельности (ОКВЭД) еще не свидетельствует о том, связан ли такой доход с предпринимательской деятельностью или нет, необходимо оценить и другие факторы.

Еще одним критерием при определении дохода должна являться цель получения дохода. В вышеприведенном случае должно быть намерение лица для использования недвижимого имущества в целях систематического извлечения дохода, его направленность на получение такого дохода. Если фактически доход получен от продажи недвижимого имущества для приобретения другого жилья, полагаем, что даже если такой вид деятельности заявлен в ОКВЭД, его нельзя рассматривать как доход, полученный от предпринимательской деятельности, поскольку он не отвечает более важному признаку – цели получения дохода.

Также следует учитывать обобщение практики Верховным Судом РФ, на основе которого можно сделать вывод, что если целью является приобретение имущества для личных нужд, даже в случае, если в дальнейшем оно сдается в аренду, то такая деятельность не образует признаков предпринимательской деятельности [6], и, следовательно, при получении дохода от такого имущества обложение должно осуществляться в соответствии с общим режимом налогообложения.

В связи с этим, следует отметить, что такой критерий, как цель, т.е. направленность деятельности на получение дохода, должен быть преобладающим при его оценке.

* Письмо Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина России от 28 октября 2013 г. № 03-11-11/45470. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=221481>

Кроме того, важными критериями являются систематичность* и реальность получения дохода в целях предпринимательской деятельности [5].

Систематичность извлечения дохода может проявляться в периодическом извлечении дохода и в устойчивых связях с контрагентами**, в том числе в связи с продлением гражданско-правовых договоров, на основании которых получен доход; с извлечением дохода от нескольких объектов недвижимого имущества [2] и в других случаях. Систематичность, например, выступает важным фактором при определении дохода, связанного с производством и переработкой сельскохозяйственной продукции. Производство и переработка данной продукции еще не дает права на использование такого специального налогового режима, как единый сельскохозяйственный налог. Необходимо также учитывать, что по налоговому законодательству систематичность связана с долей выручки от общего объема выручки (такая доля должна быть не менее 70 %).

В то же время критерий «систематичность», который свидетельствует о доходах, полученных от предпринимательской деятельности, не всегда дает возможность продолжения использования специального налогового режима. Так, например, систематическое извлечение выручки в рамках упрощенной системы налогообложения в размере свыше 60 млн руб. (индексируется ежегодно на коэффициент-дефлятор) обязывает налогоплательщика перейти со специального налогового режима на общий. Сходные правила предусмотрены и по патентной системе налогообложения, налоговое законодательство предусматривает ограничение по доходам от реализации, поэтому, если выручка превысит 60 млн руб., налогоплательщик обязан перейти со специального налогового режима на общий. При этом одновременное использование двух режимов – патентной и упрощенной систем налогообложения – предусматривает необходимость учета доходов по двум режимам в целях соблюдения ограничения, установленного налоговым законодательством.

Таким образом, систематичность, с одной стороны, свидетельствует о предпринимательской деятельности, с другой стороны, осуществление систематического извлечения дохода в размере, превышающем установленный налоговым законодательством предел, препятствует дальнейшему использованию специального налогового режима. Следовательно, основанием для определения особенностей обложения дохода в рамках общего или специального налогового режима может в определенных случаях также выступать размер выручки.

Реальность получения дохода может быть подтверждена документами, например, это могут быть гражданско-правовые договоры, платежные документы, акты приемки-передачи, свидетельства о регистрации права и другие документы. Таким образом, хозяйственный учет операций, связанных с осуществлением сделок, может свидетельствовать о реальном получении дохода от предпринимательской деятельности.

К другим факторам, которые позволяют определить налогообложение дохода, следует отнести то, как субъект заявлен в гражданско-правовом договоре, – как физическое лицо, не осуществляющее предпринимательскую деятельность, или как индивидуальный предприниматель. В некоторых случаях гражданское законодательство прямо предусматривает, что в определенных правоотношениях субъект может выступать только как физическое лицо. Примером может служить вознаграждение члену коллегиального исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью, члену совета директоров акционерного общества. Так как членами таких органов могут быть только физические лица, то такие доходы не могут рассматриваться как доходы, полу-

* Письмо Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина России от 27 января 2011 г. № 03-11-06/3/7. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12082371>

** О налогообложении доходов физических лиц: письмо Федеральной налоговой службы от 8 февраля 2013 г. № ЕД-3-3/412@. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70214440>

ченные от предпринимательской деятельности*. Еще одним примером можно назвать доходы, полученные физическим лицом в результате заключения договора дарения недвижимого имущества. Так как запрещено дарение между коммерческими организациями (ст. 575 ГК РФ), а к действиям индивидуального предпринимателя применяются правила, предусмотренные для коммерческих организаций, то очевидно, что в данном случае дарение между организацией и индивидуальным предпринимателем не допускается, в отличие от дарения между физическим лицом и организацией. Значит, обложение таких доходов будет осуществляться в соответствии с общим режимом налогообложения.

Также важным фактором, который может свидетельствовать о признаках предпринимательской деятельности и особенностях обложения дохода, полученного в рамках договора, является анализ содержания договора на основе норм гражданского законодательства. В определенных случаях на основе анализа договора (например, вид договора и его содержание) и норм налогового законодательства можно сделать вывод, подпадает такая деятельность под обложение специальным налоговым режимом или нет**.

Судебная практика также называет еще такой критерий, как взаимосвязанность всех сделок, совершаемых лицом в определенный период времени***. Здесь может идти речь о совокупности сделок, которые связаны между собой и направлены на извлечение дохода, например, регистрация договора купли-продажи недвижимого имущества, последующее заключение договора аренды такого имущества арендодателем на длительный срок и другие обстоятельства.

Таким образом, на основе анализа научной литературы, судебной практики и писем Министерства финансов РФ и Федеральной налоговой службы можно предложить следующие критерии, которые позволят разграничить доход, связанный или не связанный с предпринимательской деятельностью в рамках специальных налоговых режимов:

- 1) вид деятельности;
- 2) цель деятельности;
- 3) субъект, в том числе может ли субъект быть участником данных правоотношений;
- 4) содержание деятельности, которое должно отвечать следующим требованиям:
 - периодичность (систематичность) деятельности;
 - реальность деятельности;
 - взаимосвязанность деятельности.

Таким образом, категория «доход от предпринимательской деятельности» на сегодняшний день является оценочной категорией, поэтому в каждом конкретном случае определяются особенности налогообложения данного дохода. Для разграничения видов доходов и правильного определения режима налогообложения следует учитывать определенную совокупность взаимосвязанных между собой перечисленных выше критериев.

* Об учете доходов, полученных ИП, применяющим УСН, от предпринимательской деятельности, а также о налогообложении НДФЛ вознаграждения, полученного им как членом совета директоров Российской организации: письмо Минфина РФ от 13 декабря 2013 г. № 03-11-11/54819. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=224468>

** Письмо Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина России от 3 сентября 2015 г. № 03-11-11/50695. URL: <http://base.garant.ru/71210740>

*** Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 28 июня 2006 г. № Ф03-А59/06-2/1674. URL: http://www.glavbukh.ru/npd/edoc/96_813364505

Литература

1. Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: монография. М., 2005.
2. Егорова Е.В. Комментарий к письму Минфина России от 22 мая 2015 г. № 03-04-05/29499 // Нормативные акты для бухгалтера. 2015. № 13-14.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 05.04.2016) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340; 2016. № 15. Ст. 2064.
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Стандарт» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 2 статьи 61.3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: определение Конституционного суда РФ от 2 июля 2013 г. № 1048-О. URL: <http://lawru.info/dok/2013/07/02/n10648.htm>.
5. Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды: постановление Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 12 октября 2006 г. № 53 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 12.
6. О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве: постановление Пленума Верховного суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 // Российская газета. 2004. 7 декабря.
7. Российское предпринимательское право / Д.Г. Алексеева [и др.]. М.: Проспект, 2010.

УДК 346.62

К ВОПРОСУ О БАНКОВСКИХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Светлана Андреевна Полякова, преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук

E-mail: svetlana_polyakova_27@mail.ru

Автором предпринята попытка разобраться в сложных теоретических вопросах банковского права, связанных с реализацией санкций, применяемых за совершение банковских правонарушений.

Ключевые слова: кредитная организация; нарушение; банковское правонарушение; меры принуждения; санкция; статья; закон.

TO THE QUESTION OF BANK OFFENSES

Svetlana Andreevna Polyakova, lecturer of the Far Eastern Law Institute of Internal Affairs of the Russia *kandidat nauk*, degree in Law

The author has made an attempt to understand the difficult theoretical questions of the banking law connected with implementation of the sanctions applied for making of bank offenses.

Keywords: credit institution; violation; bank offense; coercive measures; sanction; section; law.

Правовой основой, регламентирующей правоотношения в банковской сфере, являются Конституция Российской Федерации, Федеральные законы от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности», подзаконные нормативные правовые акты, нормативные акты Банка России и др. Исходя из анализа обозначенных и других источников, приходится констатировать, что легальное определение банковского правонарушения отсутствует. Подобная ситуация порождает в науке различного рода дискуссии о существовании названных правонарушений.

Так, некоторые ученые [9] выделяют банковские правонарушения в качестве разновидности финансовых правонарушений. Так, представитель данной концепции А.А. Мусаткина [9, с. 50] отмечает, что банковские правонарушения являются еще одной разновидностью финансовых правонарушений, за совершение которых установлена финансово-правовая ответственность. Ее поддерживает и А.З. Арсланбекова [1, с. 32], считая, что основанием наступления финансовой (банковской) ответственности является банковское правонарушение – противоправное виновное действие (бездействие) кредитной организации, заключающееся в нарушении установленного порядка осуществления банковской деятельности, за которое действующим законодательством предусмотрена ответственность.

По этой проблеме имеются и другие точки зрения [4]. Их суть заключается в том, что за нарушение банковского законодательства наступает административная ответственность, предусмотренная нормами Кодекса РФ об административных правонарушениях. Таким образом, представители указанной позиции ставят знак равенства между банковскими правонарушениями и административными правонарушениями, предусмотренными ст. 15.26 КоАП РФ. По этому поводу Н.К. Джафаров [5] отмечает, что банковские правонарушения установлены ст. 15.26 КоАП РФ, в которой сформулированы составы правонарушений и предусмотрены соответствующие виды наказаний за их совершение. Более того, некоторые авторы считают, что банковские правонарушения должны содержаться только в КоАП РФ. Так, например, В.Б. Астафьев [2, с. 7] предлагает закрепить нормы об административной ответственности за нарушение законодательства о банках и банковской деятельности только в Кодексе РФ об административных правонарушениях, поскольку содержание указанных норм в других нормативных актах вызывает, по его мнению, противоречия и сложности в их применении. Тем самым он предлагает признать нарушения законодательства о банках и банковской деятельности исключительно административными правонарушениями.

Представляется, что категорически отрицать существование банковских правонарушений нельзя хотя бы потому, что статья 74 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» содержит собственные санкции, которые могут применяться Банком России к кредитным организациям и иным субъектам за нарушение банковского законодательства. К ним законодатель относит:

- 1) взыскание с кредитной организации штрафа в размере до 1 % размера оплаченного уставного капитала, но не более 1 % минимального размера уставного капитала;
- 2) введение запрета на осуществление кредитной организацией отдельных банковских операций, предусмотренных выданной ей лицензией на осуществление банковских операций, на срок до одного года;
- 3) введение запрета на величину процентной ставки, которую кредитная организация определяет в договорах банковского вклада, заключаемых (продолжаемых) в период действия ограничения, в виде максимального значения процентной ставки и др.

Помимо этого к нарушителям банковского законодательства может применяться и такая мера воздействия, как отзыв лицензии на осуществление банковских операций, поскольку она предусмотрена в ст. 74 анализируемого закона в качестве самостоятельной санкции. К сожалению, основания для применения данной меры Банком России в названном законе не раскрываются. Законодатель лишь обозначил, что эти основания определены ФЗ «О банках и банковской деятельности» и что порядок отзыва лицензии на осуществление банковских операций устанавливается нормативными актами Банка России. Подобная норма представляется не совсем удачной для ее реализации на практике. Поэтому для более эффективного правоприменения анализируемой статьи в нее необходимо внести изменения и дополнения путем указания конкретных случаев (оснований) применения данной меры принуждения к нарушителям банковской дисциплины.

Разночтения во мнениях существуют и по поводу самостоятельности перечисленных в исследуемом законе санкций. Так, некоторые ученые относят названные меры принуждения к мерам административной и гражданско-правовой ответственности [10, с. 9].

Приверженцы другой точки зрения относят их к самостоятельным мерам финансово-правовой ответственности, имеющим несколько иную сферу применения, по сравнению с административной ответственностью [1, с. 33].

По нашему мнению, меры принуждения, предусмотренные в ст. 74, следует считать самостоятельными мерами воздействия, применяемыми в отношении нарушителей банковского законодательства РФ, поскольку нормами Федерального закона «О Центральном банке РФ (Банке России)» предусмотрены особые санкции, налагаемые только за совершение банковских правонарушений.

Следует отметить, что в науке является дискуссионным вопрос о правовой природе штрафа, предусмотренного этой статьей. Некоторые исследователи относят его к мерам административной ответственности [10, с. 8], другие – к мерам финансово-правовой ответственности. Например, А.З. Арсланбекова [1, с. 33] справедливо считает, что штраф, предусмотренный ФЗ «О Центральном банке РФ (Банке России)», не может быть признан административным наказанием, а применяется как мера надзорного воздействия и является финансовой (банковской) санкцией. Можно поддержать автора, т.к. анализ административного и банковского законодательства показывает, что части 2 и 3 ст. 15.26 КоАП РФ и статья 74 ФЗ «О Центральном банке РФ (Банке России)» устанавливают ответственность за схожие противоправные деяния. Однако санкции за их совершение – разные. Так, совершение правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 15.26 КоАП РФ, влечет предупреждение или наложение административного штрафа в размере от десяти тысяч до тридцати тысяч рублей, в то время как за совершение аналогичного деяния, предусмотренного ст. 74 названного закона, Банк России имеет право требовать от кредитной организации устранения выявленных нарушений, взыскивать штраф в размере до 0,1 % минимального размера уставного капитала либо ограничивать проведение кредитной организацией отдельных операций, в том числе с головной кредитной организацией банковской группы, головной организацией банковского холдинга, участниками банковской группы, участниками банковского холдинга, со связанным с ней лицом (связанными с ней лицами), на срок до шести месяцев.

Кроме того, отличается и порядок исчисления суммы штрафа. Так, по административному законодательству размер штрафа определяется в твердой денежной сумме, исчисляемой в рублях (относительно-определенная санкция), а по ст. 74 ФЗ «О Центральном банке РФ (Банке России)» сумма штрафа исчисляется в размере до 0,1 % минимального размера уставного капитала. К тому же статья 74 не содержит отсылки к нормам Кодекса РФ об административных правонарушениях. В ней предусмотрены конкретные случаи применения названной меры, а также самостоятельный порядок определения и взыскания обозначенной суммы штрафа.

Что касается иных мер принуждения, определенных в ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (например, введение ограничения на величину процентной ставки, которую кредитная организация определяет в договорах банковского вклада, заключаемых в период действия ограничения), то их также нельзя отнести к мерам административной ответственности хотя бы потому, что в ст. 3.2 КоАП РФ установлен исчерпывающий перечень видов административных наказаний, к которым эти санкции не относятся. Следовательно, меры принуждения, установленные ст. 74 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», можно отнести к особым санкциям, не являющимся видами административных наказаний.

Исследуя проблему банковских правонарушений, необходимо обратить внимание на то, что в юридической литературе высказывается идея, согласно которой ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» содержит составы пра-

вонарушений, относящиеся по своей правовой природе к административным правонарушениям [2, с. 7].

Позволим себе не согласиться с обозначенным тезисом, поскольку в ст. 2.1 КоАП РФ закреплено, что административным правонарушением признается противоправное виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое им или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность. Поэтому правонарушения, ответственность за совершение которых установлена другими нормативными правовыми актами, не являются административными.

Анализируя далее ст. 74 ФЗ «О Центральном банке РФ (Банке России)», банковское правонарушение можно определить как нарушение кредитной организацией федеральных законов, издаваемых в соответствии с ними нормативных актов и предписаний Банка России; непредставление информации, представление неполной или недостоверной информации; непроведение обязательного аудита; нераскрытие информации о своей деятельности и аудиторского заключения по ней.

Абзац второй рассматриваемой статьи предусматривает квалифицирующие признаки в виде неисполнения в установленный Банком России срок предписаний Банка России об устранении нарушений, выявленных в деятельности кредитной организации, а также в случае, если эти нарушения или совершаемые кредитной организацией банковские операции или сделки создали реальную угрозу интересам ее кредиторов (вкладчиков).

Таким образом, основанием для применения санкций, предусмотренных в Федеральном законе «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», может быть совершение только банковского правонарушения. Поэтому отсутствие законодательного закрепления определения банковского правонарушения, по нашему мнению, не является свидетельством его фактического отсутствия. Делая вывод о существовании банковского правонарушения, сделаем акцент на том, что одни исследователи ставят знак равенства между банковским правонарушением и нарушением банковского законодательства, другие считают, что в банковском праве существуют не правонарушения, а только нарушения банковского законодательства. В связи с этим, А.Г. Братко утверждает, что санкции в банковском праве представляют собой меры защиты, поэтому они применяются не за правонарушение, а за нарушение, поскольку применение санкций в банковском праве не может основываться на составе правонарушения [3, с. 47].

Данная точка зрения представляется не совсем убедительной, поскольку, совершая противоправные деяния, запрещенные банковским законодательством, под угрозой применения к нарушителю мер принуждения, субъект нарушает нормы права, регулирующие банковские правоотношения, т.е. совершает банковские правонарушения.

Похожую идею высказывает и С.Г. Зубанова [6], которая утверждает, что нарушение норм права – это правонарушение, т.е. акт, противный праву, его предписаниям, законам. Прав и А.А. Иванов [7, с. 192], который считает, что правонарушениями являются неправомерные деяния, за совершение которых законодательством предусмотрено применение мер принуждения. В поддержку этого умозаключения можно привести точки зрения и других специалистов [9, с. 49].

Кроме того, анализ действующего законодательства доказывает, что дефиниция «нарушение банковского законодательства» шире термина «банковское правонарушение», поскольку к нарушениям банковского законодательства помимо банковских правонарушений также можно отнести административные правонарушения в банковской сфере (например, ст. 15.10 «Неисполнение банком поручения государственного внебюджетного фонда», ст. 15.26 «Нарушение законодательства о банках и банковской деятельности» КоАП РФ), банковские преступления (например, ст. 172 «Незаконная банковская деятельность», ст. 176 «Незаконное получение кредита» УК РФ) и гражданско-

правовые нарушения (например, ст. 856 «Ответственность банка за ненадлежащее совершение операций по счету» ГК РФ).

Подведем итоги. Банковскому правонарушению присущи все признаки, характеризующие любое правонарушение. Однако у него есть и свои отличительные черты.

Во-первых, оно может быть установлено только нормами банковского законодательства. Во-вторых, за его совершение к виновному лицу применяются санкции, предусмотренные Федеральными законами «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и «О банках и банковской деятельности». В-третьих, порядок применения этих санкций закрепляется в банковском законодательстве. И, в-четвертых, в качестве субъектов банковских правонарушений могут выступать только субъекты банковских правоотношений (например, кредитные организации).

Отсюда, банковское правонарушение представляет собой виновно совершенное противоправное общественно вредное деяние (действие или бездействие) участника банковского правоотношения, за совершение которого банковским законодательством установлены меры принуждения, применяемые к нарушителям Центральным банком РФ (Банком России) в установленном законом порядке.

Банковское правонарушение, как и любое другое правонарушение, имеет состав, под которым понимается совокупность предусмотренных нормами банковского права элементов, при наличии которых данное противоправное деяние признается таковым. Традиционно к ним относятся объект правонарушения, объективная сторона правонарушения, субъект правонарушения и субъективная сторона правонарушения. Но банковское законодательство четко не устанавливает элементы банковского правонарушения. Поэтому правы те авторы, которые считают, что субъект, субъективную сторону, объект и объективную сторону банковского правонарушения можно выделить, исходя из действующих правовых норм [1, с. 34].

Объектом банковского правонарушения являются общественные отношения в сфере осуществления банковской деятельности кредитными организациями, головными кредитными организациями банковских групп и другими участниками банковских правоотношений.

Объективная сторона банковского правонарушения – это совокупность признаков противоправного деяния (действие или бездействие), предусмотренных нормами банковского законодательства РФ и характеризующих внешнее проявление банковского правонарушения в реальной действительности. Объективная сторона правонарушения может выражаться как в форме действия, так и бездействия, например, нарушение кредитной организацией федеральных законов, издаваемых в соответствии с ними нормативных актов и предписаний Банка России, непредоставление информации, предоставление неполной или недостоверной информации и т.п.

Субъект банковского правонарушения – это лицо, совершившее банковское правонарушение, в отношении которого применяются банковские санкции.

Из анализа действующего законодательства следует, что субъектами банковских правонарушений могут выступать как коллективные, так и индивидуальные субъекты банковского права. В качестве таковых законодатель называет кредитные организации, головные кредитные организации банковских групп, а также акционеров (участников) кредитных организаций.

Субъективная сторона банковского правонарушения состоит в наличии вины нарушителя. К сожалению, в банковском законодательстве отсутствует прямое указание на вину как на обязательный признак состава банковского правонарушения. В связи с этим можно поддержать А.А. Мусаткину, которая считает, что отсутствие указания на наличие вины в нормативных правовых актах, устанавливающих ответственность за банковские правонарушения, является большим недостатком [9, с. 51].

Вместе с тем, наличие вины как обязательного элемента можно проследить, исходя ст. 74 ФЗ «О Центральном банке РФ (Банке России)», поскольку невиновно

нарушить банковское законодательство Российской Федерации, по нашему мнению, невозможно. Более того, проанализировав названную статью, можно констатировать, что банковские правонарушения чаще всего совершаются умышленно. Исходя из этого, резюмируем, что законодатель на вине не делает акцента, но он ее подразумевает.

Следует подчеркнуть, что применение на практике положений ст. 74 ФЗ «О Центральном банке РФ (Банке России)» является весьма проблематичным. Так, повторимся, что деяния, предусмотренные обозначенной статьей закона и ст. 15.26 КоАП РФ, имеют большую схожесть. Значит, при их совершении к нарушителям можно применять санкции, предусмотренные разными законами, т.е. существует конкуренция правовых норм, которую необходимо устранить.

В юридической литературе предлагается несколько вариантов решения названной проблемы. Так, по мнению А.З. Арсланбековой [1, с. 34], нужно учитывать правило о приоритете специальных норм над общими, чем является норма Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Поэтому именно она подлежит применению.

Высказывается и другая точка зрения. Например, Э.Г. Липатов и С.Е. Чаннов считают, что в данном случае подлежит применению ст. 15.26 КоАП РФ. В качестве аргумента авторы приводят суждение, согласно которому ФЗ «О Центральном Банке РФ (Банке России)» не может устанавливать административную ответственность, поскольку законодательство об административных правонарушениях состоит из КоАП РФ и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов РФ [8, с. 711]. Поэтому нельзя рассматривать меры ответственности по ст. 74 указанного закона как специфические публично-правовые санкции, так как аналогичный состав уже предусмотрен Кодексом РФ об административных правонарушениях, и подлежит применению статья 15.26 КоАП РФ, а не статья 74 ФЗ «О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России)».

На наш взгляд, решению этой проблемы будет способствовать внесение изменений и дополнений в ст. 74 ФЗ «О Центральном Банке РФ (Банке России)», на основании которых штраф и порядок его взыскания должны будут определяться КоАП РФ. Помимо этого к нарушителям банковского законодательства РФ также будут применяться и специальные меры принуждения, предусмотренные в ст. 74, действующая редакция которой имеет довольно сложную конструкцию (она включает 13 абзацев). Поэтому в целях эффективного правоприменения ее необходимо разделить на несколько частей. В части первой изложить противоправное деяние, установленное в абз. 1, а во второй – деяние, предусматривающее квалифицирующие признаки и соответственно влекущее более суровые правовые последствия.

Нормы об ответственности головной кредитной организации банковской группы и акционера (участника) кредитной организации следует закрепить в качестве самостоятельных составов, например, путем внесения дополнений в виде ст. 74.1 и 74.2.

В заключение обратим внимание на особенность порядка применения Банком России перечисленных в обозначенной статье санкций, которые, исходя из буквального ее толкования, являются правом Центрального банка РФ. Подобное положение, по нашему мнению, может негативно отразиться на банковских правоотношениях, а также способствовать совершению различного рода злоупотреблений со стороны кредитных организаций и иных субъектов банковского права.

Нарушение банковского законодательства РФ в обязательном порядке должно влечь для нарушителя определенные неблагоприятные последствия, под угрозой применения которых запрещено совершение банковских правонарушений. Поэтому считаем целесообразным формулировку «В случае нарушения кредитной организацией федеральных законов ... Банк России имеет право ограничить проведение кредитной организацией отдельных операций...» заменить на «В случае нарушения кредитной организацией федеральных законов ... Банк России принимает меры по ограничению про-

ведения кредитной организацией отдельных операций...» и т.д. Внесение названных изменений, направленных на недопущение совершения противоправных деяний в банковской сфере под угрозой применения к нарушителям в обязательном порядке банковских санкций, будет способствовать лучшему соблюдению банковской дисциплины.

Сформулированные автором предложения по совершенствованию теории банковского права и банковского законодательства Российской Федерации позволят устранить существующую конкуренцию норм банковского и административного права, будут способствовать единообразному толкованию его норм и их дальнейшему развитию и, как следствие, более эффективному правоприменению.

Литература

1. Арсланбекова А.З. Соотношение финансово-правовой и административной ответственности, применяемой за нарушение банковского законодательства // Законодательство. 2010. № 1.
2. Астафьев В.Б. Административная ответственность за нарушение законодательства о банках и банковской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
3. Братко А.Г. Банковское право в России (вопросы теории и практики). М.: Гарант, 2007.
4. Генералов С.Г. Природа и условия квалификации банковских правонарушений // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 4.
5. Джафаров Н.К. Банковское правонарушение как основание юридической ответственности // Закон и право. 2011. № 5.
6. Зубанова С.Г. Теория государства и права: электронный учебник. М.: Институт экономики и права. URL: <http://www.be5.biz/pravo/tzsg/toc.htm> (дата обращения: 15.06.2016).
7. Иванов А.А. Справочник по теории государства и права: основные категории и понятия. М.: Экзамен, 2006.
8. Комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях / под общ. ред. Э.Г. Липатова и С.Е. Чаннова. М.: Гросс Медиа, 2008.
9. Мусаткина А.А. Финансовое правонарушение: понятие и виды // Налоги и налогообложение. 2006. № 5.
10. Черников В.С., Черникова Е.В. Ответственность кредитных организаций за нарушение банковского законодательства // Современное право. 2001. № 4.

УДК 347.471.028.5:346.62

О НАБЛЮДАТЕЛЬНОМ СОВЕТЕ ТЕРРИТОРИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Артём Александрович Якубец, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: ar.yakubets@yandex.ru

Статья посвящена исследованию такого института, как наблюдательный совет территории опережающего социально-экономического развития. Анализируется его совместимость с общественным финансовым контролем, определяется место в системе субъектов финансового контроля. На основании анализа действующих нормативных правовых актов делается вывод о том, что наблюдательный совет является субъектом, осуществляющим финансовый контроль с характерными признаками общественного финансового контроля.

Ключевые слова: финансовый контроль; наблюдательный совет; территории опережающего социально-экономического развития; народный контроль; бюджеты бюджетной системы.

ON THE SUPERVISORY BOARD OF AREAS OF ADVANCING SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

Artem Aleksandrovich Yakubets, post graduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article is devoted to such institution as of the Supervisory Council of the territory of advancing socio-economic development. Its compatibility with public financial control is under analysis and there is determined the system of financial control subjects. Based on the analysis of existing regulations there concludes that the Supervisory Board is the entity involved in financial control with the characteristics of public financial control.

Keywords: financial control; the Supervisory Board; the territory of advancing socio-economic development; national control; the budgets of the budgetary system.

В последние годы внимание Российского государства направлено на развитие регионов. Реализуя связанные с этим задачи, оно законодательно закрепляет различные механизмы, в том числе институт территорий опережающего социально-экономического развития.

Толчком к финансово-правовому регулированию функционирования данных территорий послужило Послание Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию [7], которое было конкретизировано в положениях Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» [6].

В настоящее время Правительством РФ одобрено девять площадок опережающего социально-экономического развития, которые будут размещаться на территориях Хабаровского, Приморского, Камчатского краев, Амурской области и некоторых других субъектов Российской Федерации.

В ходе анализа рассматриваемого нормативного правового акта можно найти интересное государственное решение (ст. 6) по осуществлению финансового контроля в виде наблюдательного совета территории (далее – наблюдательный совет). Его создание продиктовано тем, что на реализацию проектов территорий опережающего социально-экономического развития запланирована значительная доля бюджетных средств для улучшения функционирования регионов.

Полномочия наблюдательного совета установлены положением, утвержденным приказом Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока от 27 февраля 2015 г. № 20 «Об утверждении Положения о наблюдательном совете территории опережающего социально-экономического развития».

Анализ действующего законодательства свидетельствует о том, что наблюдательный совет может осуществлять контрольные полномочия за расходованием выделенных финансовых ресурсов на эффективное функционирование рассматриваемых территорий, что особенно важно в условиях современного развития национальной экономики, находящейся в стагнации, которая предопределена санкциями со стороны других государств, наличием волатильности национальной валюты, падением цен на нефть и др.

К основным полномочиям совета в финансовой сфере можно отнести, во-первых, координацию деятельности и контроля за выполнением соглашения о создании территории опережающего социально-экономического развития.

Под соглашением о создании территории опережающего социально-экономического развития, согласно ст. 3 рассматриваемого закона, следует понимать соглашение, принятое между уполномоченным федеральным органом, высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации и исполнительно-распорядительным органом муниципального образования или исполнительно-

распорядительным органом муниципальных образований, на территориях которых создается территория опережающего социально-экономического развития, о создании территории опережающего социально-экономического развития и установлении обязательств перед управляющей компанией.

В качестве основных обязательств можно обозначить:

- обязательства по передаче управляющей компании полномочий по управлению и распоряжению земельными участками и иными объектами недвижимости, находящимися в государственной или муниципальной собственности и расположенными на территории опережающего социально-экономического развития;

- обязательства по передаче управляющей компании в собственность или аренду земельных участков и иных объектов недвижимости, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территории опережающего социально-экономического развития;

- обязательства по установлению порядка финансирования строительства, реконструкции и (или) эксплуатации объектов инфраструктуры территории опережающего социально-экономического развития;

- обязательства об условиях предоставления резидентам территории опережающего социально-экономического развития налоговых льгот по уплате налогов на имущество организаций, земельного налога, в том числе сроки предоставления этих льгот.

Соглашение можно рассматривать как особый план деятельности государственных органов и органов местного самоуправления по поводу создания основы для функционирования рассматриваемых территорий. Финансовой базой данных мероприятий выступают средства федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ, бюджетов местного самоуправления, а также внебюджетных источников (российских и иностранных инвесторов).

Во-вторых, к полномочиям совета можно отнести установление оценки эффективности функционирования территории опережающего социально-экономического развития, а также, в-третьих, контроль за реализацией перспективных планов развития территории опережающего социально-экономического развития.

Для определения видовой финансово-контрольной относимости наблюдательного совета будет правильным рассмотреть структуру и особенности его образования.

В Положении о наблюдательном совете закреплено, что в его состав может входить не более 10 человек. Причем категория лиц, имеющих право входа в данный совет, существенно ограничена. В него могут входить представители Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока, высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, иных государственных органов и исполнительно-распорядительных органов муниципального образования, а также представители управляющей компании. Например, на территории опережающего социально-экономического развития «Хабаровск» утвержден состав наблюдательного совета в количестве 10 человек, куда вошли представители как государственной власти, так и общественных объединений*.

К иным государственным органам, представители которых могут включаться в состав наблюдательного совета, можно отнести:

- 1) органы прокуратуры Российской Федерации;
- 2) Главное управление по вопросам миграции;
- 3) органы Федеральной таможенной службы (в случае, если на территории опережающего социально-экономического развития предусмотрена процедура свободной таможенной зоны).

* Официальный сайт Министерства РФ по развитию Дальнего Востока. URL: http://minvostokrazvitia.ru/regulatory/?SECTION_ID=288 (дата обращения: 25.03.2016).

Кроме того, для участия в заседаниях наблюдательного совета могут приглашаться представители резидентов территории опережающего социально-экономического развития.

Основными принципами деятельности наблюдательного совета законодатель определяет компетентность, независимость, открытость и беспристрастность.

Особенностью наблюдательного совета является то, что его члены не получают какого-либо вознаграждения за осуществление возложенных на них функций.

Учитывая, что государственный (муниципальный) финансовый контроль осуществляется органами государственной власти и местного самоуправления, в том числе специально созданными подразделениями, и наблюдательный совет нельзя причислить ни к одному из обозначенных субъектов, можно сделать вывод: наблюдательный совет осуществляет негосударственный финансовый контроль с признаками, характерными как для народного, так и общественного контроля, которые имели существенное значение для периода СССР, особенно в 80–90-е гг. прошлого столетия.

Отметим, что в настоящее время наука финансового права не выделяет такой вид негосударственного финансового контроля, как народный. Специалисты периода советского финансового права, и в частности Г.С. Гуревич, народный финансовый контроль относили к неведомственному финансовому контролю, который сочетал в себе государственный контроль с общественным контролем трудящихся на предприятиях, в учреждениях и организациях [8, с. 55].

Так в чем же особенность народного контроля? В соответствии с действующим в то время Законом «О народном контроле в СССР» [5] можно выделить следующие его черты.

Во-первых, принимаемые субъектами контроля решения порождали правовые последствия. Советская модель предполагала обязательность их исполнения, т.к. была предопределена ленинским постулатом: «Контроль без власти есть пустая фраза... для того чтобы контролировать, нужно иметь власть» [3, с. 345–346] и, соответственно, решения субъектов народного контроля наделяла юридической силой.

Во-вторых, правовой статус субъектов контроля зависел от возможности участия в политической системе. Характеризуя данный признак, И.И. Клишко указывал на то, что «контроль и проверка исполнения в системе государственного управления всегда носят политический характер уже потому, что в той или иной мере, прямо или косвенно, нацелены на осуществление генеральной линии государства, на решение стратегических и тактических задач» [2, с. 17].

Проводя параллель с наблюдательным советом территории опережающего социально-экономического развития, можно сказать, что в его основу, как и при осуществлении народного контроля, заложены единые принципы структурного построения, поскольку наличествуют представители государственных и общественных органов. Следовательно, относительно субъектного состава, можно утверждать о переходе черт народного контроля в систему построения деятельности наблюдательного совета.

Вместе с тем, наблюдательный совет, по нашему мнению, в полной мере нельзя ассоциировать с народным контролем. Это объясняется современной российской политико-правовой системой, которая коренным образом отличается от советской.

Напомним, что помимо признаков народного контроля деятельности наблюдательного совета присущи черты и общественного контроля.

Первой и наиболее важной особенностью является отсутствие властного характера в принимаемых решениях по результатам проведенной им работы.

Согласно законодательству, наблюдательный совет правомочен принимать решения, если на заседании присутствует более половины его членов, в случае проведения заочного голосования, – если заполненные опросные листы представлены не менее чем половиной членов наблюдательного совета.

Решения на заседании наблюдательного совета принимаются путем открытого голосования простым большинством голосов его членов, присутствующих на заседании, при условии наличия кворума. Принятое решение оформляется протоколом заседания. Какого-либо упоминания о властном характере принятого решения по результатам деятельности наблюдательного совета в нормах права не содержится, поэтому, согласно действующему законодательству, решению не придается такое свойство, как обязательность исполнения для других участников.

В качестве другой особенности можно выделить то, что объект контрольных действий наблюдательного совета – это общественные отношения по поводу создания и функционирования территорий опережающего социально-экономического развития, в том числе связанных с их финансированием за счет централизованных и децентрализованных источников, публичных и частных финансов.

Третья черта, по которой можно судить о принадлежности деятельности наблюдательного совета к общественному контролю, – это безвозмездность деятельности его членов, которые не получают какого-либо вознаграждения за осуществление возложенных на них функций, чтобы не влиять на объективность и независимость принимаемых решений относительно объекта подконтрольной деятельности.

Помимо перечисленных особенностей, можно обратить внимание и на тот факт, что для участия в его заседаниях могут приглашаться представители резидентов территории опережающего социально-экономического развития. Следовательно, в его деятельности участвуют не только представители власти, но и граждане, наделенные правом представлять резидента данных территорий.

Вместе с тем, размышляя об особенностях общественного финансового контроля, нельзя не отметить, что в литературе высказываются точки зрения по вопросам участия в контрольных мероприятиях такого рода представителей власти. Так, например, В.В. Гриб [1] и Г.Э. Мамцев [4], выделяя признаки общественного финансового контроля, указывают о невозможности представителей органов публичной власти выступать в качестве субъектов общественного финансового контроля.

С их мнением можно согласиться отчасти, поскольку принадлежность субъекта к государственной власти, который включен в состав органа, наделенного полномочиями в сфере финансового контроля, на наш взгляд, не является основополагающим признаком, препятствующим отнесению последнего к такому виду финансового контроля, как общественный. Важность не в статусе представителя власти, а в его принципах деятельности, которыми он руководствуется, и полномочиях, которыми обладает при входе в состав органа с признаками общественного финансового контроля. Следовательно, определяющим является не формальный подход к категории «представитель власти», а его качественное состояние при осуществлении деятельности в указанном органе, с учетом соблюдения принципа устранения конфликта интересов.

Таким образом, объективным, по нашему мнению, будет вывод о том, что наблюдательный совет является субъектом, осуществляющим финансовый контроль с признаками, характеризующими в большей степени общественный финансовый контроль.

Но, несмотря на это, целесообразно устранить пробелы относительно принимаемых наблюдательным советом решений, обязательности присутствия его представителей на мероприятиях, связанных с функционированием рассматриваемых территорий, а также конкретизации форм взаимодействия при осуществлении финансового контроля с другими контролирующими субъектами.

В связи с этим необходимо дополнить действующее законодательство:

1) в ч. 1 ст. 6 Федерального закона «О территориях опережающего социально-экономического развития» после слов «...привлекаемых резидентами территории опережающего социально-экономического развития» добавить следующую формулировку: «В целях реализации возложенных полномочий на наблюдательный совет присутствие его представителей на мероприятиях, связанных с функционированием рассматриваемых»

мых территорий, является обязательным. Наблюдательный совет территории опережающего социально-экономического развития в процессе своей деятельности взаимодействует с органами управления и органами, уполномоченными осуществлять контроль за функционированием территорий опережающего социально-экономического развития. Формы взаимодействия устанавливаются Положением о наблюдательном совете территории опережающего социально-экономического развития, утвержденным уполномоченным федеральным органом»;

2) пункт 59 Положения о наблюдательном совете изложить в следующей редакции: «Оформленный протокол заседания наблюдательного совета направляется в уполномоченный орган для принятия решения»;

3) пункт 14.1 Положения о наблюдательном совете изложить в следующей редакции: «Члены наблюдательного совета участвуют в плановых проверках по отдельным видам государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, проводимых органами государственного контроля (надзора) и органами муниципального контроля в виде совместных проверок. Ежегодные планы проведения совместных плановых проверок разрабатываются председателем наблюдательного совета и подлежат согласованию с уполномоченным федеральным органом».

Сформулированные предложения, на наш взгляд, могут положительно сказаться на результативности деятельности наблюдательного совета, помогут воспринимать решения последнего как «сигнал» для вышестоящих контрольно-надзорных органов в случаях нецелевого и (или) неэффективного расходования бюджетных денежных средств и других источников, что будет способствовать профилактике правонарушений (преступлений) в финансово-бюджетной сфере.

Литература

1. Гриб В.В. Общественная палата Российской Федерации как орган общественного контроля // Юридический мир. 2010. № 3.
2. Климко М.И. Контроль в системе советского государственного управления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 31. М., 1974.
4. Мамцев Г.Э. К вопросу о правовой регламентации общественного финансового контроля // Законодательство и экономика. 2015. № 11.
5. О народном контроле в СССР: закон СССР от 30 ноября 1979 г. // Свод законов СССР. Т. 1. Ст. 329. (в 1990 г. утратил силу).
6. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ // Российская газета. 2014. 31 декабря.
7. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г. // Российская газета. 2013. 13 декабря.
8. Советское финансовое право / под ред. Г.С. Гуревича. М., 1985.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В редакцию представляются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, а также краткие научные сообщения, соответствующие научным направлениям журнала.

2. Все рукописи статей, поступающие в редакцию журнала, проверяются на уникальность текста с использованием системы «Антиплагиат.ВУЗ». Доля оригинального текста должна быть не менее 70 %.

3. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде на CD или по электронной почте (e-mail: vestnikdvui@yandex.ru или redactor80@gmail.com).

4. Объем статьи должен быть не менее 10 и не более 20 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.

5. Статья должна быть подписана автором (авторами). Каждому автору необходимо указать: имя, отчество, фамилию (полностью), должность и место работы, ученую степень и звание, почетные звания, почтовый адрес и телефон для контактов, а также адрес электронной почты. Статьи адъюнктов и аспирантов должны также иметь подпись их научного руководителя, заверенную соответствующим образом.

Перед подписью автора и научного руководителя (после списка литературы) следует указать: «Представленный материал ранее нигде не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях. У авторов нет конфликта интересов, связанных с этой публикацией (если авторов два и более). Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю (не возражаем)».

6. Обязательно наличие аннотации, ключевых слов (не более семи речевых единиц) и пристатейных библиографических списков. Объем аннотации – около 500 знаков (включая пробелы). Аннотация не должна быть перифразом названия статьи, включать малоинформативные формулировки. Библиографический список составляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008.

7. Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторах должны быть представлены на русском и английском языках.

8. Статья должна иметь шифр УДК.

9. Технические требования к статьям:

- набор осуществляется в программе «Word» шрифтом «Times New Roman», размером 14 пунктов с полуторным междустрочным интервалом;

- библиографические ссылки внутритекстовые. В квадратных скобках указывается порядковый номер издания, на которое автор ссылается, при необходимости указывается номер страницы;

- название файла статьи – по фамилии автора (авторов).

10. В случае несоответствия присланных рукописей требованиям к оформлению статей, редколлегия оставляет за собой право вернуть рукопись автору без рассмотрения.

11. Рукописи статей рецензируются в соответствии с Положением об институте рецензирования журнала «Вестник Дальневосточного юридического института МВД России» (размещено по адресу: <https://dvui.mvd.ru/document/6828906>). Основными критериями рецензирования являются: актуальность; научная новизна; теоретическая и прикладная значимость; логичность и последовательность изложения; аргументированность основных положений; достоверность и обоснованность выводов. Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала в зависимости от результатов рецензирования.

12. Плата за опубликование статей не взимается.

13. Статьи для опубликования направляются в следующие сроки: для первого номера – до 25 января, для второго номера – до 1 апреля, для третьего номера – до 1 июля, для четвертого номера – до 1 октября.